

1861

ВОКРУГ
СВЕТА
WWW.VOKRUGSVETA.RU

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

ШАРАШКА

ноябрь
2008

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

ISSN 977-172784000-2

9 771727 840002

РАДИО РОССИИ

Государственная радиовещательная компания «Радио России» создана в 1990 г. Входит в холдинг ВГТРК. Единственное в стране радио, соответствующее европейской классификации «радиостанция общего формата».

«Радио России» обладает уникальной системой распространения сигнала:

" ПЕРВАЯ КНОПКА " проводного вещания

ДВ-1149м [261кГц]

СВ-343,6м [873кГц]

УКВ-66,44 МГц в Москве

УКВ-66,3 МГц в Санкт-Петербурге

WWW.RADIORUS.RU

- Аудитория - более 80 млн. человек ежедневно на всей территории Российской Федерации и сопредельных государств
- Вещание круглосуточное

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ
XXI ВЕК

НОЯБРЬ

2008

ШАРАШКА

ПОЛДЕНЬ, XXI век ШАРАШКА

Главный редактор
Борис Стругацкий
www.rusf.ru/abs
e-mail: BStrugatsky@vokrugsveta.ru

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»»
129515, Москва, а/я 6
e-mail: vokrugsveta@vokrugsveta.ru

Размещение рекламы РА «Видео Интернешнл-пресс»:
просп. Вернадского, 53, тел.: (495) 785 55 06, 984 63 14, факс (495) 974 62 52.

Распространение продукции «ВОКРУГ СВЕТА» ООО «ВС-Торговая компания»:
тел.: (495) 781 69 47, тел./факс (495) 781 69 48, vs-d@vokrugsveta.ru.

Распространение и подписка
ЗАО «Межрегиональный Дистрибьютор Прессы «МААРТ»:
тел. (495) 744 55 12. e-mail отдела продажи: sl@maart.ru
e-mail отдела подписки: podpiska@maart.ru

Юридическое сопровождение
ООО «Правовое бюро «Омега»:
тел. (495) 232 49 51

Тираж сертифицирован
Национальной Тиражной Службой

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ 77-16622 от 10 октября 2003 г.
Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98
Подписано в печать 06.10.08. Формат 84 x 108 ¹/₃₂
Гарнитура журнальная. Печ. л. 5.5. Тираж 23400
Заказ № 2681
ОАО «Типография «Новости»»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 978-5-98652-219-7

Информационная поддержка:
Александр Сидорович
(«ИНТЕРПРЕССКОМ»)

Адрес редакции:
199053, Санкт-Петербург,
1-я линия В.О., д. 28
Тел./факс (812) 328 63 29
e-mail: polden@vokrugsveta.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Тексты принимаются в формате RTF на дискетах
или по электронной почте: polden@vokrugsveta.ru

Колонка дежурного по номеру

Мне очень интересно, что происходит сейчас с так называемым внутренним цензором?

Раньше, примерно четверть века назад, внутренний цензор (назовем его для краткости ВЦ, как вычислительный центр) был очень детерминированным вычислительным центром. Область табуированного в текстах — тематики, лексики, иронии и юмора — определялась им безошибочно, а дальше писателю оставалось решать, как себя вести. Писать ли снова в стол по принципу «не могу молчать!» или же постараться обойти эту довольно обширную область, оставаясь все же на поле литературы, то есть не занимаясь поделками на потребу.

Мы все помним, как решали эту дилемму Струтацкие, балансируя на границе дозволенного и недозволенного.

После победы пролетарской революции демократии и рыночных отношений цензура была официально отменена, и началась мучительная борьба литераторов с собственным ВЦ, которая часто приводила к тому, что писатель настолько смело вторгся в область ранее запретного, что опять-таки исчезал с литературного поля, ибо далеко не всё, находившееся под запретом, автоматически становилось литературой при его описании и опубликовании.

Но вот государство, с которым и происходят эти игры, стало укреплять вертикали и горизонталы, приструнивать оппозицию и всячески показывать, кто в доме хозяин.

Но цензуру не вводит. Не вводит почему-то. А почему?

Да потому, что не просто надеется, а знает, что ВЦ никуда не делся. Он охотно просыпается в рядах редакторов, издателей и самих пишущих просто на всякий случай, как бы чего не вышло.

И опять чего-чего, а литературы не выходит.

К чему же я призываю?

Да ни к чему. Писать самым верным творческим методом — как Бог на душу положит, ибо Бог всегда кладёт правильно, а ВЦ аранжирует фальшиво.

Значит ли это, что надо писать смело и лезть в бутылку на баррикады? Да никоим образом! Лезть по-прежнему надо только себе в душу, а опубликуют это или нет — ну разве в этом дело? Или кто-то всё ещё рассчитывает жить на литературные гонорары?

Александр Житинский

«Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»
Генеральный директор Леонид Наумов
Директор по производству Евгений Колесов
Главный художник Юрий Токарев
PR-директор Анна Холодова
Директор по распространению Вадим Иваненко
Художники: Николай Панин, Александр Лебедев
Иллюстрация на обложке Николай Панин
Дизайнеры: Елена Кузянина, Станислав Новиков
Технологи: Сергей Соловьев, Сергей Цветков
Координатор Ольга Капустина

Редакция:

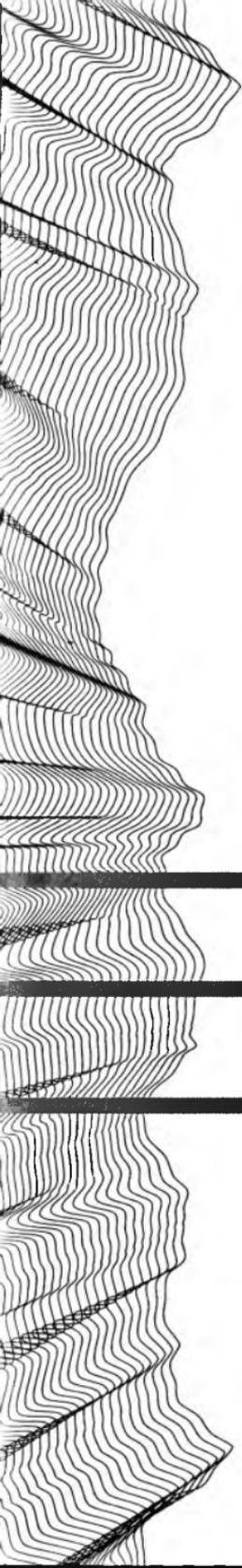
Александр Житинский, зам. главного редактора
AZhitinsky@vokrugsveta.ru
Николай Романецкий, отв. секретарь
NRomanetsky@vokrugsveta.ru
Самуил Лурье, редактор отдела прозы
SLurie@vokrugsveta.ru
Елена Минина, редактор отдела критики
EMinina@vokrugsveta.ru
Надежда Бельская, зав. редакцией
polden@vokrugsveta.ru

Общественный Совет при журнале:

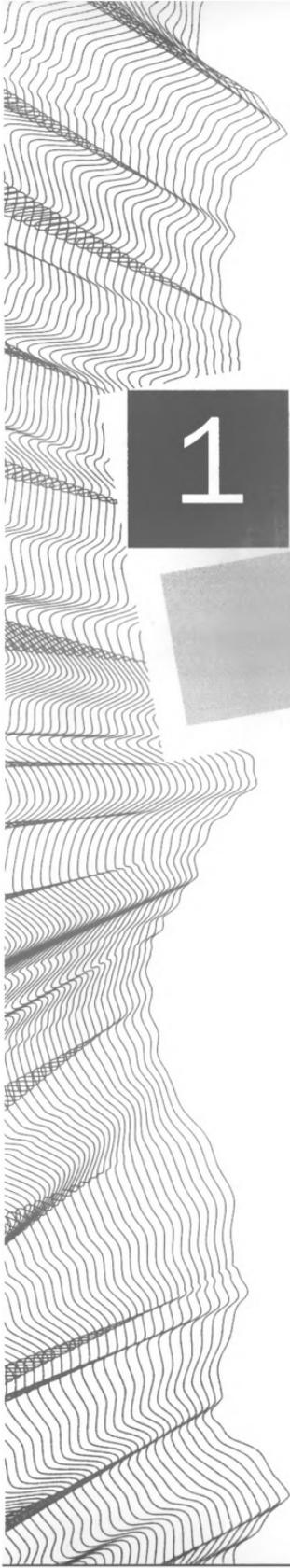
Андрей Измайлов <i>www.mo-nast.tu</i>	Сергей Переслегин <i>okh.nt.ru</i>
Святослав Логинов <i>www.rusf.ru/loginov</i>	Вячеслав Рыбаков <i>www.rusf.ru/rybakov</i>
Евгений Лукин <i>www.rusf.ru/lukin</i>	Михаил Успенский <i>www.list.krasline.ru/writers/uspensk</i>
Сергей Лукьяненко <i>www.rusf.ru/lukian</i>	Александр Щёголев <i>www.litcenter.spb.su/seminar/schegolev</i>

П • Л Д Е Н Ъ Х Х I В Е К

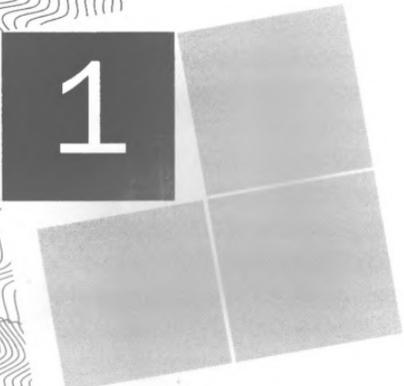
НОЯБРЬ (47) 2008

ИСТОРИИ
ОБРАЗЫ
ФАНТАЗИИ

1

ЯНА ДУБИНЯНСКАЯ

Шарашка

Повесть

— **М**ам, не плачь, я заработаю для тебя денег, — сказал Димка. Заглянул мне в глаза — и наступил в лужу; расстроился. Так старался, обходя острова непролазной грязи, кучи серого снега и потоки талой воды между ними... Чувствовал, что реально может сделать для меня самую малость: не промочить ноги.

Нельзя было брать его с собой. Я надеялась, что шестилетний ребенок не поймет. Хотя нет, ни на что такое я не надеялась, просто боялась оставить его дома — я теперь панически боюсь отпускать сына от себя. С тех самых пор, как он забрал его из садика. И вернулся — подбросил под дверь — через три дня, потому что у Димки начался приступ астмы, и он не знал, что делать. Еще и трус.

Сегодня я в очередной раз убедилась, что ничего о нем не знаю. Оказалось, что он числится замдиректора в своей подопечной отмывочной конторе и получает легальную, задекларированную зарплату ровно на рубль выше прожиточного минимума. И алименты на Димку по решению сегодняшнего суда будет платить именно с нее. Суд обязал меня также вернуть бывшему супругу вещи, переданные мне во временное пользование (список прилагается). О том, что он ведет учет своих подарков и коллекционирует товарные чеки, я тоже не знала.

Он и Димку заберет. Рано или поздно. Не обращаясь, естественно, ни в какой суд. Только сначала даст мне время осознать

простую истину: я не в состоянии прожить без него. Ему же наверняка известно, что я до сих пор не нашла работу, за месяц задолжала квартирной хозяйке, что золотые безделушки из списка давно сданы в скупку и даже издержки суда мне не по карману. Впрочем, подавать в суд было с моей стороны глупой ошибкой, — это он уже дал мне понять.

И Димке.

— Я буду мыть машины, мам. Сегодня я видел, один мальчик помыл... его машину, так он ему пять баксов дал. А это же нетрудно, только надо баллончик купить...

Снежная грязь расплзлась под ногами; я тоже угодила в лужу по щиколотку. Уже смеркалось. На той стороне улицы светилась витрина гастронома, слева на стекле виднелась старомодная надпись «Кафетерий».

— Да ну тебя, Димка... Пирожное хочешь?

* * *

Кафетерий слегка отдавал бомжатней. Но что делать — денег на чистенький фаст-фуд у меня все равно не было. По крайней мере, здесь запрещалось курить, и воздух портила только вонь дешевого гриля и пережженного кофе. Я усадила Димку подальше от двоих алкашей, квасивших у окна, и подошла к стойке.

— Один чай с лимоном, один кофе. Пирожное корзиночку... они свежие?

— Эклеры посвежее, — доверительно сообщила продавщица.

— Тогда эклер. И... — я поколебалась, — ...стаканчик красного вина. Кагора, если есть.

— Есть портвейн.

— Хорошо, давайте.

Вот так и спиваются. Сначала стаканчик красенького для снятия стресса, потом два стаканчика покрепче, а там и по сто грамм в каждой подвернувшейся «наливайке». А Димка будет мыть машины. Своей никчемной матери на опохмелку.

Он всегда говорил, что я никчемная. Каждый раз, когда я пробовала критиковать его бизнес, о подробностях которого узнавала из новостей. Он постоянно напоминал мне, на чьи средства я существую. То бишь убиваю время по бутикам, саунам и салонам красоты, пока он вкальвует, как проклятый, благородно рискуя здоровьем, нервами и жизнью. И не сомневался, что без него я никак не смогу.

Но я же смогла! Я же ушла от него — с маленьким чемоданом в одной руке и сонным Димкой, виснувшим на другой. Если

и взяла подаренные им побрякушки, так ведь это только на первое время. Я собиралась устроиться на работу. Уверена, что до сих пор у меня ничего не вышло не без его помощи; да и вряд ли случайно нас уже четыре раза без предупреждения выгоняли со съемных квартир. Конечно, я могу преувеличивать масштаб его возможностей...

Но могу и преуменьшать. Я ведь до сих пор ничего толком не знаю.

Нужно брать Димку и уезжать куда-нибудь подальше от его «района», туда, где можно будет начать новую жизнь. С нуля. Не может же быть, что я и вправду абсолютно ни на что не способна...

В институте, помнится, я всей группе писала «бомбы» для экзаменов. И по ядерной физике, и по электронике, и по сопромату. Причем даже не по книжкам, — а так, из головы.

Хотя когда это было...

* * *

— Да точно, она!

Не ори. Быть не может.

— Она-она, разуй глаза. Алка!..

Димка вздрогнул и обернулся, положив мимо блюдца надкушенное пирожное. Я придвинулась ближе вместе с пластмассовым стулом, положила руку на плечо сына. И только потом медленно повернула голову.

Двое бомжей у окна призывно махали руками. Третьим, мол, будешь?.. Я нервно усмехнулась, все крепче стискивая Димкино плечо. Если это его люди, то вряд ли нам сейчас будет до смеха.

— Да ну, тебе показалось.

— А я говорю... Алла!.. Алка!

Я произвольно оттянула веко к виску: жест, от которого так и не смогла избавиться — даже в самых дорогих контактных линзах. Он всегда говорил, что выгляжу я при этом полной идиоткой. Ну и наплевать. И на то, что он там говорил, и тем более на то, как я выгляжу.

Бомжи чуть ли не ликовали — особенно тот, что помоложе, в бурой дерматиновой куртке с рыжими проплешинами и россыпью грязных пятен, похожих на архипелаг. Второй, бородатый, вел себя сдержаннее; накануне он, похоже, ночевал в луже... Все-таки мы сели слишком близко. Но куда дальше — в кафешке на четыре столика и одну стойку вдоль стены?

— Ты их знаешь, ма? — безразлично спросил Димка.

Огромным куском пирожного зажевал панику. Измазался в креме. Я промокнула ему губы салфеткой. Не смотреть.

— Нет, конечно... подожди, — обернулась через плечо, сморгнула, снова коснулась уголка глаза. — Жеңька?..

— Ну, Колька, теперь видишь?! Узнала!!!

...Очень-очень серьезный мальчик. Когда кто-нибудь описывал его по памяти, то непременно говорил: «В очках», хотя очков Жеңя как раз и не носил. Чуть ли не единственный в группе никогда не пользовался на экзаменах моими «бомбами». Учился заочно где-то еще, кажется, на юридическом. Имел разряд по шахматам. Играл за городскую сборную в брейн-ринг...

Жизнерадостный алкоголик с рыже-сизой щетиной недельной давности.

Такова жизнь. На тот случай, если я еще сомневалась.

* * *

А второй был Коля с параллельного потока. Только его очень старила борода.

За их столик я, конечно, не пересела. Они сами перебрались к нам, распространяя такие странные запахи, что и не назовешь банальной вонью. Отдавало даже дорогим одеколоном... неужели внутрь? Чуть не рассмеялась вслух.

Димка методично четвертовал на блюде оставшуюся половину эклера, не поднимая головы. Я похлопала его под столом по колену: ничего, мы сейчас уйдем. Вряд ли они за нами увяжутся.

— ...в общаге заседали. Ну, помнишь, Колян, мы тогда с ребятами еще на областном «брейне» всех сделали...

— Да нет, гонишь. Последний раз — это когда дипломы отменяли. Всем курсом.

— Ха! Так Алки уже с нами не было. Она с четвертого курса замуж выскочила, забыл?

— Что, прям так и осталась без диплома?

— И правильно сделала. Кому он на фиг... Правда, Алка?

Я кивнула, соглашаясь неизвестно с чем и в какой-то степени поддерживая разговор. Напрасно. Надо просто вставить и уходить. Уже.

— В общем, да, — философски изрек Коля. — Бабы ценны для человечества другим местом. Вон какого парня произвела, а? Как тебя зовут, огурец?

Ответный Димкин взгляд зацепил меня лишь по касательной, но я все равно вздрогнула, явственно почувствовав холод

заточенной стали. Он тоже умел так смотреть. И ничем хорошим это не заканчивалось.

— Дима, — поспешно бросила я. — Ребята, нам пора идти. Здорово было встретиться. Увидите кого из наших, передавайте...

— Мы?!

— Увидим?!!

Одновременно высказавшись, бомжи переглянулись и зашлись нездоровым хохотом. Никакой логике их изумление не поддавалось, но меня это волновало меньше всего. Поднялась, сдернула с пластмассовой спинки стула сумочку за полторы с чем-то тысячи долларов. Порезанную в автобусе, с потертой ручкой — не продашь...

— Я не доел пирожное, мама.

В Димкином голосе прозвучала все та же ледяная заточка. Пирожное тут не при чем. Он не хочет бежать. Поджимать хвост перед какими-то...

Я села, положив сумку на колени:

— Доедай.

— В школу ходишь? — продолжал допытываться Коля. Сквозь нарощеную на нем кору из самых разных составляющих Димкина сталь, видимо, не пробивалась. — А в футбол умеешь играть?

Димка сосредоточенно жевал. Чай у него кончился, запить было нечем. Может, взять ему еще стакан сока?.. Тут, наверное, не очень дорого... Черт возьми, неужели я не могу купить своему ребенку стакан сока, не рассчитывая при этом бюджет на месяц вперед?!

— Папка играет с тобой в футбол?

Димка!!!

...Его нигде не было, ингалятора, ни в косметичке, ни в кармашке, — но я же никогда его не выкладываю!!! — вытряхнула содержимое сумочки прямо на столик, на полупустые чашки и пластиковые стаканчики, на крошки пирожного, до сих пор залпами разлетавшиеся из Димкиного рта. Вокруг которого уже сгустилась бледная синева.

Димка перегнулся пополам, надрывно кашляя, задыхаясь, пытаюсь схватить хоть капельку воздуха — и снова кашляя, кашляя... Бородатый Коля неловко поддерживал его за плечи и еще более неловко пытался постучать по спине. А Женька, нависнув над стойкой, кричал что-то про телефон и «скорую» прямо в равнодушную, как пустая витрина, морду продавщицы...

На самом видном месте. Прямо на блюдечке, перемазанном эклеровым кремом.

Я схватила флакончик, запрокинула Димкину голову прямо на руках у перепуганного Коли, прыснула спреем. Сейчас должно отпустить. Сейчас...

Димка дышал.

А я, упав всем телом на шаткий столик, неудержимо, истерически плакала.

* * *

— Козел. Ну надо же, какой козел!

Коля возмущенно перекинул стопарик. Женька присоединился. Я слотнула; еще немного, и действительно выпью с ними на троих. Мне уже предлагали. Поморщившись, помешала в стаканчике кофе пластмассовой палочкой, похожей на весло.

Димкина голова у меня на коленях была тяжелой и теплой. Спал. Я ритмично гладила его мягкие волосы; пока не проснется, я никуда отсюда не двинусь. Что бы там ни думала себе продавщица с пустой витринной мордой за стойкой. И ее отражение в темно-синем ночном стекле.

Кофе тут был мерзкий, особенно когда начал остывать. Мне его взял Женька. Кавалер в замызганном дерматине...

— Что ты теперь будешь делать, Алка? — негромко спросил он.

Я молча пожалала плечами. За ножку столика закатился мой косметический карандаш; осторожно, чтобы не разбудить Димку, наклонилась поднять.

— Не надо, — сказал сверху Женькин голос.

— А куда ей идти? — возразил Колин, более низкий и хриплый. — Этот козел все равно жизни не даст. Да еще с дитем.

— Я понимаю. Но как ты себе представляешь?..

— Ты же сам говорил, она умная баба. Разве нет?

— Да.

Я выпрямилась:

— О чем это вы?

Они молча перебрасывались через стол выразительными взглядами. Не сговариваясь, сдвинули стопки, и Женька споро наполнил их ровно по золотые ободочки. Выпили.

— Так вот, — медленно заговорил Коля. — Я, конечно, не знаю, насколько это тебе подойдет, Алла... Наше дело предложить, а решай сама. Есть одна контора, где можно заработать хорошие бабки. И, главное, твой козел тебя там не достанет. Никогда.

— Интеллектуальная работа, — встрял Женька. — Ты же в нашей группе лучше всех шарила сопромат, я помню. И физику. Черт, Алка, если б ты тогда согласилась пойти к нам в команду, мы бы, наверное...

— Подожди, — его ностальгия меня не интересовала. — Во-первых, что за контора? Во-вторых, какое вы имеете к ней отношение?

Бывшие однокашники снова переглянулись. Грустными ироническими глазами.

— Мы там работаем, — усмехнулся Женька.

— Понятно.

До чего надо было дойти, чтобы, пусть на полминуты, принять всерьез предложение работы, исходящее от двух бомжей — вперемешку с одеколонным перегаром, впрочем, уже перебитым нормальным, дешёвопроводочным. «Хорошие бабки!».. весело. Во всяком случае, должно быть весело...

Без четверти десять. Вот-вот продавщица вступит в свои права указать нам на дверь более убедительно, с помощью милиции. Будут орать, материться, разбудят Димку... И правда, куда мы с ним пойдём?!

— Ничего тебе не понятно, — сказал Коля.

— Ну так объясни ей! — почему-то раздраженно прикрикнул на него Женька; Димка у меня на коленях вздрогнул, завозился. — Все объясни.

— Мы оттуда сбежали, — усмехнулся бородатый. — Но, видимо, будем возвращаться. И можем прихватить тебя с собой. Там действительно можно скрыться от кого угодно. Жить в абсолютной безопасности. И в самом деле, ты на нас не смотри, зарабатывать очень неплохие деньги. Если мозги на месте, разумеется.

— Что это за контора? — сдержанно повторила я свой первый вопрос.

Женька усмехнулся тоже. Лево́й половиной рта:

— Шарашка.

* * *

— Я семь лет не открывала учебников. Если б вы дали мне возможность повторить...

— Как, говорите, вас зовут?.. Да-да, Аллочка. Аллочка, мне не нужно, чтобы вы за кем-то повторяли. Мне нужна ваша светлая головка. Я верю, что она у вас светлая. Как у нас в народе говорят? Доверяй, но проверяй. Загрузите тест номер восемь. Да-да, с восьмерочкой на пиктограмке...

Этот человек мне не нравился. Точно в таком же балагурно-задушевном стиле общался Толик, его телохранитель и «доверенное лицо». Добрый дядя Толик, который носил Димке апельсины, шоколадных зайцев и теплые стреляные гильзы. Он любил по-

вторять, что не хотел бы внезапно услышать за спиной Толиковы шаги, и оба покатывались со смеху. Я тоже не хотела бы. Только мне при этом не было смешно.

Женька и Коля узнаваемо описали мне его — директора «шарашки», как они это называли. Но он совершенно не выглядел большим начальником. Вернее, старался не выглядеть. Он старался казаться кем угодно, лишь бы не тем, кем являлся на самом деле.

Кабинет директора больше всего походил на приемную в средней руки офисе: в таких меня выдерживали по полчаса перед тем, как предложить перезвонить на той неделе. Дерматиновое кресло, в котором неформально развалился начальник, шаткий фортепьянный стульчик подо мной, кушетка, где уже второй час стоически скучал Димка. Компьютер с выпуклым монитором: от мерцания строчек слишком мелкого шрифта начинали зудеть и слезиться глаза.

Я кликнула на восьмерку. Перевернуть горизонтально — бесконечность. Никогда это не кончится...

Что я здесь делаю? Зачем оно мне нужно?

Секретное предприятие государственного значения... действительно, не мог же и он называть свою контору «шарашкой». Не в вывеске дело; кстати, ничего похожего на вывеску даже в виде шапки на документации здесь не было и близко. Если верить директору, они обеспечивают сотрудника и его семью (Димку!) отдельным коттеджем на территории, охраняемой по специальному разряду. Гарантируют абсолютную конфиденциальность. И готовы предложить оплату в размере...

Женька называл почти вдвое большую сумму. Наверное, надо было торговаться. Нет, не надо. Главное, чтобы они правда...

Я понятия не имею, правда ли хоть слово из того, что говорит этот веселенький человек с лысиной в полголовы и бородавкой на левом крыле носа. Я не в состоянии разгадать его игру. И даже подыгрываю ему как-то неловко и жалко:

— Я начинаю, да? Ну, поехали!

— Поехали-поехали, Аллочка. Да не волнуйтесь вы так.

Задачки по элементарной физике. Простенькие, для первого курса, да еще и с четырьмя вариантами ответов. Но с каждой ступенью теста ускоряется ритм, мигая сумасшедшим таймером в углу монитора, и вот уже невозможно что-то решить, только кликнуть на наиболее вероятный вариант... на тот, который интуитивно кажется правильным... на ближайший к курсору...

Конечно, я им не подойду. Не с моим умением споро двигать заедающей мышкой. И можно будет, наконец, забрать Димку — кажется, он уже втихаря что-то рисует шариковой ручкой на кушетке — и уйти. Куда-нибудь.

Кстати, везли нас довольно долго. В длинной дорогой машине с затемненными стеклами. Неправильно затемненными, так, что ничего не было видно — изнутри. К тому же была уже глубокая ночь.

Машину вызвал Коля из автомата, стрельнув у какого-то позднего прохожего телефонную карточку. Водитель ни капельки не удивился, пуская в салон двух зловонных бомжей; короткий диалог между ним и бывшими однокашниками прошел мимо сознания. Прогнувшись в пояснице под тяжестью сонного Димки, я думала совсем о другом. О том, что сейчас придется возвращаться на нашу съемную квартиру — а куда еще? — и что делать, если под дверью нас встретят кое-как набитые чемоданы. Но не собиралась же я, в самом деле, садиться в какую-то...

Если бы в нескольких метрах не остановился другой автомобиль. Тоже очень дорогой и длинный. И приветливо так не сигнализировал в бодреньком ритме, по очереди мигнув передними и боковыми фарами.

Димка плакал долго и безудержно, пока не заснул, вздрагивая не в такт плавному движению автомобиля. И я отключилась следом, незаметно для себя самой, уверенная, что продолжаю глядеться в ночь за неправильными стеклами. Потом вроде бы куда-то шла, и Димку кто-то, не помню кто, нес на руках... А проснулись мы уже утром. В том самом «коттедже на территории». Кстати, ничего так коттедж.

И территория мне понравилась: чистый снег и огромные сосны, между их верхушками кружилось небо. Димка так и дошел до административного помещения, запрокинув голову — подбородок выше веснушчатого носика, — и пару раз ликующе вскрикивал, заметив белку на стволе. По утрамбованной тропинке прыгала сойка с голубыми крыльями, она взлетела только тогда, когда мы подошли вплотную. Провожала нас улыбчивая девушка, не отвечавшая на вопросы о Женьке и Коле, да и вообще ни на какие вопросы.

...Безумное мельтешение на мониторе. Бездумные клики мышкой: в белый свет как в копеечку. При чем тут элементарная физика?.. Как больно глазам...

Зажмурилась:

— Все. Я больше не могу.

— Вот и славненько. Еще пару-тройку тестов, и будем делиться с вами, Аллочка... Ну ладно, ладно, не смотрите так! Завтра. Сегодня вы с сыном наши гости. Отдыхайте.

Из-под ресниц текли слезы, смешанные, наверное, с тушью. Голос вероятного работодателя звучал мягко, как удобное кресло. Сегодня мы его гости. А значит, нас никому не достать.

Сегодня.

* * *

— Смотри, мам, она прямо из пальцев берет!

Димка кормил белку засахаренными орехами. Предварительно обкусывая сахар, «чтоб у белочки не заболели зубки». Белка терпеливо ждала, склонив головку набок и помахивая серым с рыжинками хвостом. Дождавшись, зажимала орешек в лапках и начинала деликатно грызть.

Нигде не было видно ни души.

А надо кого-нибудь найти. Желательно Женьку с Колей... а впрочем, нет, лучше кого-то другого. Их версия о шарашке мне известна, однако у других, менее экзотичных сотрудников может быть и своя. Если эти другие вообще захотят со мной говорить... Так или иначе попробовать необходимо. И еще хотя бы приблизительно определиться, где мы географически находимся. В общем, понять, что она из себя представляет — внешне и по сути — эта шарашка.

— Мам, — Димка поднялся с корточек, и белка ускакала. — Хочешь, я пойду на разведку? Во-он там за лесом какие-то домики.

— Коттеджи, — машинально отозвалась я. — Мы оттуда пришли, забыл?

— Точно. Тогда неинтересно. А с той стороны, видишь?.. трубы. Одна, две... восемь. И еще две маленьких. Я сбегая, узнаю, что оно такое.

Я уже кивнула. Тоже машинально. И опомнилась лишь тогда, когда он сорвался с места, просыпав на снег пару орешков из пакетика.

— Стой!!!

У него всегда была мертвая хватка, будто браслет наручников. А я достаточно долго прожила с ним. Не настолько, чтоб научиться высвобождаться из захватов, но чтобы перенять технику — вполне.

— Никуда ты не сбегашь. Сейчас мы вместе вернемся в коттедж. Сказали, что обед подадут туда. Ты голодный?

— Нет, — буркнул Димка — обиделся. Ничего. Я его от себя не отпущу. Ни на шаг.

Между прочим, там, возле коттеджей, реально встретить кого-нибудь из сотрудников. Особенно в обеденное время.

Было очень тихо. Никаких городских шумов: ни жужжания отъезжающей машины, ни отголоска радио, ни единого индустриального звука с той стороны, где торчали над лесом трубы. Ничего похожего на отдаленный гул шоссе или железной дороги. В небе — сосновые лапы под шапками снега. Хоть бы самолет пролетел, что ли.

Мелькнула безумная мысль взобраться на сосну и осмотреть оттуда окрестности. Вид на шарашку с высоты сойкиного полета. Я усмехнулась. В самый раз — в длинном пальто и сапожках на каблуках; левый каблук, кстати, шатается.

Да и хорошенький был бы пример для Димки.

* * *

Димка категорически отказывался есть. Нельзя было хватать его за руку, ни в коем случае, я же знаю... И чем острее прорезалось чувство вины, тем более — жизненно! — важным казалось добиться, чтоб он поел. Какой идиотизм.

— Дим, ну посмотри, как вкусно: грибочки, картошка... Ты же любишь! Ну что с тобой?! Не пойдешь гулять, пока... Ты слышал, что я сказала?

Он мрачно молчал, глядя мимо тарелки.

Я подошла к окну. У коттеджей, когда мы вернулись, тоже никого не было: на стол успели накрыть раньше и, по-видимому, только нам. Везде — глухие ставни, как если б здесь вообще никто не жил. Но от общей тропы к каждому крыльцу вела аккуратная, словно геометрически вычерченная, тропинка, протоптанная в снегу.

И вдруг я увидела человека. Высокого мужчину, бодро шагавшего из лесу по направлению к нам. Вернее, надо думать, к себе, в один из соседних домиков.

Перехватить. Познакомиться. Срочно.

— Не хочешь — не ешь, — бросила я. — Но ты наказан! Я сейчас уйду, а ты останешься здесь и не смей с места тронуться! И чтобы к моему возвращению все съел, понял, Дмитрий?

Ни капли логики. Бедный Димка.

...Главное — успеть увидеть, в какой именно коттедж он войдет. Потом постучаться, попросить соль или спички... нет,

пожалуй, лучше утюг. Если утюгами тут укомплектованы все коттеджи, он объяснит. А я спрошу еще о чем-нибудь из области местного быта. Так и разговоримся. Только бы увидеть, не ломиться же потом во все коттеджи подряд...

Мне повезло. Мужчина вообще не вошел в дом, а расположился на деревянной скамейке перед крыльцом, вытянув длинные ноги и зажмурившись навстречу солнцу, как будто загорал. В меховой шапке, сапогах и чуть старомодном укороченном пальто.

Легенда меняется. Просто поздороваться, а там по обстоятельствам.

— Здравствуйте, — сказал он. Как будто разглядел сквозь опущенные ресницы не только меня, но и мои намерения. — Присаживайтесь. Скамейка совсем теплая.

— Спасибо, — я опустилась рядом.

— Не люблю зиму, — доверительно признался мужчина. — И, знаете, она никогда не заканчивается вовремя. Во всяком случае, здесь.

Переспросить, где именно «здесь», было бы слишком. Я улыбнулась:

— Да... В городе уже почти все растаяло.

— Вы ездили в город?

Равнодушие в его голосе было таким всепоглощающим, что я моментально в нем усомнилась. Ответила приветливо:

— Я только что оттуда.

Еще равнодушнее:

— Ну и как?

— Да ничего особенного. Холодно, сыро, грязь повсюду... Тут гораздо лучше.

Внимание. Отследить его реакцию.

— Да, конечно же, лучше... Безусловно.

Он не изменил позы. Только теперь она почему-то казалась противоестественной. Похоже, я допустила какую-то серьезную ошибку. И ничего не остается, кроме как держать паузу.

Протянулось полминуты. Затем человек встал, зябко передернул плечами, поплотнее запахнулся в куцее пальто.

— Задувает, — сказал он. — Пойду я, пожалуй. Приятно было пообщаться. Успехов.

Воздух был прозрачен и неподвижен, как хорошая водка в тонком стакане. Солнце блеснуло на золотом ободке: обручальное кольцо. Коттеджами на территории обеспечивают сотрудника с семьей. Мы соседи, будем видаться часто. Сегодня же я познакомлюсь с его женой.

Он ступил на крыльцо и внезапно, глядя мимо меня, спросил: — Но этот невообразимый ужас на площади хотя бы снесли? Точь-в-точь как на тесте. Мышка, курсор, варианты ответов. Быстро. Еще быстрее:

— Что вы, до сих пор стоит. И, знаете, люди привыкли. Уже не обращают внимания. Туристы даже фотографируются...

— Какое п-позорище, — это прозвучало как гораздо более сильное слово. — Ладно, простите. Всего вам наилучшего.

Он прошел в дом. А я развернулась и медленно двинулась к нашему с Димкой коттеджу.

Да, то, что стоит у нас на главной площади — действительно позорище. Но меня это давно не волнует, равно как и подавляющее большинство жителей города. А сначала общественность действительно протестовала, интеллигенция писала коллективные письма, деятели искусства выступали в прессе... я помню. Хотя лично мне и тогда было по большому счету все равно.

Вот-вот должен был родиться Димка.

* * *

— Мам, я поел, честно. Чуть-чуть осталось.

Не глядя на полную тарелку, прижала его к себе. Крепко. Еще крепче...

— Мам, пусти, больно...

Пустила. Отошла в конец кухни, присела на скользкое клеенчатое сиденье углом. Надо подумать. Пока есть время, тайм-аут, пока не приходится принимать решение в бешеном темпе бессмысленного теста...

Шесть лет. Шесть лет этот человек не был в городе. Что само по себе ни о чем не говорит: каждый может вести такой образ жизни, какой считает нужным. Но он шесть лет не имел доступа к информации о происходящем там! Если б имел, то был бы в курсе того, что до такой степени его волнует... наверное. Точно.

Ограничение свободы передвижения, если это входит в условия контракта, можно объяснить спецификой работы и, в принципе, принять — особенно в моем случае, в нашем с Димкой. Но свобода информации?

Ее ограничивают только в тюрьме. И то далеко не во всякой. «Шарашка».

«Мы оттуда сбежали».

Так что же, хватать Димку в охапку и бежать отсюда, пока не поздно? Мимо коттеджей, по лесу, через ограду — надеюсь, это не бетонная стена в два с половиной метра, колючей прово-

локой сверху и автоматчиками по периметру? — и на трассу, там поймать первую попавшуюся машину в противоположную от го-рода сторону... если, конечно, удастся сориентироваться. Да и в любом случае — что дальше?

— Мам, что мы дальше делаем? — спросил Димка. — Ты обеща-ла гулять.

Пожалуйста, без лишних резких движений. С чего это вдруг я запаниковала? Ну, попался странноватый, возможно, не со-всем адекватный сосед. Разве можно строить какие-то выводы на основании сведений, полученных из одного, к тому же вряд ли достоверного источника? Тем более что и сведений-то я, если разобраться, не получила, в сущности, никаких.

До вечера масса времени, и желательно употребить его с поль-зой. А если все, что мне удастся сегодня разузнать, будет работать на ту же самую гипотезу... Я откажусь, только и всего. А еще лучше — завалю ко всем чертям следующий тест, и добрый работодатель с бородавкой на носу откажется от меня сам. И вот тогда...

И вот тогда подумаем вплотную, что делать дальше.

— Мама!

— Что «мама»? Хочешь сказать, ты уже одет? Не вижу.

— А куда мы идем?

— В гости.

Мгновенная заминка. Дернулись уголки губ, в глазах прыг-нул страх — или показалось?

И нормальное детское:

— Уррра-а-а!!!

* * *

Пять коттеджей подряд оказались запертыми и безмолвны-ми, словно кафешки на зимнем пляже. Ни дымка из трубы; ну допустим, может быть, здесь везде электрокамины. Ни протали-ны на окнах, сплошь затканых морозными узорами: намерзло за день? Сотрудники на работе — а чем заняты члены их семей? Или семьи тут не у всех? А может, штат шарашки недоукомплек-тован, и многие дома стоят пустые?

Коттедж, куда вошел мой давешний собеседник, тоже не по-давал признаков жизни. Ушел? Значит, все-таки живет один, не-смотря на обручальное кольцо... бывает. Или, возможно, его жена тоже работает здесь какой-нибудь поварихой или лаборанткой.

— Мам, смотри!

На дороге кто-то рассыпал зерно, и по снегу деловито прыга-ли воробьи и синицы. При нашем с Димкой появлении они даже

не взлетели, только слегка откочевали в сторону для приличия. Непуганые. Тут вообще есть кому их пугать?

С другой стороны, подкармливать-то есть кому.

Мы поравнялись с шестым коттеджем, и я без особой надежды повернула голову: равнение направо. И затормозила.

На крыльце стояла женщина. Пышная, морозно-румяная, с красным цветастым платком на плечах. Увидев нас, она разулыбалась и призывно замахала руками:

— Поднимайтесь, поднимайтесь! Смелее!

— Мы к этой тете шли, да? — шепотом спросил Димка; я кивнула. Мы поднялись на крыльцо, свежеччищенное от снега, но все равно скользкое, как паркет, натертый мастикой. Я придержала Димку за руку.

— Сейчас самовар поставлю, — женщина широко распахнула перед нами входную дверь. — Новенькие, да? Я и смотрю — новенькие. Вы проходите, не стесняйтесь... Меня Марфой зовут.

— Алла, — машинально представилась я.

Дверной проем был занавешен густым тюлем. Когда я отвела его в сторону, обнаружилась пестрая занавеска, под ней — что-то вроде полога, плотного,

чуть ли не войлочного. Казалось, этим многослойным преградом не будет конца, я даже удивилась, когда рука пробилась, наконец, в пустоту. Втолкнув Димку перед собой, вошла в прихожую, по-деревенски заставленную мешками, коробами и корзинами. Впереди снова покачивался тюль, за ним угадывался силуэт стола и толстого самовара на нем.

— Разувайся, — шепнула я Димке.

— Я тебе тапочки дам, — с готовностью подхватила Марфа. — Или лучше носки? Носочки хорошие, чистая шерсть, сама вязала, в три нитки! Как тебя зовут, деточка?

— Дима, — ответил после паузы, решив «деточку» все-таки простить.

Снял куртку и шапку, разулся, натянул носки. Пока хозяйка за ними бегала, чуть-чуть отвел тюль и подглядел в щель, а затем конспиративно отвернулся в сторону. Мне, если честно, тоже хотелось. Интересно. Ведь коттедж стандартной планировки, точно такой же, как у нас, но глядя изнутри, никогда не скажешь.

Марфа широким жестом откинула занавеску, и мы прошли в горницу... светлицу... что-то в этом роде, не называть же такую комнату попросту гостиной. Пестрые дорожки и вывязанные кругляши на полу, вышивки по стенам, сундуки, крытые кружевными покрывалами, кровать с высокой периной и горой подушек,

иконы в углу, самовар, скатерть-самобранка, расписные чашки, горки ватрушек и пряников на блюдах. Хозяйка с ее платком и румянцем прекрасно вписывалась в интерьер.

— Аллушка, Димушка, садитесь! Самовар вот-вот закипит... Тут сахар, тут мед, варенье вишневое, абрикосовое. Есть еще малина с красной смородиной, я вам принесу, подождите...

— Спасибо, — я попыталась ее остановить, но женщина все-таки метнулась в смежную комнату, взмахнув очередным пологом. Мы с Димкой переглянулись. Он тоже пока не знал, что об этом думать.

Хозяйка вернулась, выложила в вазочку новое варенье и принялась разливать чай. Я придвинула к ней чашку и с места ринулась в нужный разговор:

— Марфа, ваш муж работает здесь?..

Уточнить, где именно, показалось странно неуместным. Никак не в стиль.

— Да, там, в шарашке, — беззаботно откликнулась она. Махнула рукой в сторону окна с милыми деревенскими занавесочками. — Программист он у меня.

Я кивнула, как будто и ожидала услышать что-то подобное. А разве нет?

— И дети ваши тоже тут?

— Деток Бог не дал, — виновато улыбнулась Марфа. Я смутилась, и она спешно добавила: — Но вообще в поселке ребятшек много, и такого возраста, как ваш, парочка есть. Будет, с кем играть, не волнуйтесь.

— Мам, а почему они не гуляют? — шепотом спросил Димка. Действительно, почему?

Марфа услышала:

— Так ведь в школе, наверное.

Хорошо, что здесь есть школа... Отпила чаю и поперхнулась, поймав себя на ложном, неправильном течении мыслей: будто я на все уже согласилась, прикидываю бонусы и удобства... Не расслабляться! Я должна узнать как можно больше о жизни этой Марфы и ее мужа тут, при шарашке. Как давно они здесь? Покидали ли хоть раз ее территорию? Что вообще им дозволено, а что запрещено? Сколько зарабатывает ее муж, и на что они тратят деньги? Как обставляли и обживали свой коттедж? Из чего она варит варенье?..

Я прикидывала перечень вопросов, разглядывая печку с изразцами. Дыма над коттеджем не было — видимо, электрическая, стилизация. А выглядит, будто настоящая... как и все остальное.

Димка уничтожил ватрушки с пряниками и поминутно тянулся за добавкой; разумеется, дома же совсем не поел. Словоохотливая Марфа подливала чаю и щедро удовлетворяла мое любопытство. Складно и логично, без малейшего прокола.

Они уже скоро пятый год как здесь живут и очень довольны. Оно ведь совсем не то, что в городе. Там она, Марфа, жуть как скучала, среди асфальта, лифтов и заносчивых городских соседок; да и муж, даром что специальность хорошая, современная, все время работу менял, нигде удержаться не мог, уже и пить начал, и ругаться, мол все из-за нее, жены, дуры деревенской. Если б еще детишки, оно бы, наверное, легче стало... да что говорить. Вовремя она подвернулась, эта шарашка. Спокойно тут, привольно. И муж подобрел да поздоровел, и хозяйство наладилось, а чего б ему не наладиться, если денежки водятся, заказать в местном магазине что хочешь можно, хоть хрусталь богемский, но в основном она утварь из родительского дома привезла. Выпустили, конечно, а с чего бы не выпускать-то? Муж — тот вроде бы не выезжал, точно, а зачем ему? А вы, Аллушка, абрикосового вареньица еще не пробовали... Абрикосы здешние, тут знаете сад какой!..

— Очень хотелось бы познакомиться с вашим мужем. Он скоро вернется?

Марфа безмятежно махнула рукой:

— А кто его знает. У них рабочий день... как это... не-нормированный.

— Ненормированный, — подсказал Димка.

— Да-да, ну и умный же деточка! По-всякому бывает. Если какой срочный проект ведут, может и неделю ночевать не приходиться. А могут и выходных несколько сразу дать, только мой этого не любит. Работящий он!

— А сегодня? — решила все-таки попытаться я. — Неужели он вас не предупреждает, если сверхурочная работа?

Хозяйка широко улыбнулась:

— А оно мне надо? Это в городе вечно названивал, если что, а потом сидишь как дура и переживаешь, — покосившись на Димку, интимно понизила голос, — правда, мол, работа у него или по бабам? А тут мне и так спокойно. Шарашка! Ничего с ним не случится, да и сам не учудит, начальство не даст.

— Начальство?

— Начальство — лучше не бывает, — убежденно изрекла Марфа. — Если твой еще сомневается, так ему и скажи.

И я вздрогнула, и синхронно со мной вздрогнул Димка, расплескав чай, к счастью, на блюдце, а не на белую скатерть, и надо

было срочно взять себя в руки, ведь ничего не случилось: действительно, не могла же деревенская женщина предположить, что я сама — вероятный сотрудник шарашки, а не чья-то жена...

Ничья я не жена. Мы развелись. Он не имеет на меня никаких прав. И никто не имеет. Я свободна. Если мне здесь не понравится, мы с Димкой тут же уедем. Куда-нибудь.

— Мам, — прошептал он, тронув меня ногой под столом, — пошли, а?

Я глянула в окно. Сквозь тюлевые узоры просвечивало густосиним. Вечер... уже? Однако мы и вправду засиделись. Пора.

— Спасибо, Марфа, — поднялась я из-за стола, и Димка подскочил следом. — Приятно было познакомиться.

— Если вдруг что, заходи, Аллушка, не стесняйся, — хозяйка окончательно перешла на «ты» и выглядела слегка разочарованной: видимо, надеялась на мою ответную откровенность в жанре семейной мелодрамы. Переживет.

Накинув пальто, я ждала в прихожей, пока оденется и переобуется Димка; он, как всегда, копался, особенно с носками. Отдавая их Марфе, забыл про «спасибо», пришлось подсказать касанием за плечо и выразительным взглядом. Красивые носочки, толстой узорчатой вязки, точно Димкиного размера...

Откуда они в ее доме, если у нее нет и никогда не было детей?

* * *

Димка шел по тропинке с запрокинутой головой, и приходилось придерживать его, чтобы не оступился и не поскользнулся. Голубоватый снег скрипел под ногами, вокруг была морозная синь, а там, наверху, — звезды. Огромные и бело-желтые, как россыпь неоновых лампочек.

— Мам, а вон Большая Медведица!

— Вижу.

— Сейчас Малую покажу. Там Полярная звезда, по ней всегда можно дорогу найти.

— Было бы неплохо.

У меня остановились часы. Надо было спросить время у Марфы, но у нее дома я еще об этом не знала. Во сколько сейчас темнеет? Уже, по идее, позже, чем в середине зимы. И как я могла целых полдня провести за чаем...

А может, так и было задумано? Они же прекрасно знали — руководство шарашки, что я попытаюсь собрать информацию тут, в поселке. И сделали мне подставу. Мягкую, обволакивающую, с

самоваром, ватрушками и бабьей откровенностью. Сомнительной, как электрокамин в дизайне русской печки.

Я глянула вдоль коттеджной улицы. Ни над одной крышей по-прежнему не поднимался дым. Свет в окошках горел выборочно, кое-где. Попробовать еще раз? Не исключено, что за каждым из светящихся окон ждут именно меня. Передернула плечами и крепче сжала Димкину руку.

— Мам, я ее не вижу.

— Кого?

— Малую Медведицу! Может, ее тут вообще нету?

— Может... То есть нет, так не бывает. Она, наверное, где-нибудь за крышами или за деревьями.

— А-а. Жалко.

Кроме звезд и редких оконных квадратов, никакого освещения. Ни души, ни единого звука, если не считать наших крахмально хрустящих шагов. Видимо, здесь не принято шумно расслабляться по вечерам. И гулять — тоже; что там говорила Марфа насчет детей? Правда, возможно, для прогулок и отдыха тут отведено какое-нибудь специальное место.

Поискать? Прогуляться, скажем, в сторону главного корпуса, где я сдавала утром тесты. Если не ошибаюсь, идти по тропе мимо коттеджей и дальше, никуда не сворачивая, через лес... В лесу водятся ручные белки. И не исключено, что кто-нибудь еще... покрупнее и не столь ручной.

Димка оживленно выискивал в небе знакомые созвездия, причем знал он их довольно много. Не помню, чтобы я ему показывала. А кто? Неужели он?

Мы поравнялись с нашим коттеджем. Или наш следующий? — засомневалась я.

И накатила злость, ярость, жгучая досада на собственную непригодность, никчемность, бессилие. Даже сориентироваться в считанных темных домиках!.. даже определить, наконец: вернуться ли к себе или стукнуть для пробы еще в чье-нибудь окошко! Не говоря уже о том, чтобы действительно оценить ситуацию, разобраться, принять решение. Оставаться здесь, с блеском выдержав завтрашние тесты и радуясь неожиданной привалившей удаче, или прямо сейчас бежать куда глаза глядят, сквозь черный заснеженный лес, наугад, ориентируясь разве что по звездам... Он был прав: я не могу — сама. Не говоря уже об ответственности за Димку.

Так, собраться, взять себя в руки. Вот этот коттедж — наш. Точно.

— Мам, я не хочу, давай еще погуляем! — запротестовал Димка.

— Нам с тобой завтра рано вставать, — я ступила в собственный след на деревянной ступеньке. — Очень важный день завтра, Дим.

Он кивнул, со вздохом поднялся на две ступеньки выше. И спросил:

— Мам, а что такое «шарашка»?

* * *

— Блестяще, Аллочка, просто блестяще! Честное слово, я счастлив заполучить настолько перспективного сотру... Что-нибудь не так?

— Ничего. Глаза.

Я тщетно пыталась проморгаться, унять резь под веками; предельная скорость теста — не сравнить со вчерашним! — продолжала мельтешить в голове, и зрочки метались туда-сюда, не желая остановиться. Почему у них тут такой плохой монитор?..

— Не волнуйтесь, это пройдет. Поздравляю, можете считать себя принятой на работу в наше учреждение. С испытательным сроком, разумеется.

— Разумеется. Только...

Я о чем-то забыла. О чем-то важном. О чем-то — мягко сказано, вся моя хитроумная стратегия, тщательно продуманная вчера в тиши и темноте, сереющей к рассвету, под ровное Димкино сопение и душный жар подушки, пошла прахом, выбитая из головы безумной тестовой программой. Рассчитанной, по-видимому, именно на такой эффект. Никакой это вообще не тест, просто глушилка для мозгов... Сейчас мне подsunут договор, и я подпишу, не читая, не могу я сейчас читать. Все продумано. Включая выпуклый мерцающий монитор на суперсовременной, судя по скорости, машине.

— Вам что-то не нравится, — участливый голос над ухом. — Как жаль. Высказывайте ваши замечания, попробуем договориться.

— Не совсем замечания... Но мне хотелось бы более четко представлять себе...

Из приемной высунулась секретарша:

— Шеф, вас там второй час добиваются.

— Ты сказала, что я занят?

— Он все равно звонит. Какой-то Анатолий, начальник приватной службы безопасности...

Рухнуло что-то большое и металлическое, хороня в грохоте его имя. Я резко обернулась — навстречу затравленному Димкиному взгляду поверх поверженной этажерки в ореоле разлетевшихся бумаг.

Димка пробормотал «извините» и присел на корточки.

— Впервые слышу, — сказал начальник. — Аллочка, может быть, вы знаете, кто это?

Я пыталась поставить на место этажерку, почему-то неровную, шаткую. Обернулась через плечо, незаметно сжав Димкины пальцы. И выговорила, почти не размыкая губ:

— Нет.

— Вот и славно, — улыбнулся он. — Танюша, передай этому Анатолию, что мы с Аллой ни его, ни его босса знать не желаем. А телефончик на всякий случай зафиксируй.

Повернулся ко мне, сияя тридцатью двумя зубами, масляными глазками, бородавкой, превосходством:

— На чем мы остановились?

Я молчала.

Молчала и думала о том, что здесь, наверное, вполне можно жить. Что Марфа, жена программиста, весьма довольна и счастлива. Что мне совершенно необязательно знать, какие еще монументы возведут в нашей столице за последующие пять-шесть лет. Что тут, кажется, есть другие дети Димкиного возраста и вроде бы школа. И что свобода — это, в первую очередь, когда ты ничего, никого и ни за кого не боишься. А уж этого человечка с бородавкой я бояться не буду. Никогда. Даже заключив с ним самый кабальный договор.

За спиной снова хлопнула дверь, и знакомый голос произнес:

— Я уже. Не рано?

Мой новый начальник миролюбиво отозвался:

— Нет, Евгений, в самый раз.

Щурясь и мигая, я посмотрела. Женька стоял в дверях, он был чисто выбрит, одет в безукоризненный костюм, и если описывать не глядя, непременно припомнились бы элегантные очки в тонкой оправе. Хотя очков он как раз и не носил.

Чуть-чуть потупил глаза.

* * *

— Считаешь меня подлецом?

— Как ты догадался?

— Я редко догадываюсь. Предпочитаю логику.

— Правильно предпочитаешь.

Мы шли по коридору. Слишком долго шли, никуда не сворачивая, не поднимаясь и не спускаясь. Что это за здание такое, длинное, словно гигантская коробка от лампы дневного света? Никаких окон не было, только двери без просветов и табличек да круглые плафоны над каждой третьей, я посчитала. Женька скользил рядом со мной изящно и бесшумно, как хороший танцевальный партнер, независимо от того, ускоряла я или замедляла шаги. Димка плелся сзади. Он устал. Он давно перестал что-либо понимать.

Я тоже.

— Я хотел бы тебе объяснить, Алла. Все не совсем так, как тебе кажется.

— Слушаю.

— Подожди, сейчас... Вот, — пройдя еще несколько метров, он притормозил у двери, точно такой же, как все остальные. — Здесь мы кофе пьем. Давай зайдем, посидим.

Толкнул дверь, легко подавшуюся внутрь. Небольшое пустое помещение с голыми стенами, окном, завешенным жалюзи, четырьмя пластиковыми столиками без пятен и пепельниц и кофейным автоматом в углу: рационально. Действительно, не держать же в шарашке богемную кофейню. Или кафетерий для бомжей.

— Тебе с молоком, без? — Женька занес над автоматом скрипичные пальцы. — Мальчику какао возьму, хорошо? Кстати, ты так и будешь его за собой таскать? Давай позвоню Коляну, пускай в детскую комнату ответит, у нас есть.

— Нет!!!

Намертво вцепилась в Димкины плечи. Не отпускать от себя. Пока не разберусь. Пока не... прекрасно понимая, что разбираться уже поздно. Но все равно.

— Как хочешь, — Женька поставил на стол два пластиковых стаканчика. Придвинул один к Димке: — Пей, парень, и помалкивай, хорошо? У нас серьезный взрослый разговор.

— Воспитывать будешь своих детей, — бросила я; лишнее. Подняла глаза: — Ну?

— Кофе пей. И успокойся. По крайней мере, попробуй.

— Попробую.

В условной кафешке было тихо и сумеречно. Глаза отдыхали, постепенно проходили мельтешение и резь. Пожалуй, здесь хорошо. Буду при каждом удобном случае забегать сюда на кофе.

— Конечно, мы с Николаем не могли тогда рассказать тебе всего. Но мы не ввали ни словом, это точно. И теперь, когда ты с нами работаешь...

— Ты уверен? Я пока ничего не подписывала.

— Брось, Алка, — он держал пластиковый стаканчик изящно, словно чашечку виндзорского сервиза. — Бумажки тут не имеют ни малейшего значения. Как, впрочем, и везде, только у нас честнее. Ты стала сотрудником шарашки в тот момент, когда въехала за ворота.

— Хочешь сказать, отсюда никого не выпускают? — сощурилась, припоминая Марфу и ее фамильные вышитые подушки.

— Нет, почему... Выпускают. Тех, насчет кого известно точно, что они вернутся.

— Откуда известно?

— Ну, причины у всех разные. Главное — моментально их вычислить, а здесь это умеют. Даже если они спрятаны где-то глубоко, а уж тем более, когда лежат на поверхности.

Не смотреть на Димку. Не смотреть.

— У меня — на поверхности, правда?

— Да.

— Потому вы с Николаем меня и... — заманили, завлекли, завербовали; как напыщенно, мелодраматично, тьфу, — ...сюда, за ворота?

— Мы с Николаем хотели тебе помочь. И помогли.

Усмехнулась, отпила кофе. Кофе хороший, даже удивительно, и не скажешь, что из автомата. На улице, похоже, выглянуло солнце: стол перечеркнули ярко-белые параллельные полосы из-под жалюзи. Отогнула пластину: на уровне глаз покачивались заснеженные сухие травинки, ниже — глухо, черно. Почти под землей. Но ведь мы никуда не спускались?..

Женька допил кофе и поставил стаканчик на стол.

— Ты не понимаешь, Алла... Вернее, все ты понимаешь, только не хочешь сама себе признаться. Я тебе расскажу, как оно было у меня. Пока универ, аспирантура — мне казалось, будто жизнь прекрасно удается. Смешная стипендия, интриги на кафедре, ВАК этот долбаный с его неограниченной властью... сущие мелочи, так я их воспринимал. А зато любимая тема. Нашел, знаешь ли, себя. Мне всегда это казалось более важным, чем...

— Чем? — я уже догадывалась, куда он клонит.

— Чем все остальное. Защитился. И вдруг — пшик. На кафедре меня не оставили, работу, хоть немного близкую к специальности, не нашел. Даже, поверишь ли, чуть в армию не загремел, и загремел бы, если б не мама... Полгода жил у нее на шее. А отом устроился в одну маркетинговую компанию при крупном мобильном операторе, у меня же второе высшее — юрфак. Кстати, Коля помог, у него там сестренка работала референтом. И, с

точки зрения нормального обывателя, все наладилось: зарплата, престиж, белый воротничок...

— И глубокий интеллектуальный кризис.

— Не язви, Алка... Ты, может быть, не почувствовала до такой степени, ты женщина, у тебя ребенок... Понравилось, Дима? Хочешь еще?

Димка молча отказался. Демонстративно — без единого звука.

— А у меня — ничего... ни единой отдушины. Только пустота, напыщенность и человеческая глупость вокруг. Наша команда по брейну распалась где-то через год после универа... да нет, иру, еще раньше.

— Трагично.

— Перестань. Когда разум не находит ни малейшего применения, жить становится невыносимо. Не хочу лезть в твою личную жизнь, тем более при сыне, но не сомневаюсь, что и ты взбунтовалась в первую очередь из-за этого, уже потом все остальное. Посмотри мне в глаза и скажи, что это неправда.

— Это неправда.

— Я же сказал, посмотри мне в глаза...

Я обернулась от окна. Сам Женька глядел в столешницу, ссутулив плечи, уже не элегантный, а какой-то тусклый, усталый. Димка искоса рассматривал его — кажется, с интересом. Прикидывал, наверное, как мог настолько умный дядечка распивать водяру в кафетерии на пару с таким же бомжом. Мне и самой любопытно.

— Ближе к делу, Женька. Я уже поняла, кто-то добрый проникся твоими проблемами и порекомендовал обратиться в шарашку. И настало тебе счастье. В какой форме, меня интересует?

Вскинул голову:

— Что?

— Чем ты здесь занимаешься? Только, пожалуйста, поконкретнее.

Женька улыбнулся. Заговорил с готовностью, сначала тепло и спокойно, затем, по нарастающей, все увлеченнее, азартнее. И фразы становились все более многоступенчатыми, терминология — все сложнее, и вот я уже не припоминала с ходу значения некоторых слов, а каких-то, возможно, и вовсе не знала, застопорившись на уровне четвертого курса... И вся эта абракадабра — с точки зрения восхищенного Димки с уже распахнутыми в упор глазами — звучала для меня ностальгически, словно полузабытая, любимая когда-то мелодия.

Редкие барышни-однокурсницы, благополучно повыскакивавшие замуж еще на первом-втором, без малейших эмоций бросив учебу, изумлялись когда-то: и как ты его сечешь, Алка, этот сопромат?.. А преподаватели уважали. И с каменными лицами подписывали потом, перед академкой, обходной лист. Физику, Ивану Ильичу, я тогда поклялась непременно вернуться... вот только не помню, смотрела ли при этом в глаза.

А он... он никогда не упустил случая напомнить, кем я могла бы стать, не встретить вовремя его. Сидела бы ассистенткой на кафедре в своем задрипаном универе — по сколько там у них зарплаты? — и то если бы о-очень крупно повезло. А так — слонялась бы со своим красным-распрекрасным дипломом по биржам труда. Говорят, их там завались, дипломированных физиков-математиков. И поначалу их еще чем-то не устраивают вакансии дворников и техничек.

...Женька рассказывал.

— Интересная тема, — прервала я.

Он вздрогнул, словно споткнувшись с разгону, однако тут же просиял и предложил воодушевленно:

— Хочешь, я попрошу, чтобы тебя направили к нам в лабораторию? Нам как раз не...

— Что ты делал в городе?

Не стала уточнять, где именно и в каком виде. Поймет.

Он, конечно, понял. Воодушевление сошло с лица, расплозлось, как талый снег под ногами. А затем его лицо словно подернулось тонкой корочкой льда. Сказал отчетливо, с хрустом, будто проламывая ее каблук:

— Прости, но это мое личное дело. Шарашка тут не при чем. Не проецируй на себя, это бессмысленно.

— А Николай?

— Николай... — Женькино лицо постепенно оттаивало. — Ты, его, наверное, плохо помнишь по универу, он же не с нами учился. Он такой. У него дружба всегда была на первом месте. Все равно я не имел права его втягивать... Ладно. Не будем об этом больше, хорошо?

— Один вопрос еще можно? — быстренько переглянувшись с Димкой, я снова смотрела в упор. — Что вам за это было?

Пауза. Первая ощутимая пауза за все время нашего разговора.

— Ничего, — наконец сказал он. — Ничего нам за это не было.

— Потому что вы в компенсацию привезли меня?

Вторая минута молчания. Димка заерзал, закачался на стуле, затем встал и подошел к аппарату; не сломал бы там что-нибудь. Но прикрикнуть, отозвать его было нельзя. Я держалась взглядом за Женькины глаза. Он должен первый. Заговорить, нарушить тишину.

— А ты злая, Алла, — выговорил негромко, сквозь зубы.

— Да уж, не скажи.

— Ты так ничего и не поняла.

— А ты, бедненький, старался, объяснял... Мне одно любопытно: а если б я оказалась полной дурой? Нулем без палочки по результатам тех долбанных тестов?! Абсолютно бесполезной для вашей шарашки — что тогда?!

— Ты не могла оказаться полной дурой.

— Почему? Как известно, женщины замужем стремительно глупеют. Особенно во время беременности. И особенно если...

Димка что-то нажал в автомате, и тот отозвался утробным свистом и бульканьем сифона. Я вздрогнула. Молчать. Не надо, не продолжать, не позволять себе сорваться с катушек, не...

— Дим, не трогай ничего, ладно?

— Я только... — обернулся, напоролся на мой безумный взгляд, понял. — Хорошо, мам.

Женька встал, подошел к нему, кажется, хотел потрепать по плечу или погладить по голове, но Димка превентивно отступил на шаг в сторону. Сотрудник шарашки, счастливый, в общем-то, человек, если не считать некоторых невыясненных личных дел, привычно пробежался пальцами по кнопкам и забрал с подставки дымящийся стаканчик кофе.

— Куда теперь? — спросила я его в спину. — Покажешь мне место работы?

Обернулся, отпил, поморщился:

— Да ну его... Обед скоро.

* * *

— Вечером выставляешься, — предупредил Коля. — Ты морально готова?

— Что? Ну, во-первых, я не готова материально...

Во-вторых, Димка опять ничего не ел. Возил полную ложку, словно груженный корабль, туда-сюда по борщу, иногда чуть приподнимал над тарелкой, кренил набок, аккуратно сливая содержимое, и за все время пару раз донес практически пустую до рта. Делать замечания, уговаривать, заставлять при посторонних было категорически нельзя.

Из посторонних, кроме Женьки и Коли, за столиком на шестерых сидели молодой человек, похожий на Женьку, как родной брат, только действительно в очках, и маскулиная девушка с короткой стрижкой и крупными руками. Ели энергично, целеустремленно, переговаривались коротко, сплошными профессионализмами. Столик был отгорожен от прочих белой ширмой полутораметровой высоты, и, если встать, можно было бы разглядеть людей за соседним столиком и даже, наверное, макушки тех, кто размещался дальше. Но я не вставала.

— Насчет материально не волнуйся, — Николай смачно заглотнул ложку борща. — Руководство приветствует вхождение нового сотрудника в коллектив и все такое. Ну, и мы не с пустыми руками заявимся, будь спок.

Женька и его клон в очках синхронно кивнули. Девушка доела первое и резким движением поменяла перед собой местами тарелки. Димка проследил за манипуляцией тоскливым взглядом. Я опустила глаза к своей тарелке, полной почти до краев; хорошенький пример. Зачерпнула, поднесла ко рту. На вкус борщ был как трава. Или мне так показалось.

Маразм какой-то. С чего это вдруг я должна «выставляться»? — не определившись еще, где я нахожусь, на каком свете, в убежище или в ловушке, не дав, по сути, ни на что согласия! — совершеннейший маразм...

— Корпоративная традиция, — в такт моим мыслям сказал Женька. Или тот, второй.

В шарашке?!

— У вас для этого есть специально отведенное место? — постаралась вложить во фразу побольше сарказма, и вышло, похоже, неуместно: все, включая большерукую девушку, подняли головы и воззрились на меня. Димка слотнул и наконец-то съел полную ложку, поморщившись, как от укуса.

— Для чего? — переспросил Коля. — А-а... Нет, мы после работы прямо к тебе. Не выгонишь?

Он смотрел на меня чуть искоса, прищурив глаза, в бороде пряталась смешинка и висела пара тоненьких кусочков свеклы. Заросший, в свитере грубой вязки, Николай гораздо меньше, чем Женька, изменился с недавних пор загадочного бомжевания, а потому иррационально вызывал куда больше доверия. Я улыбнулась в ответ:

— Посмотрим.

Девица на том конце стола серьезно кивнула.

Димка спал.

Он отключился сразу же, как только мы вернулись до... тьфу, какое там домой, в коттедж. Я пару минут недоуменно тарасилась на стол, где громоздились багеты и фрукты, баночки с икрой, маринованными грибами и оливками, сыры и балыки в вакуумной упаковке, колбасы и зелень, аккуратно стояли по росту бутылки минеральной воды, вин, водки и коньяка. Потом обернулась — а сын уже сопел наискось кушетки, одетый, в одном сапоге. Разула, кое-как раздела и провела в спальню сонного, на автопилоте. Бедный Димка.

Он таскался за мной стоически, без единого звука, хотя вообще-то давно должен был начать потихоньку ныть и канючить, еще в ближайших к выходу лабораториях, которые мы пробежали галопом, не притормозив ни у одной конструкции, представляющей жгучий интерес для мальчика шести лет. Затем, дальше и ниже, уже не было дневного света, только длинные лампы и медитативные картинки в ложных окнах, не было аппаратуры, одни письменные столы с ноутбуками и небрежные кивки в ответ на быстрое «здесь у нас такой-то», и так далее, далее, и невозможно не то что сориентироваться — даже прикинуть хотя бы приблизительно количество сотрудников... Там Димка совершенно отрешился от происходящего, перестал чем-либо интересоваться, лишь экономно передвигал ноги и молчал, молчал...

Надо что-то с этим делать. С самой собой, со своим болезненным эгоистичным страхом. Предлагали же детскую комнату!.. и не однажды. Правда, так ее и не показали, что довольно странно, — но, может быть, она где-то в другом корпусе, территория большая, нереально успеть всюду за один день.

Продукты на столе выглядели аппетитно, особенно оливки, мои любимые, с кусочками маринованной морковки вместо косточек. Корпоративная традиция, надо же. Все регламентированно и предусмотрено, ни малейшей возможности уклониться, спустить на тормозах. Темнеет. Скоро, наверное, начнут сходиться.

Вздохнула, откупорила баночку и бросила в рот оливку. Затем положила полуметровый багет вдоль доски и взялась за нож.

...Первым появился Николай в сопровождении маскулинной барышни; у меня еще практически ничего не было готово. Пока он, балагуря, выставлял на стол разнокалиберные бутылки — запасы спиртного почти удвоились, — его спутница энергично взялась за нож и принялась производить бутерброды со скоростью

конвейера на пищевом комбинате. Резала хлеб она толсто, икры и масла намазывала, наоборот, маловато, — но, если разобраться, не все ли мне равно?

— Ну что, Алка, осваиваешься понемногу? — Коля выхватил из-под ножа округлую попку багета и сунул в рот. — Сейчас наши соберутся, перезнакомишься со всеми... А где твой парень?

— Спит.

— А, ну ничего, мы по-тихому. Дверь закрой поплотнее, тут звукоизоляция хорошая.

В дверь снова постучали, ввалилась компания в пять-шесть человек, у одного парня за спиной торчала гитара. Я послушалась Колиного совета, мимолетно заглянув в спальню: Димка дышал тихонько и ровно. Громко клацнул язычок дверной ручки; меня передернуло, захотелось немедленно открыть снова, пере-проверить, лишний раз убедиться... Нет, ну нельзя же так, это уже похоже на паранойю.

— Девчата, накрывайте на стол! — громогласно командовал кто-то из вновь пришедших. — Живенько, живенько, время не ждет, завтра всем на работу...

— Правда, давайте-ка уже по первой! — включился Николай. — Хозяйка, где стаканы?

— Кажется, были... одноразовые...

Крутнулась вокруг стола, разыскивая упаковку пластиковых стаканчиков, безразмерно-длинную и чуть изогнутую, как бивень мамонта; что за ерунда, не могла же такая закатиться, скажем, в щель... ну да, конечно, лежит на самом видном месте, и тарелки, и вилки, надо распаковать, а тем временем сходились все новые и новые люди, моего личного участия во встрече гостей, похоже, не требовалось. Может, они вообще перейдут на самообслуживание, а я потихоньку проберусь в спальню, к Димке?..

— У всех налито? Ну, вздрогнули!

Я выпила и задохнулась: черт возьми, чего они мне налили?!.. сама виновата, надо было отслеживать. Да и вообще — собраться, сосредоточиться, поймать момент, действительно перезнакомиться со всеми, разузнать как можно больше про эту... шарашку...

— А шеф будет? — спросила негромко, для затравки.

— Нет, зачем, — отозвался Женька; когда он пришел и как оказался рядом, я не помнила. — У нас все вечеринки неформальные, без начальства. Меня Олег зовут.

Недоуменно вытаращившись на него, сообразила: тот парень в очках, который сидел с нами в столовой. Потрясающее сходство. Допустим, так даже лучше.

— Чем ты тут занимаешься?.. Ничего, что я на «ты»?

Олег не возражал. Заговорил с готовностью, и если не обращать внимания на очки, стал совершенно неотличим от Женьки: пугающе те же интонации, лишь понятийный аппарат чуть-чуть другой, побольше терминов, незнакомых недоучке-четверокурснице с другой специализацией; неважно. Этот тоже счастлив. И остальные — наверняка.

— По-моему, пора налить.

— Ага, и пускай Леха скажет...

— Может, лучше хозяйка?

Этого еще не хватало. Заметалась взглядом по чужим лицам: Коля, Женька?!.. Ненавижу произносить тосты, особенно...

— Стоп-стоп-стоп! Сейчас же третий!

— Третий, точно!

Странно, второй я, по-видимому, пропустила. Слегка ослабившись, снова заскользила глазами по физиономиям толпы; уже в поисках прекрасных дам: любопытно, есть еще кто-нибудь, кроме меня и той стриженной, мазавшей бутерброды?..

И тут прозвучало хором раскатистое, громогласное:

— За шар-р-рашку!!!

— Корпоративная традиция, — подмигнул Женька. Правда, Женька; его появление я тоже проморгала. Машинально отпила все той же огненной отравы, впрочем, ничего на вкус. Ну да, шарашка — она ведь тоже дама. Прыснула прямо в лицо кому-то из аккуратно выбритых клонов, и он — кто?.. а, без разницы, — понимающе разъехался широченной улыбкой в ответ.

На возбужденное разноголосое гудение наложилась пробный звук гитарных аккордов. Ну вот, сейчас начнут орать песни. Покосилась на дверь спальни: Николай говорил, что здесь хорошая изоляция, да и вообще пора избавиться от навязчивого невроза по поводу Димки, в первую очередь ради него самого. Позволить себе расслабиться. Хотя бы чуть-чуть. Пускай в рамках чужих корпоративных традиций.

На далекой Амазонке не бывал я никогда,
Никогда туда не ходят иностранные суда...

Старая-престарая, такая хорошая детская песенка, Димка был бы в полном восторге... хотя почему детская, Киплинг все-таки, да и Димка тут не при чем, сколько можно? И почти знаешь слова, и подпеваешь, не слыша своего голоса в мощном хоре нестройных баритонов и теноров, и прерываешься, чтобы отпить еще глоточек —

прикольная штука, надо бы выяснить, что оно такое, — и закусить оливкой с морковинкой вместо косточки, всегда было интересно, как ее туда засовывают, не вручную же... Кто-то в порыве джентльменства придвигает пластиковую тарелку, полную бутербродов с икрой, по четыре икринки на каждом, кто ж так намазывает?! — а, да ладно... А песня уже другая, про физиков-лириков-романтиков, когда-то слышанная, но не больше, так что можно перекусить в полную силу. От икры хочется пить, воды я имела в виду, а вы что налили? Нет, вино хорошее, верю, но ведь, если по науке, то градус надо повышать... правда, я не уверена, опыта маловато...

Он не позволял мне пить. Хотя сам то и дело возвращался, налилавшись как лошадь. У него это называлось «деловые переговоры», хи-хи...

Смеюсь раскатисто и громко. Кажется, впервые за последние восемь лет я позволила себе посмеяться — над ним.

За окном черно-синий холодный вечер излета зимы, а у меня тепло и светло, ко мне в гости пришли в своем большинстве незнакомые, но такие милые, веселые, непосредственные люди, они поют и пьют, хохмят и чокаются, и мне хорошо с ними, как бывало разве что давным-давно, на студенческих вечеринках в общезитии. Ничего в ней нет плохого и тем более страшного, в этой шарашке, раз тут работают такие люди. Вон, кажется, мелькнул мой сосед, ценитель стиля в архитектуре, и муж Марфы, программист, наверняка тоже здесь, я же не знаю его в лицо. Надо бы перезнакомиться со всеми... вот только никак не запомнить за раз столько имен... ну да еще успеется. Что мы поем?.. уже ничего? Тоже правильно, надо же и пообщаться, поговорить, ведь тут собрались умные люди, ученые, интеллигенты, все те, кому не досталось мест под солнцем и даже в тени — там, за воротами...

А я будто бы хотела кого-то о чем-то расспросить, что-то разузнать, раздобыть какую-то там информацию... Хотела?

— Нет, ты мне скажи, — не уверена, обращаюсь ли к Женьке, к Олегу или к кому-нибудь еще. — Честно скажи: на кого вы тут работаете?.. то есть мы. То есть шарашка. Шеф — он кто?

Мне объясняют, и всецело удовлетворенная ответом, я глубоко-мысленно киваю. Детали услышанного тут же расплзаются, как встревоженные муравьи, но детали — не главное, а главное то, что...

— Я хочу сказать тост. Вы слышите? Тост!!! У кого пусто — налейте! Вот. Как здорово, что все мы здесь... конец цитаты...

Все смеются, тянутся ко мне пластиковыми стаканчиками, чокаются без звона, вдогонку хором изображают звон, выпива-

ют, наливают снова, опять вступает гитара, но петь никому не хочется, разве что подурчиться кошачьими голосами... Димку разбудят... не разбудят, звукоизоляция...

Слишком громко. И вообще — я устала. На столе почти ничего не осталось, только огрызки бутербродов и фруктов да несколько оливок, раскатившихся по скатерти. Выпить, правда, еще есть, похоже, каждый из гостей приволок с собой по бутылке. Парочку нераспечатанных демонстративно прячу в подвесной шкафчик, до следующего, мол, раза. Понятливые гости тут же бросаются на помощь: разливают по стаканам недопитое, сгребают в мусор посуду, хорошо, что одноразовая, не надо мыть. Попеременно жму чьи-то руки, прощаюсь до завтра — уже до сегодня — шуточка повторяется и повторяется в ритме тиканья часов.

...На часах половина пятого. Я сидела, съездившись, на клеенчатом кухонном уголке. Пусто и очень холодно. Кажется, проведив гостей, я пооткрывала для проветривания окна и двери, а сама задремала прямо здесь. Ничего себе.

Встала, позакрывала шпингалеты и дверной замок. В голове шумело, но руки вроде бы слушались, почти не дрожали. Что ж, можно еще поспать по-человечески пару часов перед началом первого трудового дня. Щелкнула выключателем на кухне и прошла в спальню.

После ярких кухонных ламп глаза не отличали рассеянный свет ночника от темноты. Почти наощупь добралась до кровати, широкой, смятой... совершенно холодной.

И на ней не было Димки.

* * *

Крахмальный скрип снега под ногами — отстает от стремительного бега.

Бледнеющие звезды над головой — обгоняют.

Морозное стекло, сотое по счету:

— Откройте!!!

Не открывают.

Последний коттедж в поселке, черном и мертвом, как заброшенное кладбище. Ни одного огонька. Ни одного движения в ответ на отчаянный барабанный стук в окна и двери. Глухая, будто гранит, тишина отовсюду, даже из обжитого сельского домика гостеприимной Марфы. Все эти люди, что каких-то несколько часов назад балагурили, пели и пили у меня на кухне, — куда они

могли подеваться?!.. если они вообще были, а не привиделись в многоступенчатом кошмаре... который, наверное, продолжается до сих пор...

Сначала я думала, Димка сам вышел на улицу, проснувшись посреди ночи и не найдя меня рядом. Да, он должен был пройти через кухню, но маленький ребенок со сна мог заметить в первую очередь не меня, прикорнувшую в углу, а как раз наоборот — распахнутую дверь. Уже выбежав в ночь, сообразила: надо было проверить, на месте ли его сапоги и курточка... но возвращаться не стала. На перетоптанном снегу возле коттеджа не рассмотреть никаких следов, а за резкими квадратами света от окон и дверного проема — непроглядная темень... если б хотя бы фонарик!

Но не мог же он уйти далеко. Глаза привыкли к темноте быстро, привыкли достаточно, чтобы увидеть движущуюся фигуру на фоне снега... и даже неподвижную. Нелепо, но первые несколько минут я металась вокруг коттеджа молча, не решаясь почему-то потревожить абсолютную тишину, самым громким звуком в которой был хруст моих собственных шагов. Где в первую очередь его искать? Куда бы он пошел искать меня — к соседним коттеджам или в лес?!

И наконец прорвало:

— Димка!.. Димка!!! Димка-а-а!!!

Я кричала, срывая голос в морозном воздухе, — а поселок молчал, как будто нет ничего естественнее и полезнее для здорового сна, чем истошные женские крики в ночи. Но в тот, все еще первый длинный момент, я не думала о том, спит ли кто-нибудь под этими крышами, одинаковыми, словно грибки на зимнем пляже. Я подумала: Димка отозвался бы, точно. И если он не отзывается, значит...

И тогда — начала тарабанить во все подряд окна, выбивая на ледяных и гулких, как листовое железо, стеклах, призыв о помощи, не знаю, о какой именно, однако необходимой, ведь с Димкой могло случиться — случилось?! — что-то такое, с чем никак не справиться одной...

Но коттеджи стояли темные и безмолвные. Все как один. До последнего, уже почти на опушке леса, в который я по инерции все еще пыталась достучаться. Не бывает настолько крепкого сна. Так может молчать лишь пустота.

Никто здесь не живет. Ни Коля, ни Женька, ни Олег, ни Марфа с мужем-программистом, ни любитель архитектуры, ни стриженная барышня, да и никто из тех, кто собирался у меня на «корпоративную вечеринку». И некогда постигать, кому и зачем

пришло в голову сфабриковать для одной-единственной меня такую глобальную фальшивку. Потому что если возможно даже это — значит, здесь, в шарашке, возможно все. И Димка... никуда бы он ни пошел сам среди ночи. Я знала, с самого начала знала совершенно точно.

Начинало светать: уже почти весна, солнце встает гораздо раньше, чем в разгар зимы. Правда, до восхода как такового еще далеко. И тем более далеко до начала рабочего дня... хотя кто его знает. Прямиком через лес — к основному корпусу, где я проходила тесты, где кабинет шефа. Человека, с которым мне необходимо поговорить. Срочно. И совсем в другой тональности, нежели мы с ним беседовали раньше.

Я пыталась идти, просто идти, восстанавливая дыхание, — но все равно срывалась на бег, то и дело теряла тропинку, проваливаясь в снег, ноздреватый под ломкой корочкой наста. Кто-то прошмыгнул в скрипучих ветвях над головой — белка, птица? — сверху посыпались хлопья, мазнули холодным по лицу. Я буду разговаривать жестко, очень жестко. Димка — это была их ошибка, непродуманная, фатальная. А если у него начнется приступ?!..

А если у него начнется приступ?!!!

Быстрее, еще быстрее... Этот лес, он давно должен был кончиться, мы же проходили его за полчаса прогулочным шагом... Может быть, я сбилась с пути? Может, тут вовсе не одна тропинка? Как оно выглядело снаружи, это здание, похожее изнутри на коробку от безразмерной лампы?!

Вот. Кажется. Если я ничего не перепутала, не пошла в перпендикулярную или противоположную сторону. Уже почти светло, наверное, часов семь или даже полвосьмого, неважно, кто-нибудь же должен там быть! Хоть кто-нибудь...

— Откройте!!! Откро...

— Ну что ты орешь? Достали уже, только-только приляжешь, а оно орет ни свет ни заря... Как психи, так завсегда в мое дежурство, нет бы Михальчу такое счастье... Кончай тарабанить, стекло выбьешь, дура. Вот, не видишь, открываю уже...

* * *

— Где мой ребенок.

Получилось глухо и смазанно, даже, кажется, без вопроса. Все, что клокотало и металось во мне, скручиваясь в раскаленную пружину-смерч, способную смести любое, пускай объективно непреодолимое препятствие, потухло, выдо-

хлось, провисло, потеряло силу. За те два с половиной часа, что пришлось провести в холодном пустом коридоре, в неподвижности, противоестественной, как жизнь без дыхания или воды.

— Во-первых, доброе утро. Во-вторых, дайте мне раздеться. .

Директор прошел в кабинет, едва не задев меня широкой полой расстегнутого плаща, слишком легкого для нынешней погоды; впрочем, шеф же наверняка на машине, а возможно, никуда и не выходил из этого непонятного здания... Господи, при чем тут его плащ?!!

Бросилась следом... хотела броситься, но уже не было никаких сил. Просто вошла, неловко прикрыв за собой дверь.

— Я хочу знать, где...

— А в-третьих, Аллочка, — он не оборачивался, разыскивая что-то у себя на столе, — вы у нас человек новый, поэтому я вам объясню, но учтите, это в последний раз. Так вот, я не занимаюсь личными проблемами сотрудников. Если у вас возникли вопросы по работе, можете их задать, но с личными, а тем более семейными делами, пожалуйста, справляйтесь сами.

Быть спокойной и твердой. Очень твердой... очень спокойной...

— Я не приступлю к работе, пока мне не вернут сына.

Взгляд искоса, вполоборота:

— Жаль терять такого сотрудника. Но хорошо, что вы передумали до того, как подписали контракт. После было бы сложнее с юридической точки зрения. Что ж, я вас не задерживаю.

Я должна была ворваться, как горячий вихрь, схватить его за плечи, этого невозмутимого подлеца, не дать опомниться, бросить в кресло, нависнуть, прижав к его горлу ножик для резки бумаги. Или войти, держась независимо и даже вызывающе, говорить с веской издевкой, последовательно нанизывая четки неопровержимых аргументов с едва уловимым пряным запахом шантажа. Или...

Но не стоять пришибленно, по-рыбьи ловя губами воздух и бракуя одно за другим вроде бы правильные, убедительные, сильные слова... совершенно беспомощные и бессмысленные. Я стала сотрудником шарашки, как только оказалась за воротами, говорил Женька. Я — изначально подчиненная, слабая, гонимая, иначе и не попала бы сюда. Я не могу ни требовать, ни угрожать, ни шантажировать. Только униженно просить... что, скорее всего, тоже не имеет смысла.

— У него астма, — выговорила почти неслышно. — Если начнется приступ, ему нужно немедленно дать лекарство...

— У нас прекрасное медобслуживание.

Он отозвался, не глядя и не отвлекаясь от своих бумаг, на автомате. И тут же напрягся, словно осознав прокол, поднял голову и встретился со мной взглядом.

И я сказала — в упор, прямо в его недовольно-никакие глаза:

— Значит, мой сын все-таки у вас. Вы признаете.

— Я ничего не признаю и не отрицаю, я только хочу сказать вам, Аллочка, — он скупно и неубедительно подпустил в голос отеческих интонаций, — в порядке исключения, разумеется: успокойтесь и ступайте на рабочее место. В нашем учреждении не приветствуется синдром наседки. А для нужд сотрудников с детьми оборудована специальная комната, вас должны были поставить в известность.

— Где это?!!

Я подалась вперед — и вздрогнув, замерла.

В воздухе разлился звучный музыкальный звон. После секундной тишины — снова, чуть длиннее, с переливчатыми модуляциями.

— Вы опоздаете, Алла, — сообщил шеф. — А ведь вы пока на испытательном сроке. Вам не стоит начинать с опозданий.

* * *

По коридору двигались люди. Бесчисленные люди по нескончаемому коридору. В обоих направлениях. Иногда сворачивали и скрывались за какой-нибудь дверью. Поравнявшись со мной, здоровались экономным кивком и кратким неразборчивым приветствием. Сплошь незнакомые лица, никого из тех, кто вчера гулял у меня на корпоративной вечеринке. Или я просто их не узнавала?

Двери по обеим сторонам коридора выглядели, как я заметила еще вчера, совершенно одинаково, без номеров и других опознавательных знаков. Надежды отыскать свое рабочее место не было никакой. Обратиться к кому-нибудь за помощью? Странноватая просьба, непонятно даже, как ее сформулировать: не зная ни своей предполагаемой должности, ни отдела, где я, по идее, должна работать. Идти, заглядывая во все подряд двери, пока не наткнусь на Женьку или Николая?..

Женька говорил про детскую комнату. Он знает. И Коля тоже знает. И я могла узнать еще вчера, а вместо этого... дура. Надо было с самого начала позаботиться о Димке, не собиралась же я

держат его каждый день возле себя, в рабочем кабинете. Синдром насадки... н-да, если разобраться, шеф где-то прав. Но похищать ребенка среди ночи?! Зачем?!!

Димка, наверное, уже проснулся. И ему страшно. Каким бы ни было у них медицинское и прочее обслуживание — ему очень, очень страшно одному, без меня.

Вздрыгнула, услышав очередное приветствие-скороговорку. Не надо. Не думать, не воображать себе в красках, Димке это не поможет. Просто усыпить бдительность, якобы приступить к работе, потом как можно скорее выяснить, где она находится, детская комната, — в этом же здании?.. вряд ли, хотя все может быть, — добраться туда и... и...

Приложить все силы к тому, чтобы снова оказаться за воротами шарашки.

А коридор действительно не кончался и не сворачивал. Перехода на нижний уровень, который мне вчера показывали, я тоже никак не могла найти; впрочем, вчера мы точно не заходили так далеко. Идти было странно легко: по-видимому, пол тут спускался вниз по незаметной наклонной плоскости. Что-то вроде тоннеля метро, уходящего под землю на бог знает какие глубины и расстояние. Возможно, это и вправду был раньше тоннель, не метро, конечно, скорее каких-то военных коммуникаций. Хозяева шарашки, разумеется, военные, кому еще. Ну, или какие-нибудь международные спецслужбы. Шеф, от которого я недавно пыталась чего-то добиться, вряд ли в самом деле главный здесь, не исключено, что он вообще подставная фигура.

Но все это совершенно неважно. Я не намерена больше вникать, пытаться разобраться, что представляет собой шарашка, с чем ее едят и почему ей с таким фанатизмом служат. Мы просто сбежим отсюда. Я и Димка. Сразу же, как только я его найду. Сбежим — оставив за скобками все сомнения, страхи и опасности, от которых я будто бы избавилась, скрывшись здесь. Да и не стоят они того. Подумаешь — страшная месть бывшего мужа... который скорее всего и думать о нас забыл, тот звонок в приемную явно был режиссерским ходом, довольно простеньким на фоне последующих. Проехали. Только найти Димку. И бежать. Все, что дальше, — неважно.

«Мы отсюда сбежали. Но, видимо, будем возвращаться...»

Вот только не надо. Есть другая цитата из того же источника на ту же тему: «Шарашка тут не при чем. Не проецируй на себя, это бессмысленно».

Я и не проецирую. У нас все будет по-другому, у меня и Димки. Мы сбегим из этой inferнальной шарашки, забудем ее, как мрачное недоразумение, а там посмотрим.

Я шла, скользя взглядом по редеющему потоку встречных лиц. Впрочем, теперь это уже нельзя было назвать потоком, скорее нечастые прохожие, не успевшие рассосаться по кабинетам. Останавливалась глазами на каждом: как вы могли, на что вас поймали, чем держат, почему вы такие слабаки?!..

Один из слабаков вдруг шагнул ко мне:

— Алла? Вам сюда.

* * *

За дверь оказалось примерно то, чего я и ожидала, судя по вчерашней экскурсии. Только гораздо скромнее, беднее, непритязательнее. Четыре стола прямоугольником, словно кости домино, старенькие компьютеры (по крайней мере, мониторы), совсем уж допотопная чертежная доска в углу, несколько стеллажей с дисками, потрепанными книгами и хаотичными кипами бумаг... Чуть на отшибе — низкий столик с электрочайником и грудой невымытых чашек, застеленный листом бумаги формата А-2, кольчатым от кофейных следов. Правильно, до официальной кафешки, где мы сидели с Женькой, отсюда далековато. Окон не было — какие окна под землей? — не было даже ложных картинок для отдыха глаз, как в кабинетах поближе. Зато в противоположной стене имелась еще одна дверь. Интересно. Заглянем.

— Это Алла, наш новый сотрудник.

Седенький старичок за левым столиком мимолетно приподнял голову, буркнул неразборчиво. Встретивший меня в коридоре уже успел назваться не то Антоном, не то Андреем, а может, и как-нибудь еще; внешность у него тоже была абсолютно незапоминающаяся. А третьим оказался мой сосед по коттеджу, тот, что переживал из-за реконструкции площади, и я обрадовалась ему, как родному.

Привстал и представился сдержанно:

— Александр Исаакович.

Ничего похожего на узнавание на его лице не отразилось. Кивнул и вернулся к работе, скрывшись за дырчатым затылком монитора. Странно; ну допустим, ему почему-то не хочется афишировать наш разговор у коттеджа (действительно ли он там живет?) — но как же вчерашняя корпоративная вечеринка, ведь он тоже на ней присутствовал, я помню... или мне кажется, что помню?..

Впрочем, мой рабочий стол — единственный не занятый — оказался рядом с его. Еще поговорим.

Антон-Андрей уже вернулся на свое место по другую сторону кабинета: похоже, в его обязанности входило только встретить меня и представить, а вовсе не ввести в курс работы, что было бы по меньшей мере логично. Ладно. Лично мне это нужно в последнюю очередь.

Села на стул; потертое сиденье качалось, пришлось встать и поставить его на место в деревянную рамочку с закругленными краями и закрепить из-под низу вращающимися брусочками. Бог весть сколько не видела таких стульев. Шарашка экономит на мебели... и на компьютерах тоже, да.

Он грузился целую вечность. До появления на выпуклом мониторе первого окошка я успела полностью исследовать свою новую территорию: письменный стол с тремя выдвигаемыми ящиками (два пустые, в нижнем — несколько листов бумаги и неподписанная новогодняя открытка). Под столом, не предназначенным для оргтехники, теснились системный блок и провода, так что некуда было девать ноги. Справа на расстоянии вытянутой руки стояла этажерка, наверное, тоже моя, на ней не было ничего, кроме нескольких пустых картонных папок с завязками.

Компьютер догрузился и спросил пароль. Вот и замечательно.

— Александр Исаакович, — позвала пробно, негромко.

— Да, Алла Васильевна? — он почти не повернул головы.

— Я не могу войти. У кого мне узнать пароль?

— Нажмите единицу.

Нажала. Минуты через две компьютер переварил информацию и неспешно двинулся дальше.

— Спасибо.

Александр Исаакович не отозвался. Кстати, откуда он знает мое отчество?

По экрану рассыпались смутно знакомые пиктограмки: смутно — потому что последние восемь лет я подходила к компьютеру лишь изредка, в гостях, его машина всегда была наглухо запаролена. Если правильно помню со студенческих времен, совершенно стандартный набор. Интернета, как я и предполагала, не было. Нажала одну наугад: открылось зеленое поле с карточной лесенкой «солитера». Говорят, самое распространенное офисное занятие... Шарашка — не исключение?

— Александр Иса...

— Да?

На этот раз он обернулся — раздраженно, нервно: человек, оторванный по пустяку от важного и любимого дела. Ничего, переживет. Постаралась улыбнуться как можно дружелюбнее и беспомощнее:

— Боюсь, произошла накладка, Александр Исаакович. Я думала, меня введут в курс дела, очертят круг обязанностей... Может быть, вы...

— А вы уже сдавали тест на прохождение?

— Что?

Он повторил раздельно, кажется, немного успокаиваясь:

— Тест на прохождение.

— Да... То есть не знаю. Я сдавала несколько тестов, когда устраивалась сюда, в кабинете у шефа.

— Вряд ли... Хорошо, тогда ознакомьтесь пока с нашей темой по отделу, я вам покажу, если позволите.

Порывисто встал и навис надо мной, как арка, опершись на ладони по краям стола. Втянув голову в плечи, я отозвалась:

— Конечно-конечно.

Окна на мониторе разворачивались медленно, с ленцой. Мой фиктивный сосед снова нервничал; ну, разумеется, если его до сих пор выводит из себя городская реконструкция шестилетней давности... Нетерпеливо дергалась костистая рука на мышке, поблескивало обручальное кольцо.

— Ваша супруга тоже работает здесь?

Прикусила язык. Хорошенький, а главное, тактичный переход на личные темы. Рука на мышке замерла. Сейчас он психанет и больше не скажет мне ни слова. Ну что ж, есть еще Андрей... Антон?... потом старичок за столом напротив...

— Да, — коротко донеслось сверху. — Вот автореферат по базовой монографии, прочитайте. Так вам будет легче включиться, если, конечно, не сдадите прохождение на собственную тему. Еще вопросы, Алла Васильевна?

— Если можно, — я чувствовала, что говорю не вовремя и не то, но не могла остановиться. — У вас дети есть? И куда вы их... на время работы...

— У нас нет детей.

Я вскинула глаза и беспомощно огляделась. Оба других сотрудника молчали, не желая принимать на свой счет переадресованный им вопрос. Переспрашивать каждого лично не было смысла. Нет у них детей. Ни у кого.

Во всей шарашке.

* * *

Часики в углу монитора показывали 22.33. Я сморгнула: 22.34. Не может быть.

— Вам чаю или кофе, Алла Васильевна? — донесся голос с того конца кабинета. — Долго еще планируете работать?

Я вскинулась:

— Нет. Уже заканчиваю. Чаю.

Прокатилась курсором вниз по тексту: далеко ли до конца раздела?.. Похоже, что далеко. Хорошо, дочитаю до конца страницы... абзаца... Черт!!!

...Сначала я хотела сделать вид, будто читаю этот долбанный автореферат, притвориться, усыпить бдительность, дотянуть до обеда. В общей столовой разыскать Колю или Женьку, прижать к стене, узнать месторасположение детской комнаты — и, разумеется, больше сюда не возвращаться. Затем, поразмыслив — буквы на выпуклом экране мерцали перед глазами, складываясь максимум в знакомые слова, но не больше, — решила, что резких движений совершать нельзя. Только добыть информацию, а потом вернуться в кабинет, якобы к работе, отметая подозрения, повышая наши с Димкой шансы на побег...

Надо было чем-то себя занять. Мелькнула хулиганская мысль о «солитере» — а что, монитор же развернут спиной к сокамерникам, — однако тут вполне могли иметься камеры слежения, да и какие мозги выдержат несколько часов идиотского пасьянса подряд? И, сделав над собой усилие, я сфокусировала взгляд на мерцающих буквах. «Базовая монография» — это вообще как? Когда отдел работает над темой — это понятно, но чтобы всем вместе штудировать какой-то автореферат... Прочла вступительный абзац в претенциозном «диссертательном» стиле. Усмехнулась: восемь лет не брала в руки ничего подобного, — и двинулась дальше.

И сперва было тяжело, словно читаешь текст на подзабытом иностранном языке, спотыкаясь о грамматические конструкции и додумывая значение незнакомых слов. Но вот проскочил проблеск узнавания: да, когда-то меня интересовали именно эти идеи и аспекты, я даже выбрала похожую тему курсовой, так и не дописанной тогда, на четвертом... И невыразимое ощущение, когда мысли, словно давно не тренированные, но сильные мускулы, разминаются, концентрируются, становятся четкими, быстрыми, эластичными.

Внезапное удивление: не поняла, это что-то новенькое! — и дальше-быстрее, с нарастающим любопытством, которого, конечно, не в состоянии удовлетворить сухой и краткий автореферат, но внизу документа, к счастью, обнаружилась ссылка на файл с полным текстом монографии, грузившийся так долго, что никакое терпение не выдержало бы, хотя конечная цель — убийство времени — достигалась вполне успешно. Только я на тот момент уже о ней забыла.

Я забыла обо всем. Об обеде; время от времени Александр Исаакович или Антон-Андрей предлагали мне кофе, я машинально соглашалась и так же машинально выпивала. Кажется, мне подсовывали и какие-то бутерброды, а вот прерваться и пойти в столовую вроде бы не предлагали, не помню. О времени; часики в углу монитора перестали быть актуальными, уступив приоритет разделам и параграфам монографии. С ее автором я была во многом не согласна, кое-что бы ему посоветовала, вообще, с удовольствием пообщалась бы, выразила б свое уважение и местами даже восторг, жаль, что в электронном тексте не оставишь заметок на полях, тем более если файл «только для чтения»...

...О Димке?!!

Без двадцати одиннадцать. Идти его искать?.. куда?!

— Алла Васильевна, вот ваш чай.

— Спасибо.

Принимая горячую чашку, я наконец-то осмотрелась по сторонам. Позднего вечера в помещении без окон, конечно, не чувствовалось. Ни Андрея-Антоня, ни старичка в кабинете не было. Из-за приоткрытой двери выглядывала темнота, и я никак не могла сориентироваться, дверь ли это в коридор — или другая, в стене напротив? По какую руку от выхода располагался мой стол, я решительно не помнила.

Александр Исаакович пил чай, придвинув табурет к своему столу с тыльной стороны. Сосредоточенно дул в чашку и на меня не смотрел.

— Поздно уже, — сказала я.

Никакой реакции.

— Вы меня проводите?

— Куда?

Его искреннее удивление подтверждало мои худшие мысли. Не подавать виду. Пояснила как ни в чем не бывало:

— Мы ведь с вами соседи.

— Да, конечно, — согласился с вежливой осторожностью.

— Только мне надо будет по дороге зайти за сыном, — постаралась сглотнуть как можно незаметнее, — в детскую комнату. Хорошо?

Зависла пауза. Я отпила чаю, обожглась, закашлялась. Отпила еще, уже аккуратнее, длинным глотком сквозь полусомкнутые губы. Спокойно. Нет ничего особенного в том, что на тебя смотрят в упор недоуменным взглядом, как если бы ты предложила по-быстрому смотаться куда-нибудь на Красное море или в сибирскую тайгу. Пускай вникает. Перетерпеть, подождать.

— Вот оно что, — наконец медленно выговорил он. — Простите, я сразу не понял. Вы, конечно, имели в виду соседство коттеджей.

— Разумеется. А разве что-нибудь не так?

— Вы же сами сказали: уже поздно. Корпус давно закрыт.

— Попросим сторожа открыть. Я с ним познакомилась... сегодня утром, — стоп-стоп-стоп, держать себя в руках, не позволять прорываться истерическим ноткам! — Не предлагаете же вы ночевать здесь?

— Но ведь это вполне естественно.

— А ваша жена?!

Его жена наверняка привыкла. Как Марфа, чей муж-программист далеко не каждый день ночует дома... если вообще ночует, если хоть кто-нибудь когда-нибудь ночует в тех мертвых темных коттеджах... Неважно. Вот только рушится на глазах моя слабосильная идея завербовать союзника, попутчика, проводника в поисках Димки, которых мне никак не потянуть одной...

— Почему вы все время спрашиваете о моей жене? — резко бросил Александр Исаакович, и я вздрогнула. — Я интересую вас как мужчина?

— Что?..

Вскинула глаза: он отставил чашку и глядел на меня с оскорбленным обвинением. Узкое лицо с провалами под скулами, угловатые плечи, высокая ссутуленная фигура. Как мужчина он меня не интересовал.

Усмехнулась:

— Нет.

Кивнул:

— Хорошо. Вы тоже не интересуете меня как женщина, Алла Васильевна, и за наших коллег я также могу поручиться. Рад, что мы откровенно обсудили данный вопрос, это многое упрощает. Смело располагайтесь в спальне, ваша кровать у левой торцевой стены, постель свежая. Душ там, — неопределенно махнул рукой. — А я, с вашего позволения, еще немного поработаю.

Он встал, поднял табурет и обогнул стол, выставив перед собой четыре металлических ножи, словно оборонительное оружие. Опустил его, сел и пошевелил мышку, пробуждая к жизни компьютер.

Я отставила недопитую чашку, поднялась и заглянула за дверь. В темной комнате чуть побольше кабинета просматривались силуэты четырех кроватей, две из них горбатились спящими сокамерниками... именно так, без малейшей иронии. Вполне естественно, как заметил еще один из них. Это шарашка.

Я прикрыла дверь и обернулась:

— Александр Исаакович...

Нетерпеливый взгляд поверх монитора:

— Да?

В конце концов, я ничем не рисковала. Все самое худшее уже случилось, и вряд ли в моих силах было усугубить происходящее.

— У меня похитили ребенка. Спрятали, чтобы привязать меня к шарашке... Я должна его найти. Помогите мне. Хоть чем-нибудь. Пожалуйста.

Он смотрел на меня без всякого выражения почти минуту, потом опустил глаза. Вздыхнул:

— Я понимаю вас, Алла Васильевна... Идите спать.

* * *

— Я просто хочу получше разобраться в нашем распорядке. Вот, например, завтракать вы ходите в столовую или как?

— Если б вы были по-настоящему настроены на работу, деточка, вы не задавали бы глупых вопросов. Жаль, вчера вы показали мне такой увлеченной...

— Я и правда увлеклась.

Мы пили утренний кофе в кабинете вдвоем со старичком из-за стола напротив. Как ни странно, я отлично выпалась и чувствовала себя отдохнувшей и бодрой... первые несколько секунд после пробуждения, пока не вспомнила о Димке. Но застопорила эту мысль в точке, не позволив ей развиться, вырасти, заполнить собой начало нового дня. На который у меня были большие планы.

Александр Исаакович, по-видимому, сова — не знаю, до скольких он накануне работал, — когда я выходила, еще спал, забавно закинув на спинку кровати длинные волосатые ноги, ниже колен обделенные одеялом. Четвертого сокамерника ни в спальне, ни в кабинете не было.

— А где Андрей?

Старичок недоуменно вскинул брови, и я срочно поправились:

— Антон?

— А-а, Андрон, — закивал старичок (его имени, кстати, я вчера вообще не расслышала). — Увы, он не докладывает нам с Сашей о своих перемещениях. Андрюша на особом положении, у него своя тема... — он понизил голос. — И, хочу вас предупредить, несколько более широкие полномочия, нежели...

— Какие именно?

Он посмотрел на меня с упреком. Как будто я употребила за столом не то чтоб неприличное, но очень уж неуместное слово.

Ладно, проехали.

— А чем занимаетесь вы?

Старичок просиял, подобрался, выпятил грудь, отставил чашку кофе. И стало очевидно, что говорить он будет долго.

Он говорил долго. И если в первые минуты вывела из себя знакомая, восторженно-азартная Женькина, Колина, Олегова, всеобщая шарашкина интонация — ну сколько можно, они тут свихнулись все, но уж я-то не дамся в который раз, не попадусь на все ту же удочку интеллектуальной ностальгии! — то чем дальше, тем становилось любопытнее, ведь его речь напрямую касалась прочитанного вчера в автореферате и монографии, и кое-какие моменты хотелось прояснить на месте, кое-что оспорить, кое о чем подискутировать, выдвинуть встречные положения, и вот я уже опять втянулась, увлеклась, повысила голос, отодвинула на край столика недопитую чашку...

А потом в речи старичка проскочило нечто странное. Я даже не уловила сразу, что, а просить вернуться к спорному месту было неловко, оставалось только вслушиваться дальше внимательнее, скептически. И вот опять: очевидный логический прокол, игнорирование одного из основных законов — сознательное? — но не может же он не знать таких простых вещей... Не перебила, продолжала слушать, уже не пытаясь вступать в дискуссию. С изумлением отмечая, как собеседник все больше зарывается, заговаривается, громоздит одну нелепость на другую...

Полный наукообразный бред. Старый маразматик.

— Простите, — вклинилась между очередными абсурдными предложениями. — А где вы работали... до шарашки?

Старичок умолк и глянул неприязненно:

— Это имеет значение?

Я пожала плечами.

— В научно-исследовательском институте, — отчеканил он.

— В каком?

Он сердито молчал. Взялся за свою надщербленную чашку и отхлебнул холодного кофе; несколько коричневых капель скапывали в острую седенькую бородку. Типичный старый чудак-профессор из классического романа. Слишком типичный.

— Почему-то там считается, — буркнул он, коротким жестом указав направление «там», — будто самое главное — это место работы, научные степени, образование и так далее. А вовсе не идеи как таковые! Не мысль!! Не разум!!!

Он заводился все больше, и я торопливо кивнула.

— Здесь, как вы изволили выразиться, в шарашке, слава богу, рассуждают иначе. Тут ценится интеллект, научные труды, оригинальные разработки, аналогов которым не было и нет в мировой науке! И ни у кого не требуют этих мерзких корочек. Вот у вас, деточка, признайтесь, наверняка нет никакого диплома?

— Нет.

— Вот и славно. Зато сразу чувствуется мысль, я, знаете ли, с первого взгляда определяю мыслящую личность. Как вы вчера зачитались нашей базовой монографией...

Его близорукие глазки за круглыми очочками разгорелись еще ярче. Наверное, сам ежедневно читает эту монографию от корки до корки. Потому и излагал поначалу довольно-таки связно. Кем он, интересно, был на самом деле — там? Может быть, сторожем... в научно-исследовательском институте?

И в таком случае — зачем он шарашке?

— Скажите, пожалуйста, а кто автор, — я взглядом указала в сторону компьютера, — этой потрясающей работы?

— Вам действительно понравилось?

Я обернулась на голос. В проеме спальни стоял Александр Исаакович. Уже при костюме и галстуке, но в тапочках и с мокрыми после душа волосами, топорщащимися ежиком.

— Доброе утро.

— Утро, — ехидно усмехнулся старичок. Поставил чашку на стол и демонстративно двинулся к компьютеру. Завтракать он, по-видимому, не собирался. Похоже, питаться чем-то кроме кофе с бутербродами тут вообще не принято.

А я во что бы то ни стало должна выйти отсюда. И во что бы то ни стало — под железно благовидным предлогом. Если в качестве такового не подходит завтрак, то как же тогда?!

— Правда?

— Что?

Александр Исаакович смотрел на меня в упор, чуть подавшись вперед, словно собирался подхватить на лету мой ответ. Вот только я совершенно не помнила вопроса. Отмотала нить разговора назад: проверенный прием, спасающий в таких вот идиотских ситуациях. Мы говорили о все той же монографии, больше ни о чем. Наверное, он спрашивает мое мнение. Вернее, переспрашивает.

— Да, конечно, — подтвердила я. И внезапно догадалась: — Это ваша работа?

— Нет, — ответил он.

Но все равно просиял. Внутренне, почти без улыбки.

И полез в банку с растворимым кофе.

— Кончается, — предупредил из-за компьютера старичок, якобы по уши погруженный в работу. — А вчера вечером еще пол-банка было. Нет бы спать по ночам, как все нормальные люди...

Мой сосед нерешительно крутил жестянку в руках. Поморщился, но ничего не ответил.

— Александр Исаакович, — предложила я. — А пойдете выпьем кофе из автомата.

Он вскинулся, поставил банку на столик. Старичок что-то пробормотал себе под нос, видимо, комментируя и мое нездоровое пристрастие к кофе в неприличных количествах. Однако вслух не возмутился, а значит, его недовольство можно было игнорировать.

— Пойдемте.

Так просто.

* * *

Пока он переобувался, сложившись втрое угловатой фигурой, похожей на кронштейн, и протянув безразмерные руки по всю длину к шнуркам на ботинках, меня трясло, как если б мой сообщник по побегу одну за другой подбирал к замку лягзающие отмычки или со скрежетом перепиливал последний прут решетки. Хотя, конечно же, на самом деле все совсем не так, сотрудники шарашки свободно ходят по территории, при желании ночуют в коттеджах — правда, зачем, если можно и не отрываться от интересной и любимой работы? — и еще они весело гуляют на корпоративных вечеринках, а дети, у кого они есть, играют в детской комнате и даже учатся в школе...

Я увижу Димку. Сегодня. Вот-вот. Все это было просто несчастливое стечение обстоятельств, в которых я пока плохо ориентируюсь... но потом, когда получше разберусь...

Александр Исаакович вынул из кармана маленькую расческу и без зеркала провел по влажным волосам:

— Я готов, Алла Васильевна.

Он открыл дверь, и я переступила порог. Точно так же, как переступают любые пороги.

Мы пошли по коридору.

Коридор уходил вперед светло-кремовой стрелой, освещенной люминесцентными лампами, очень длинной, поскольку поднимался вверх, открывая дополнительную ширину горизонта. Впрочем, подъема на ходу почти не ощущалось. Было пустынно, как и позавчера, когда мы ходили пить кофе с Женькой. Видно, в

такое время вся шарашка ударно трудится, а мы вот бездельничаем — и ничего. Пользуемся полной свободой передвижения.

— Александр Исаакович...

— Да? — отозвался он.

— Расскажите мне о распорядке нашей работы. Чисто практические моменты: где мы питаемся, например? В котором часу закрывают корпус... и открывают? — я заторопилась, прикусила язык, боясь сболтнуть что-то не то. — А то наш с вами коллега не захотел мне помочь.

Они со старичком явно недолюбливали друг друга, и такой ход показался мне удачным и дипломатичным. Но почему-то сразу стало неловко. Вспомнилась моя вчерашняя откровенность до предела — с тем же самым человеком. Из деликатности, наверное, не указавшим мне тогда на мою очевидную неадекватность.

— Я, конечно, введу вас в курс, Алла Васильевна, — сказал он. — Только, боюсь, сейчас это не имеет смысла. Вам же сегодня, в крайнем случае завтра, сдавать тест на прохождение, и если сдадите, распорядок у вас будет совершенно другой. Скорее всего, вас вообще переведут из нашего отдела.

Снова этот тест на прохождение.

— Что за тест? Можно поподробнее?

Мой спутник замедлил шаги:

— Я постараюсь... но не уверен, что не дезинформирую вас. Видите ли, тест на прохождение моделируется индивидуально, в соответствии с личностными параметрами тестируемого. Если вкратце, суть сводится к выявлению максимального потенциала сотрудника, в том числе латентных резервов, которые раскрываются в ультрастрессовой ситуации... во всяком случае, сам я понял это именно так. Но могу и ошибаться, — на худой шее прыгнул кадык. — Поскольку я его не прошел.

— Почему?

Мое изумление было таким искренним, что я даже притормозила. Александр Исаакович тоже на мгновение остановился, пожал плечами и двинулся дальше.

— Почему, — я догнала его короткой перебежкой, — вы тогда остались в шарашке?

— Так вопрос не стоял. И в моем случае, и вообще никогда не стоит.

— А как?

— Очень просто. Тест на прохождение помогает руководству определить место сотрудника в системе. Каждый человек должен занимать свое место, а не чье-то еще. Разве не справедливо?

Казалось, разговор начинал его напрягать. Пора бы сменить тему, раз уж я решила поиграть в дипломатию. Однако не выдержала, спросила вдогонку:

— Это было шесть лет назад?

Глянул искоса, не без удивления:

— Да.

— И вы с тех пор ни разу не попробовали еще раз?

— Чего не попробовал?

— Пересдать.

Еще не договорив, я уже осознала, что ляпнула несусветную глупость. Студенческое словечко из юности звякнуло в коридоре шарашки диссонирующим звуком, неуверенно сошедшим на нет. Александр Исаакович вздохнул; к безмерной снисходительности вздоха примешивалось чуть-чуть горечи:

— Алла Васильевна, у каждого человека есть свой потолок. Это неприятно, но с этим приходится смириться и жить. В каком-то смысле оно и легче: жить, зная, на что ты способен... и на что не способен.

— И каким же образом они это определяют?

— Самым обыкновенным. Тестируют. На компьютере.

Он умолк, и я молчала тоже. Мы уже прошли изрядный отрезок коридора, так никого и не встретив. Наверное, здесь, ближе к выходу из корпуса, за дверями уже стоит дорогая оргтехника, а в окна видно чуть-чуть солнца и сухих травинок из-под снега. Для привилегированных сотрудников шарашки, успешно сдавших этот самый тест, вроде Женьки и Коли. И в этом вся разница?

Спрашивать Александра Исааковича не хотелось. Может быть, потом, за кофе.

Нет. За кофе я буду решать, что же делать дальше.

Внезапно в нескольких метрах перед нами слева открылась дверь. Мой спутник тут же замер на месте, но это я заметила позже, а пока, наоборот, ускорила шаги навстречу вышедшему из-за двери человеку. У него было знакомое лицо — корпоративная вечеринка? — однако окончательно я его идентифицировала лишь после того, как он сказал укоризненно:

— Алла!.. Саша!

— Кончился кофе, — глухо послышалось у меня за спиной. От этого странного, почти незнакомого голоса по ней прошуршали мурашки.

— У меня в шкафу еще целая банка, — отчеканил человек, имя которого я уже запомнила. Как и слова старичка о том, что он на особом положении здесь, в шарашке. И обладает какими-то там полномочиями.

Допустим.

— Андрон, — улыбнулась я как можно ослепительнее. — Идемте с нами. Тут ведь уже недалеко, правда? Заодно познакомимся получше.

На мой локоть сзади легла рука. Цепкая и холодная, как железо на морозе.

Я оглянулась через плечо. У Александра Исааковича было совершенно серое лицо и чуть подергивались уголки губ. Он сделал мне знак глазами, непонятный, отчаянный.

— Целая банка, — дружелюбно повторил Андрон.

* * *

Время тянулось. Четвертая циферка на часах в углу монитора никак не хотела меняться. Я отвела глаза, сосчитала до десяти, снова глянула: цифра осталась все та же, восьмерка. Ее бы еще перевернуть горизонтально.

На мониторе была открыта вчерашняя монография, строчки мерцали на выпуклой поверхности, а отдельные слова, за которые периодически цеплялся взгляд, являли собой совершенно нелепый набор букв. Иногда смешной, например, «итога» или «целесообразно». Странно, как у меня вчера получалось вылавливать из этой мути какой-то смысл.

Нервозно усмехнулась, прикусила язык. Сдвинула текст мышкой ниже. Как будто читаю.

Значит, выйти из кабинета на чашку кофе — все-таки преступление. Но тогда почему Александр Исаакович («Саша» ему категорически не шло, хотя тут все так его называли, да и никто больше в шарашке не рекомендовался по имени-отчеству) легко, с готовностью на него пошел? Почему ничего не объяснил мне: ведь мог же дать знать, предупредить, да хотя бы просто отказаться!.. И потом, если наш поступок так разительно не вписывался в устав шарашки, почему нам позволили уйти на довольно приличное расстояние? Получается, никто за нами не следил, и если б мы случайно не напоролись на Андрона... или все-таки не случайно?

Сейчас Андрон, сидя за столом у противоположной стены, наискось от моего, быстро-быстро барабанил пальцами по клавиатуре, его сосредоточенный безликий профиль время от времени кивал в такт напряженной работе. Строчит докладную записку? Или в чем там заключаются его особые полномочия...

За то время, что мы возвращались в кабинет (под конвоем?) по бесконечному коридору, он не ответил ни на один мой вопрос. Хотя спрашивала я всего лишь о завтраке-обед, о моих вещах,

оставшихся в коттедже, о сроках теста на прохождение, если, конечно, они ему известны...

Не о Димке. О Димке не рискнула.

Александр Исаакович каждый раз при звуке моего голоса сглатывал так громко, что этот звук сдваивало гулкое эхо коридора. Чего он, хотелось бы знать, до такой степени боится? — неужели всего лишь присутствия штатного стукача? Или все-таки последствий нашей самоволки? Но почему тогда не боялся раньше, если, в отличие от меня, знал, на что идет?

Сплошные вопросы.

Глянула в его сторону искоса, не поворачивая головы. Александр Исаакович тоже работал, правда, на порядок медленнее, касаясь клавиш редко и неритмично, словно заторможенная птица клевала рассыпанные веером зерна. Мгновенно отследил мой взгляд, вздрогнул, съезжился. Кто он мне: союзник или... не то чтобы враг, просто одна из безотказных деталей направленного против меня механизма шарашки? Если в его действиях, поступках, словах невозможно отыскать ни мотиваций, ни даже элементарной логики... Наверное, самое правильное — вообще не принимать его больше во внимание.

Я одна. Совершенно одна.

Возле коврика для мышки стоял полупрозрачный пластиковый судок с запотевшими изнутри стенками: черт его знает, когда он там появился. Надо полагать, мой сегодняшний обед. Во избежание новых попыток легально и ненавязчиво выйти отсюда.

А если просто встать — и... Что, интересно, тогда произойдет? Остановят уже в дверях или дадут уйти — как далеко? Любопытно было бы прощупать территорию своей относительной свободы. Вот только я не знаю цены подобного любопытства. Которая может оказаться и непомерно высокой.

Тогда что?! Сидеть и ждать?!

Четвертая циферка на часах уже другая — ноль. И третья тоже, соответственно, изменилась. Но как медленно... невыносимо.

Случайная фраза, выхваченная с монитора, ни с того ни с сего обрела что-то похожее на смысл. Вчиталась внимательнее: да нет, чепуха какая-то. Не настолько, разумеется, как в интерпретации старичка с его полетом разума без диплома, но все равно... Жалко, что файл только для чтения, я бы им сформулировала... а почему бы и нет?

Открыла новое окно. И решительно, почти в темпе Андрона, застучала по клавишам.

Может быть, время пройдет быстрее.

— Интересно.

Я вздрогнула, резко оборачиваясь от белого листа (вернее, монитора), где достраивался уже третий из столбиков формул, разделенных, точно перекладинами, длинными строчками текста. Наверное, нет на свете человека, который бы спокойно относился к тому, что у него читают через плечо. Тем более — недописанное, неоконченное, недодуманное, а потому, как ни странно, ценное. Хотя казалось бы.

— Что вам, Андрон?

— Очень оригинальный ход мыслей.

— Спасибо.

Нажала на «энтер» и не отпускала, пока текст не уехал вверх, оставив на мониторе девственно белое поле. И лишь потом догадалась закрыть окно, не сохранив, конечно, никаких изменений.

— Зря вы так. Жалко.

Я и сама успела пожалеть. Не об уничтоженных формулах, разумеется; в конце концов, восстановить их по памяти не составляло ни малейшего труда. Пожалеть о демонстративном движении пальца на кнопке мыши заставил голос Андрона. Неуловимые, как ультразвук, интонации в голосе. Человека, которого боялся Александр Исаакович. Которого, наверное, стоило бояться и мне.

Я ведь решила во всем подчиниться шарашке. По крайней мере, удачно создать такое впечатление. Стать тише компьютерной мыши: ну чего мне стоило?! Дура. Такая мелкая, ребяческая дерзость... и Димка.

Андрон продолжал стоять сзади, нависая над моим плечом. Отвернулась. Зачем-то глянула в сторону Александра Исааковича. Тот сидел неподвижно, уставившись в монитор; что у него там было открыто, я со своего места не видела. Не пошевелинулся. А чего ты от него хотела?.. помощи?

Старичок напротив крикнул и придвинул к себе пластиковый судок с обедом. Я покосилась на часы: убит один час сорок минут, поздравляю. Единственное, с чем себя можно поздравить, да и то сомнительно.

Андрон не уходил.

— Если вам это и вправду показалось интересным, — у меня запершило в горле, пришлось сглотнуть и откашляться, прежде чем продолжить сдавленным голосом, — ...то я могу восстановить.

— Оно вам надо, Алла? — усмехнулся он. — Все равно, шеф сказал, завтра с утра на прохождение сдаете. Но мыслите и

впрямь нестандартно. Забыл вам с утра передать, держите. И вообще, обедать пора.

...Я следила, как он медленно-медленно пересекает комнату, плавно поднимая и опуская то правую, то левую ногу, перекатываясь с пятки на носок, слегка наклоняясь и вновь выпрямляясь на каждом шагу. Потом так же медленно начала придвигать к себе остывший судок, неторопливо скользивший по гладкой поверхности стола, расчищать ему место, отстраняя ладонью клавиатуру и коврик с мышью... На мертво сдвинутых коленях мелко подрагивал конверт. Подняла взгляд, словно миску с молоком, полную до краев. Время на часах опять заканчивалось на восьмерку, и это уже, наверное, навсегда... на горизонтальную восьмерку...

Конверт был заклеен старательно, наглухо, с рельефными каплями клея по треугольному контуру. Естественно, листок внутри тоже приклеился, и я никак не могла высвободить его под столом из раскромсанных бумажных краев. Наконец, извлекла, мятый, с дыркой посередине.

«Мамочка, здравствуй. Мы играли в мячик и на компьютере. Дядя Женя приходил. Ты не волнуйся. Я в пришельцев до четвертого уровня дошел. Я кушаю хорошо. Дима».

Без единой ошибки.

Сколько раз его заставляли переписывать?

* * *

Душ казался чуть теплым, как я ни подкручивала холодный кран. В конце концов, закрутила его полностью. Обожглась, пришлось приотвернуть. В кабинке клубился непроглядный белый пар, плечи саднило под горячей струей, но все тело по-прежнему бил озноб. Жуткий. Непобедимый.

Я должна пораньше лечь спать. Я должна отдохнуть. Я должна сдать этот самый тест на прохождение, раз они этого хотят. Я должна сделать все, что от меня зависит, и все остальное тоже. Я должна... должна...

Хотя бы согреться.

Я сидела под душем, наверное, уже больше часа. Вот и хорошо: время, прошедшее от обеда и до шести, когда я позволила себе встать из-за компьютера, вспоминалось с содроганием — стылое склизкое желе, откуда невозможно выбраться и где невозможно находиться. Не могу точно сказать, чем я занималась все это время. Может быть, перечитывала монографию... может, Димкино письмо... Димкино?.. кажется, я уже успела пройти все стадии сомнения и перебирания разнообразных версий, а может,

и вообще не думала об этом. Я должна согреться. Я должна быть сильной. Я должна подняться выше потолка, который есть и у меня, если верить...

Ворвалась струя свежего воздуха, и я судорожно глотнула ее: оказывается, еще чуть-чуть, и задохнулась бы в белом тумане. И сразу — холодно!!!

— Дверь! — крикнула раньше, чем что-либо сообразила.

— Уже закрыл, — отозвался голос Александра Исааковича.

Не через дверь. Тут же, из-за клеенчатой занавески.

Оригинально; я нервно усмехнулась. С другой стороны, может быть, человеку просто надо вымыть руки или, скажем, сполоснуть чашку, а кабинка с единственной раковиной битый час как занята. И потом, помнится, он утверждал, что я не интересую его как женщина.

— Сделайте немного слабее напор.

— Что?

— Напор воды ослабьте. Чуть-чуть.

Так и есть, претендует на раковину. Я привернула краны и съежилась от холода. Скорей бы он там.

— Скажите что-нибудь.

— То есть?

— Теперь слышно. Мне нужно с вами поговорить. Только не выключайте воду.

И-да, выключать воду я додумалась бы в последнюю очередь. Представила со стороны: вот я, голая, свернулась в позе эмбриона и судорожно вожу по плечам тонкой струйкой душа, — а вот мужчина за занавеской, которому приспичило со мной поговорить. Наверняка полностью одетый, даже при галстукке. Пар потихоньку рассеивался, и я уже могла разглядеть темный силуэт, длинный, невероятно высокий, если смотреть с корточек.

— Может быть, подождете? Я скоро выйду.

— Нет, прошу вас, здесь. И не выключайте воду, — повторил он, как заведенный. Я приоткрыла посильнее горячий кран: скорее демонстративно, чем чтобы согреться.

— Хорошо, давайте поговорим.

Вот тут-то он и замолчал. Вода стекала в слив, закручиваясь маленьким смерчем. Как оно тупо и бессмысленно — продолжать сидеть в душе, когда вымылась давным-давно. Правда, минутою назад казалось, что у меня никогда не хватит сил вылезти отсюда... полный бред.

— Пожалуйста, помогите мне, Алла Васильевна, — сказал силуэт за полупрозрачной занавеской. — Больше мне никто не поможет. Только вы.

Потрясающе. Особенно в устах человека, к которому я всего лишь вчера вечером обращалась с аналогичным текстом. Правда, без шумового фона льющейся в слив воды.

— Смеетесь? — осведомилась я.

— Нет, что вы, — было слышно, как он звучно сглотнул. — Вы можете. У вас же завтра тест на прохождение.

— Ну и что?

Хотелось грубее. Например: а вы-то какое имеете отношение к моему тесту? Или с ядовитой ехидцей: замолвить словечко, ага? Или просто послать открытым непечатным текстом, изливая, выбрасывая залпом все то, что накопилось там, внутри, под тяжеленным волевым прессом, за последние дни... И резко закрутить кран.

— Вы спрашивали о моей жене, — проговорил Александр Исаакович. — Я расскажу.

* * *

Он рассказывал долго. Хотя можно было и покороче.

Старые добрые времена, НИИ, двое молодых перспективных ученых. Он любит ее, она любит науку, но замуж все-таки выходит, удобно же, без отрыва от процесса. Добрые времена заканчиваются, НИИ в руинах, кому-то надо все бросать и зарабатывать на жизнь, и это, естественно, он, ведь она любит науку. У него получается не очень, но кое-как живут. Времена снова меняются, она начинает ездить по международным конференциям и симпозиумам, выигрывает гранты, его функция кормильца семьи становится фикцией, а ничего другого у него не осталось. Но он любит ее, свою жену. Детей у них нет, причину смотри выше.

И тут им предлагают работу в шарашке. Обоим.

— С вами понятно. Но она-то почему согласилась?

— Если б вы ее знали... — мечтательные нотки сквозь шум воды. — Все это был не ее уровень. Не буду о нашем институте, это вообще смешно, но она поехала по миру, несколько раз стажировалась в крупнейших профильных лабораториях... в богатых, развитых странах... Возвращалась и говорила: не то. Она была на голову выше всех. Ей не хватало мощностей, ресурсов, толковых сотрудников, а больше всего — понимания. То, что она готова была разрабатывать, так называемые коллеги и потенциальные партнеры не могли постичь даже на уровне идеи. Ей все время приходилось опускаться до них.

Пауза. Дробный звук капель душа о занавеску.

Со вздохом:

— И до меня тоже.

— Не вижу логики. Неужели тут, в шарашке, ей предложили большее? И она поверила?

— Наверное, большее. Должно быть, поверила, они умеют убеждать. Но дело не в этом. Она согласилась из-за меня.

— А вы — из-за реконструкции площади, да?

Не удержалась. Просто они уже достали, вывели из себя, патологические неудачники, прячущие за красивыми словами собственную импотенцию. Выслушанная только что история рвалась по швам, расползалась, не выдерживала ни малейшей критики. Интересно, как оно было на самом деле. Уже немолодой, но из года в год подающий надежды ученый — типичная посредственность — в конце концов бросает науку, найти нормальной работы, в отличие от юриста Женьки, не может, обвиняет в своих бедах весь окружающий мир с городскими властями включительно... А рядом — успешная женщина. Которой интересуется некая шарашка. Интересно, он сам ее им сдал, собственную жену, или только поспособствовал, так сказать, морально-психологически?

Хотя, может, и по-другому. Романтический образ гениальной научной дамы — фантом, выдумка, в которую он, возможно, и верит. А его жена дура и стерва, именно такие чаще всего и присасываются к кормушкам в виде грантов-конференций, но в серьезных институтах ее быстро выводили на чистую воду, приходилось становиться в позу и уезжать; рано или поздно кормушка должна была закрыться... Тоже неудачница, чья карьера была обречена рухнуть, если б не шарашка.

А вообще-то, какое мне дело и до него, и до его жены?!

Александр Исаакович молчал. Слишком долго для паузы, так что разговор можно считать оконченным. Кстати, не без пользы: я успела согреться. Закрутила краны, выпрямилась во весь рост и высунула руку из-за занавески:

— Дайте полотенце.

— Возьмите... Алла Васильевна!

Снова полилась вода. Теперь сплошной струей в раковину.

— Кажется, вы меня не поняли... жаль, конечно. Но все-таки, если позволите, я сформулирую свою просьбу. У меня просто нет другого выхода. Единственная надежда... что вы подумаете и поймете.

Я вытерлась и завернулась в полотенце; куцее, оно держалось на груди кое-как. В пространстве между занавеской и дверью два человека могут разойтись, только крепко прижавшись

друг к другу в процессе... и падающее на пол полотенце, спасибо. Пускай формулирует, а потом откроет дверь и выйдет первым, а я уже за ним.

Представила себе Андрона, а особенно старичка, наблюдающих эту сцену: запертая второй час кабинка наверняка уже успела возбудить их интерес. Громко прыснула.

— Что?.. Вы что-то сказали?

— Наоборот, я вас слушаю, Александр Исаакович.

Его фигура по-прежнему маячила за занавеской, теперь, когда я встала, уже чуть менее ирреальная. Заговорил:

— Тест на прохождение... утром я не сумел вам как следует объяснить. Мобилизуются все резервы, какие только есть в человеке: интеллектуальные, психофизиологические, подсознательные. Это достигается за счет абсолютного моделирования реальности... и сильнейшей стрессовой ситуации, подобранной индивидуально под конкретную личность.

— Как это?

— Они знают, как. Они все о нас знают.

Я хотела усмехнуться, усомниться: прямо-таки все, да неужели?.. но вспомнила приемную шефа, звонок бандита Толика (не важно, сфальсифицированный или нет) после того теста на измор. Корпоративную вечеринку и пустую Димкину кровать. Мягкую бумажку с кривыми, но правильными буквами...

В общем, да. Знают. Все.

— Я искал ее... там, — глухо произнес мужчина за занавеской. — Я пытался ее спасти. Точно зная, что это в принципе возможно. Если бы получилось — наверное, мы были бы сейчас вместе... Но я не смог. Не прошел.

Он умолк и, кажется, ждал от меня вопроса. Я догадывалась, какого. И тоже молчала.

Но он все же ответил:

— Я не видел ее шесть лет.

Я переступила с ноги на ногу; внизу было скользко и уже холодно. Плечи подернулись гусиной кожей, влажное полотенце противно липло к телу, сползая с груди. Захотелось снова забраться под душ. Шесть лет... шесть лет назад родился Димка... еще через шесть ему будет двенадцать... взрослый парень, изменится, наверное, до неузнаваемости... Что за несусветная муть лезет в голову!!!

Темный силуэт все еще маячил на расстоянии даже не вытянутой как следует руки. Сколько можно?!.. Чего он от меня хочет?..

— Александр Исаакович, — выговорила ровно и устало. — Я не понимаю, чего вы от меня хотите. Выпустите меня, пожалуйста.

Поправила полотенце и резким движением отдернула занавеску.

Он стоял ко мне лицом. Чересчур близко. И не подумал посторониться.

— Вы сдаете завтра тест на прохождение, Алла Васильевна, — сказал он. — Я не знаю ваших возможностей. Вы сами их не знаете. Но если вы сумеете... если... я прошу вас сделать то, что не получилось у меня. Найдите ее. Выведите оттуда.

Псих, тоскливо подумала я, встретив на мгновение его умоляющий взгляд и тут же опустив глаза. Свихнулся тут, в шарашке. Ничего удивительного.

Я тоже здесь рано или поздно свихнусь.

— Где я ее вам найду? В виртуальном тесте? В компьютере?

Он досадливо мотнул головой:

— Вы не совсем поняли... Я плохо объяснил. Эта реальность, нельзя сказать, что она полностью смоделирована, там более тонкая программная конструкция, в которой виртуальные элементы микшированы с трансляцией извне в прямом онлайн-режиме... Вы разберетесь, сами увидите, попав туда.

— Допустим. Но вы же говорили, что тесты индивидуальны.

— Индивидуальна ситуация, но ведь реальность та же самая! Шарашка, за ее пределы ничего не выходит. Вероятность того, что вы встретитесь, довольно велика. Только не пройдите мимо... не пройдите, я прошу вас.

Он по-прежнему преграждал мне путь. В кабинке было уже совершенно нечем дышать. Зеркало запотело так, что казалось глухой стеной жемчужного цвета.

— Я же никогда не видела вашу жену.

— У меня есть ее фотография.

Александр Исаакович замаялся, явно решая, стоит ли говорить что-то еще, оставшееся невысказанным, в запасе. Я вздохнула, сгребла в горсть края полотенца на груди и сделала шаг вперед, протягивая руку к дверной защелке. И тогда он выдал скороговоркой:

— Это ее работа. Базовая монография нашего отдела. Вам было интересно, я же видел!.. Вам с Олей будет о чем поговорить... потом, — он судорожно сглотнул. — Вы поможете ей?.. Вы обещаете?

— Хорошо. Я постараюсь. Откройте дверь.

Он закрутил кран, щелкнул шпингалетом и отпрянул от меня, метнувшейся мимо него в обжигающую холодом темноту спальни. Наощупь добралась до кровати, откинула одеяло вместе с покрывалом, нырнула внутрь и укрылась с головой, прижав колени к подбородку. Забыть обо всем. Спать. Во что бы то ни стало выспаться сегодня, потому что завтра...

Сильнейшая стрессовая ситуация, подобранная под конкретную личность.

Димка.

* * *

На этот раз компьютер был суперсовременный, годный для оснащения телевизионной студии с международной трансляцией или, скажем, центра управления космическими полетами. Монитор, ширину которого я не смогла бы охватить раскинутыми руками, на ребре казался не толще книги. Непривычная клавиатура с большим разза в полтора набором клавиш, перламутровая мышь о пяти кнопках. Если б я разбиралась в оргтехнике, наверняка была бы впечатлена и чем-нибудь еще.

— Вас может удивить формат этого теста, — говорил шеф, странно серьезный, без намека на псевдоотеческое сюсюканье. — Но, поверьте, это оптимальная форма, разработанная нашими специалистами. Мы должны иметь всестороннее представление о возможностях наших сотрудников. От успешности прохождения зависит ваша будущая должность, уровень заработной платы и...

Микроскопическая пауза. Чтобы я поняла.

И я поняла.

— ...Короче, от этого зависит все.

По громадному монитору кружилась заставка: концентрические круги и спирали, перетекающие друг в друга, меняющие форму и цвет, гипнотизирующие, если смотреть, не отрываясь, хотя бы с полминуты... должно быть, так и задумано. Отвернулась, поискала взглядом директора:

— Я могу приступить?

— Не торопитесь. Тест запустится автоматически. Можете пока задать вопросы, если они у вас есть.

Вопросов у меня накопилось немало, и, стараясь не смотреть на втягивающий монитор, я перебирала их, словно вечерние платья в шкафу-купе. Ни одного такого, который имело бы смысл задать ему здесь и сейчас. Совершенно нечего надеть... подумать только, в моей жизни не так давно закончились времена, когда именно это было главной проблемой, которую мне приходилось...

Вспомнилось с содроганием — даже сейчас. Передернула плечами. Спросила:

— Правда, умных людей легко делать счастливыми?

— Простите?

— Дать им возможность заниматься своим делом, только и всего. Работать мозгами. А больше им ничего и не нужно. Даже не поинтересуются лишний раз, на кого они работают и зачем.

— Вам не объяснили цели и задачи нашего учреждения? Странно. Я распорядился.

— Да вроде бы объясняли... Ваши распоряжения выполняются беспрекословно. Зачем счастливым людям свобода?

— Вам что-то осталось непонятным?

— Много чего.

— Ну, на много чего у нас, извините, нет времени. Программа запустится через сорок секунд.

— Хорошо. Тогда самое главное, — я развернулась, нашла его лицо. — Если нас так легко осчастливить, почему же вы этого не делаете? Нелогично, знаете ли. Я могла бы сейчас быть благодарна вам по гроб жизни. Вкалывать интеллектуально, получать удовольствие от процесса и благословлять шарашку. Зачем вам понадобилось...?!

Он поморщился:

— И откуда у вас такой лексикон? Казалось бы, интеллигентная женщина... Шарашка!

Больше я ничего не слышала.

* * *

Чтобы выйти из закрытой комнаты, надо найти тринадцать предметов: флакончики, коробочки, кольца, кассеты, ключи от запертых ящиков стола, где могут обнаружиться еще какие-нибудь коробочки, диски, шнурки, ключи... В такую игру я играла в гостях у *его* компаньона по бизнесу, мне запустил ее тринадцатилетний компаньонов сын, и я весь вечер не вылезала из-за компьютера — он потом долго припоминал мне тот визит. Собрала целых двенадцать, а потом игра застопорилась, и условная комната бесконечно поворачивалась по кругу, показывая все те же ракурсы согласно движениям мышки...

Знакомое начало.

Я взялась за дело методично: проверить все незапертые ящики, полки, щели между мебелью и стенами и так далее. Все это выглядело настолько же реальным, как интерьеры виртуальных телестудий или компьютерная графика в кинофильмах:

все восхищаются, присуждают премии за спецэффекты, однако отличить подобные художества от настоящих съемок можно невооруженным, даже близоруким глазом. И еще один ключик под ковриком. Открываем нижний ящик письменного стола, находим дискету. Теперь подсоединить обнаруженный ранее шнур и включить компьютер.

Женская рука на мышке — там. Парадоксально-философская модель мироздания с повторяющимися элементами, вложенными друг в друга, и так до бесконечности в ту и в другую сторону...

Наверное, я просто сморгнула. На какое-то мгновение потеряла контроль над происходящим, выпала буквально на миг из несложного и, в общем-то, предсказуемого рисунка теста... Сидя за компьютером, ждала, пока он закончит проверку на вирусы и откроет дискету. Нетерпеливо шевелила мышью. Обыкновенной, с двумя пупырчатыми кнопками.

Кажется, мне говорили, что, попав сюда, я пойму. Не помню, кто, когда и где...

Шарашка. Мой сын. Я должна его найти. Мне дают шанс.

Все остальное совершенно не обязательно помнить и понимать.

* * *

Единственная строчка цифр в открытом файле — чересчур длинная для кода замка. Может быть, код зашифрован с помощью какой-нибудь известной последовательности? Вспоминай, ну!.. когда-то же знала, могла запросто оттарабанить без шпаргалки все эти фибоначчи... Самое неприятное, что для проверки каждого из множества вариантов приходилось метаться от компьютера к двери и назад. А если распечатать? Принтер есть, и понятно теперь, для чего на верхней полке стеллажа нашелся чистый лист бумаги.

Выхватив теплый, вкусно пахнущий озоном листок, вернулась к двери. Коробка замка светилась внимательным красным глазом. Кстати, довольно хлипкая на вид. Может, получится просто вышибить дверь плечом?.. Тоже вариант. Расправила распечатку на стене возле замка; верхний край все время закручивался, черт, надо было сдвинуть строчку вниз на несколько интервалов, — и вдруг увидела сверху серую линию колонтитула.

Пять цифр.

Замок сдвоенно клацнул, словно затвор винтовки, и я очутилась в коридоре. Куда теперь? Двери по обе стороны, плафоны на потолке. Ни единой подсказки.

Если исходить из того, что Димка действительно в специально оборудованной при шарашке детской комнате, — а больше мне не из чего исходить, — необходимо хотя бы приблизительно вычислить, где она может находиться. Думай. Вряд ли детская воткнута среди рабочих кабинетов и лабораторий. Скорее всего, подобные помещения где-то сгруппированы: рядом какой-нибудь клуб, спортзал, библиотека, а возможно, и школа, о которой говорила Марфа... и еще медпункт. Медпункт, во всяком случае, должен быть обязательно. Отыскать схему, скажем, эвакуации в случае пожара, и ориентироваться на красный крест...

Вообще, оно не помешало бы — найти схему. Карту шарашки.

Не стоять на месте, идти. Наклон пола едва ощущается, но он есть, и двигаться логичнее вверх: не станут же держать детей глубоко под землей. Не исключено, что вся вспомогательная инфраструктура вообще расположена в другом, наземном корпусе. Но прежде чем выйти отсюда, я должна убедиться, что здесь Димки нет.

Коридор поворачивал направо. Странно, там, в реале (в реале? — мысль была нездешней, будто отголосок забытого сна) мне так и не удалось обнаружить ни единого поворота. Свет стал вроде бы тусклее. Подняла голову: плафоны на потолке горели через один, чем дальше, тем все реже и реже. Пошла медленно, тщательно осматривая двери по сторонам и промежутки между ними. Хотелось бы знать, что будет, если постучать в какую-нибудь дверь. Есть ли там люди? Если есть, как себя поведут?.. Особенно если я на полном серьезе объясню, что сдаю виртуальный тест. Да и люди ли они — или тоже компьютерные программы?

...А Димка?!

Кажется, мне рассказывали о микшировании разных элементов... виртуальных, реальных, онлайнных... Если думать об этом сейчас, пытаясь отделить одно от другого, ни на что больше мозгов уже не хватит.

Два пропущенных плафона, дверь тонет в глубокой тени. Постучала, сначала коротко, пробно, и тут же отодвинулась к стене, так, чтобы очутиться за открываемой створкой. Уже оттуда постучала еще раз, ритмичным стуком, каким часто, да почти всегда сигнализируют друг другу «свои».

Никто не открыл. Я затарабанила еще, стук звучал глухо, будто в сплошную стену. Прислушалась: тишина. Пошла дальше.

Никаких табличек на дверях, никаких схем на стенах. В десятке метров впереди светился последний плафон, за которым

постепенно начиналась темнота. Идти стало легче, шаги поневоле ускорялись, и я поняла, что снова спускаюсь. Но как это может быть, я же пришла снизу, а поворот не был ответвлением основного коридора, свернул сам коридор... или я опять чего-то не заметила, как тогда, в реа...?

Стоп. Тупиковый ли он, путь, по которому я сейчас двигаюсь, еще неизвестно, а вот подобное направление мыслей стопроцентно заведет в тупик. Реальность одна, говорил некто, о ком сейчас не к месту и не ко времени вспоминать. Реальность — шарашка.

Притормозила под последним светящимся плафоном. Впереди — темный коридор-тоннель, по бокам — двери-клоны друг напротив друга. Для очистки совести постучала в обе. Одна отозвалась все тем же глухим, недверным звуком.

А другая скрипнула и отворилась.

Никто ее не открывал, сообразила я, все еще ежась от шока, просто отворилась от прикосновения, незапертая и даже не защелкнутая на язычок. Внутри было светло, и я вошла в комнату без колебаний. Ну, почти.

В помещении оказалось совершенно пусто. Пол, потолок и стены одинаково спокойного светло-желтого цвета. Люминисцентные лампы, встроенные в потолок, просто светящиеся квадраты по периметру. Стены гладкие: я прошла в конец комнаты, попутно исследовав их все на предмет тайников или скрытых дверей. Пустота. В этой комнате при всем желании ничего не спрячешь. И, соответственно, никак не соберешь достаточно предметов, чтобы выбра...

Раздался скрип, и я обернулась.

Дверь закрывалась! Плавно, как бы не очень и быстро, — нельзя было понять, закрывает ли ее человек, программа, сквозняк, — и стремительно, как мышеловка. В один миг нарисовалось отчетливое: ничего страшнее, чем остаться здесь, в пустой комнате с люминисцентными квадратами, не может произойти никогда и ни с кем. Я метнулась к выходу с отчаянной скоростью, споткнулась, упала навзничь, едва успев в падении выбросить вперед вытянутую руку. Дикая боль в прищемленных пальцах — но застопорила, не дала захлопнуться!.. Подтянулась на животе, другой рукой приоткрыла створку, тяжеленную, как у бронированного сейфа — минуту назад эта же дверь открылась сама собой от легкого стука?! Я просочилась в щель, зажмурилась и содрогнулась от грохота за спиной.

За веками была темнота. Я открыла глаза: плафон напротив двери не светился. Не светилось ни одной лампы во всем коридоре. И я никак не могла вспомнить, с какой стороны пришла.

Только не стоять на месте, это бессмысленно. Выбрала направление наугад и пошла, стараясь определить, идет ли коридор вверх или вниз: даже это почему-то стало проблематичным. Тьма стояла непроглядная, глаза и не думали к ней привыкать, а может быть, тут просто нечего было видеть. Наверное, стоило держаться стены, возможно, пересчитывать двери... но от мысли о дверях меня бросало в дрожь.

Запахло влагой, грибами. Погреб какой-то? В шарашке?.. Хотя почему бы и нет. А может, черный подземный ход. Вдруг отчетливо припомнилось, что среди тринадцати предметов, собранных в первой комнате, был фонарик. Точно, был, и почему я не взяла его с собой?! В тестовых программах не бывает ничего случайного, лишнего...

Неадекватная, дичайшая мысль.

Рискнула все же дотронуться до стены. Плесени на ощупь не чувствовалось, только гладкий холод и капли воды, стекающие под пальцами в ползучие струйки. Боль в прищемленных подушечках понемногу отступала, отнимать руку не хотелось, и я поскользила кончиками пальцев по стене, вычерчивая на ней, наверное, пять мокрых дорожек, невидимых в темноте.

Ожидала вот-вот ощутить под пальцами пустоту — и отдернуть руку. Но вместо этого натолкнулась на преграду. Небольшой порожек не выше сантиметра. Сначала я решила, что это неплотно прикрытая дверь. Спустилась пальцами чуть ниже: порожек исчез. Тогда повернулась лицом к стене и, как слепая, начала ощупывать неизвестный предмет. Прямоугольная плита размером где-то с монитор, гладкая, с чуть выступающими краями... в рамке?

А под ее нижним краем нащупала что-то маленькое, выступающее под углом. Рубильник?.. Точно, рубильник.

Щелк!

Свет ударил по глазам, и только как следует проморгавшись, я оценила, какой он слабый. Квельый лучик подсвечивал рамку под стеклом. Прямоугольники, линии, значки, стрелки...

То, что я искала. План шарашки.

* * *

Теперь все будет легко. Гораздо легче выполнить задуманное, чем пытаться задумать выполнимое. Но второе, кажется, у меня уже получилось.

Я оказалась права. В шарашке действительно имелся отдельный рекреационный корпус, и располагался он среди леса, на берегу маленького озера, где-то в полукилометре за коттедж-

ным городком. Мы с Димкой могли обнаружить его еще в первый день, если б отправились гулять в ту сторону... Значки на плане, расшифрованные мелким шрифтом внизу, демонстрировали ассортимент инфраструктуры: ресторан, несколько баров, кинозал, дискотека, бассейн, сауна, тренажерный зал... детская комната. Стилизованная кукла с мячиком. И в самом деле по соседству с красным крестом.

Любопытно, какая часть сотрудников шарашки пользуется всеми этими благами. И по какому принципу отобранная... нервно усмехнулась. Я пользуюсь. Там присматривают за моим ребенком, пока я занята по уши интеллектуальным трудом и, в частности, прохождением теста...

Снова дикая, некстати вклинившаяся... даже не мысль: так, промелькнуло.

Ладно, к делу. Прежде всего, надо определиться, где именно я нахожусь. Рабочий корпус шарашки на плане представлял собой нечто разветвленное, извилистое, похожее на осьминога или схему метро. Вспомнился прямой, как стрела, единственный коридор... н-да. Впрочем, такая планировка здания с самого начала казалась мне малореальной. Наверное, тут использованы какие-то оптические технологии, скрадывающие повороты и перекрестки коридоров. К сожалению, на плане никак не отображался уровень помещений над и под землей. Хотя не уверена, что это помогло бы.

Теоретически я могла находиться где угодно. В любой точке схемы.

Обнадеживало одно: выходов на карте было много. Любой коридор, если держаться направления и не ходить по кругу, должен рано или поздно привести к выходу. А выбравшись из корпуса, на местности я уже как-нибудь ориентируюсь.

Очень хотелось взять схему с собой. Но рамка была привинчена к стене, а разбивать стекло — кулаком, локтем? — я не решилась, тем более что план могли и наглухо приклеить к заднику рамки. Оставалось запомнить. Лес, коттеджный городок, снова лес, озеро. Никаких других строений возле озера нет, никаких других озер на территории шарашки — тоже. Добраться туда. А сначала выйти отсюда.

С сожалением отпустила глазами слабенький огонек под схемой и двинулась в темноту. Держаться стены. Отслеживать повороты. Попытаться все-таки выяснить, спускается ли пол вниз — или поднимается вверх?.. или тут уже идет прямо... ступеньки.

Ступеньки застали меня врасплох. Последней лестницей, которую я видела в шарашке, было крыльцо в коттедже, а рабо-

чий корпус, казалось, уходил под землю только наклонными плоскостями, вкрадчиво, незаметно. Разумеется, я споткнулась, не устояла на ногах, ушибла колено. Не вставая, ощупала лестницу: узкая, каменная, не совсем ровная, ведущая вверх... черт!

Влезла во что-то липкое, жирное, грязное. С отвращением поднесла к носу ладонь: пахло, слава богу, просто землей, глиной. На ощупь вытерла руку о ребро ступеньки и пробно потыкала пальцем в разных местах: глина была не везде, местами, пятнами. Чьи-то следы. Кто-то спускался по этой лестнице в обуви с нечищенными подошвами, и грязь не успела с них как следует поотваливаться, а значит...

Вверх по лестнице. Быстрее. Быстрее!

Свет.

Пятнышко фигурной формы замочной скважины. И серый луч.

Успела в который раз вспомнить о фонарике, забытом в той первой комнате, он существенно облегчил бы поиски ключа в темноте. Заодно и о нескольких разнокалиберных ключах от ящиков, оставшихся там же, — какой-нибудь из них мог бы и подойти! Лестница, несмотря на обманчиво близкий свет, оказалась длинной, и вот уже свистело дыхание, но скорость — нет, не замедлялась ни на ступеньку в секунду. На всякий случай я выставила вперед раскрытые ладони...

Въехала с разгону в шершавое дерево. Оно вздрогнуло от толчка и подалось с натужным горестным скрипом.

Я увидела туман.

* * *

Никогда в жизни не видела настолько густого тумана. Из жемчужной взвеси выступал тонкий силуэт сучковатой ветки... и все. Потянувшись к ветке, я не рассчитала расстояния до нее, оцарапалась об острый сучок, а затем моя рука исчезла. По локоть.

Как же сориентироваться, найти дорогу в таком тумане?!

Разведя невидимыми руками невидимые ветки, я вылезла наружу. Сразу же пробрало холодом: как-никак, еще зима, а мое пальто осталось... даже и не вспомнить, где именно оно осталось; неважно. Температура плюсовая, потеплело, иначе не было бы никакого тумана. Надо больше и быстрее двигаться, идти, не сбиваясь с какого-то одного направления, отмечать дорогу и ориентиры — а туман, он же никогда не держится долго...

Отошла на несколько шагов и заломила ветку кустарника: она повисла углом и стала похожа на японский иероглиф. Под

ногами то чавкала грязь, то поскрипывал слежавшийся снег, кусты иногда расступались, но большей частью преграждали дорогу, цеплялись за одежду, неожиданно, из засады, хлестали по лицу. Какая-то незнакомая местность, между рабочим корпусом и коттеджами, насколько я помню, не было зарослей кустарника, только светлый лес из корабельных сосен. По идее, я должна скоро туда попасть, и тогда продвигаться станет легче... если, конечно, не иду сейчас в противоположную сторону. Чего никак не определить — только идти вперед, надламывая каждый десяток шагов ни в чем не повинные ветки.

Я сделала уже семь-восемь меток, когда на меня спикировала первая птица.

Услышав прямо над головой ее резкий гортанный крик и запрокинув лицо, я не разглядела в тумане даже смутного силуэта, а в следующую секунду птичьи когти уже вонзились в плечи, и счастье, что я именно в тот миг нагнулась, подныривая под кустарниковой аркой. И еще не успела сообразить, что происходит, а птицы уже орали со всех сторон. Невидимый голос тумана, мгновенно материализующийся в острую боль — в спине, плечах, руках, затылке... Лицо! Спрятать лицо!!!

Я упала на колени, сжалась в комок, попыталась отползти под куст, в самое сплетение веток, но птицы с легкостью проникли туда, где я лишь оцарапывалась и ломала все вокруг себя, слишком большая, неповоротливая. Птицы... что это за птицы?! Какие они?! Только крики, когти и клювы — больше ничего, ведь никогда в жизни я так крепко не зажмурилась глазами...

И когда стало ясно, что не спрячешься, не переждешь, не закроешься, что склюют заживо, до костей, — я извернулась, низко держа голову, сама заорала по-птичьи (нет, не испугались, не улетели, ни одна!) и схватила обеими руками что-то теплое, мягкое, бьющееся... это что-то надо было раздавить, порвать, обездвигить...

Стая взлетела. Разом, как по выстрелу.

Прошла минута, две, а может, и намного больше, когда я наконец поднялась. Медленно разлепила глаза. Поднесла совсем близко и разглядела сквозь туман свои руки, окровавленные, сжимающие комок темных перьев... совсем небольшой комочек... Разжала пальцы, и он исчез, словно утонул в мутной воде.

Я никогда раньше не убивала птиц.

Побрела дальше, забыв поставить метку, — да и зачем, попробуй не узнать это место с переломанными кустами и, наверное, кровью на талом снегу. Действительно, потеплело. Сад-

нило плечи и затылок, влажный воздух совершенно не охлаждал раны. Заявлюсь к Димке в таком виде, он, конечно, испугается, а я не смогу объяснить... нельзя же допустить, чтоб он боялся еще и птичек.

Сломался каблук. Давно уже шатался, а теперь, наконец, отломился, застрял в грязи. Я присела — приблизившись, на земле обнаружилось овальное пятно ноздреватого снега, — сняла второй сапог и долго воевала с каблуком, который не хотел отламываться по моей воле. За это время успела снова промерзнуть насквозь, какое там потепление... Обулась, встала. Идти без каблуков оказалось ничуть не легче, наоборот, привыкла же к другому центру тяжести. Сквозь стельки на пятках моментально просочилось мокрое, ледяное, хлюпающая на каждом шагу.

Вдруг кусты кончились, застав меня в тумане враспloch: еще несколько метров я недоверчиво выставяла руки перед собой. Ни кустарника, ни деревьев; под ногами, кажется, был снег, причем довольно мягкий, а не слежавшийся или перемерзлый. Странно, на открытом месте должно было растаять прежде всего. Может быть, сюда падает тень от какого-то высокого строения, в таком тумане его не разглядишь и в полутора шагах...

Запахло водой, рекой. Озеро? Прикрыв глаза, я попыталась как можно подробнее припомнить схему: никаких других водоемов на территории шарашки нет, это точно. Значит, я практически пришла?! Миновал коттеджи, лес... почему бы и нет? Я же не знаю, с какой стороны выбралась из рабочего корпуса. А нужное мне здание где-то совсем близко.

Димка. Если б не туман...

Туман уже не был сплошным. Я заметила это, глянув под ноги и вдруг отчетливо увидев свои бескаблучные сапоги, оставляющие непривычные следы на снегу. Огляделась по сторонам: туман клубился сгустками, тянулся полосами, то полупрозрачными, то молочно-белыми, — словно облака высоко в горах. Никакого корпуса в рваном поле видимости не было, но он мог располагаться и по другую сторону озера. Нужно спуститься к воде, а дальше двигаться вдоль берега. Ошибиться невозможно.

В просвет между ключьями тумана впереди показалась равнина. Белая и пушистая, будто дорожное ковровое покрытие. Озеро до сих пор подо льдом?.. Я усомнилась, но не слишком сильно. Если оно за зиму промерзло до дна, вполне может быть. И снег на льду лежит дольше, чем на земле. Подойти ближе, найти кромку...

Я шагнула и провалилась. По колено.

Не в воду.

Ногам стало мягко и тепло, и сначала эти тепло и мягкость усыпили страх. Недоуменно глянула вниз: а как же тогда снег?

Снег перекатывался мелкими волнами, как если б под белым покрытием шевелилось громадное животное. Вокруг ног, выше икр, не защищенных сапогами, пульсировало густое, желеобразное, живое. Попыталась выдернуть ногу; но опоры не было, я только погрузилась еще глубже. В полуметре слева вздулся, темнея, пузырь размером с футбольный мяч — и лопнул фонтаном красно-бурой студенистой массы; по снегу протянулась ко мне пятипалая клякса, похожая на щупальце. Я огляделась в панике: сквозь ошметья тумана было видно, как все вокруг бугрится, вспучивается, плюется бурой слизью, густой, тягучей, с запахом гнилого мяса...

Но самое жуткое было там, внутри. Шевелилось, ритмично сокращалось, втягивало. Уже до середины бедра.

Нахлынуло мутное, неуправляемое: рвануться, забиться всем телом, как муха в паутине, как олень в болоте... и тогда — все. Но если сдержаться, не двигаться, замереть, то произойдет то же самое, только медленнее, страшнее...

Прямо передо мной набух громадный пузырь — близко, практически вплотную! — и взорвался, забрызгав меня зловонной массой. Теплые брызги побежали, как живые, по одежде, в разных направлениях, будто норовя отыскать складку, отверстие, проникнуть ближе к голому телу. Я закричала тонко и пронзительно, задергалась, замахала руками, сбивая студенистые комочки, — и провалилась почти по пояс.

Вокруг растекалась грязно-бордовая лужа, словно рана с рваными краями, резко темнеющими на снегу, теплом и ворсистом на ощупь... никакой это, конечно, не снег.

Но я же шла по настоящему снегу! Я стояла на твердой поверхности. И сделала только шаг... один шаг...

Бурая рана брызгалась слизью, курилась запахом падали. Рискнуть. По-другому никак.

Я зажмурилась.

Крутанулась рывком мышц спины и пресса, ввинчиваясь еще глубже в живой студень, но все же развернувшись на сто восемьдесят градусов. И упала на грудь, расплываясь по липкой массе, запрокинув голову и выбросив руки далеко вперед...

Ледяное и твердое. Пальцы скользили, пропахивая борозды в земле, льду и снегу, пытаюсь найти опору, зацепиться, удержаться, — а теплая зловонная субстанция подкатывалась к лицу, за-

хлестывала подбородок, взбиралась по щекам ложноножками капель. Не стряхивать. Не совершать лишних движений. Размерно дышать невыносимой вонью. Закрепиться онемевшими пальцами за камень и медленно, очень медленно и экономно подтягиваться на руках.

Оно заволновалось. Судорожно запульсировало изнутри, пошло волнами, лопнуло еще несколько пузырей, захлестнуло спину. Изю всех сил я рванулась вперед и вверх, под отчаянную вспышку последней мысли: не соскользнут ли пальцы с опоры?!!

...Я сидела на холодной земле, согнув ноги в коленях, опустив голову на скрещенные руки с обломанными и содранными ногтями, а вокруг не было ничего. Ни тумана, ни корпуса, ни кустов, ни озера, ни запаха воды. В нескольких метрах впереди ровно белел снег, точь-в-точь как настоящий.

Надо идти.

Вдали между пегой землей и серым небом виднелся черный бобрик леса. Наверное, туда.

Куда-нибудь.

* * *

Идти до леса оказалось долго. Слишком долго, вразрез с моими представлениями о масштабах здешней территории. Безразмерный дикий пустырь тянулся и тянулся, залежи серого снега перемежались проплешинами земли, черной, рыже-глинистой или поросшей жухлой прошлогодней травой, — зачем шарашке столько бесхозной, бесполезной земли?

Всякий раз, когда приходилось ступать на снег, меня бросало в дрожь. Хотя, если разобраться, опасность могла скрываться и в земле, и в траве, и в глине. И в том, что за все время надо мной не пролетело ни единой птицы, тоже не было ничего хорошего.

Лес все-таки приближался. Уже было видно, что он не черный, а темно-зеленый, сосновый. Над молоденькими сосенками опушки возвышались корабельные стволы с тяжелыми кронами, похожими на грозовые тучи. Может быть, именно в этом лесу несколько дней назад мы с Димкой кормили белочку. И черт его знает, кто или что еще может обитать там, в лесу...

Но гораздо хуже, если это совсем другой лес.

Уже на опушке голая земля начала сдавать позиции снегу. А в лесу по-прежнему стояла зима, белая, нарядная, несмотря на то, что снег был обильно притрушен сухими сосновыми иглами. Я скользила по ним, шепотом заговаривая безумное предчувствие жути — и провалилась, и дико закричала...

Всего лишь в сугроб, проломив корку наста.

На мой крик отозвалась какая-то птица. Далеко.

После нескончаемого пустыря казалось, что идти через лес тоже придется не один час. И вдруг совсем скоро я вышла на тропу. Не на тропинку — на широкую, хорошо утоптанную тропу с длинными проталинами посередине, точно такую же, как та, что вела от рабочего корпуса к коттеджному поселку. Или на ту самую.

Если бы!..

Цепочку моих следов на снегу тропа пересекала наискось. Если развернуться под острым углом, наверняка выйдешь назад на тот непонятный пустырь... а что, если под ним как раз и расположен подземный корпус шарашки? Тогда все сходится. В обратную сторону — коттеджи, а чуть дальше озеро... Быстрее!

Пробежав по стволу сосны, на тропу выскочила белочка с зимним дымчатым хвостом. Сложила лапки, уставилась пытливыми бусинами. Меня передернуло.

...К коттеджам я вышла через четверть часа. Спокойные деревянные домики, аккуратные подтаявшие тропинки к каждому крыльцу — ничего не изменилось с тех пор, как мы с Димкой... Вон тот, если не ошибаюсь, наш. Может быть, зайти на несколько минут, умыться, обработать раны, снять заскорузлую одежду, провонявшую гнилью? Там, наверное, найдется, во что переодеться, в крайнем случае можно постучаться к хозяйственной соседке Марфе. А уже потом, приняв человеческий вид, — в рекреационный корпус, к Димке.

Все будет хорошо.

Уже на верхней ступеньке крыльца я заметила краем глаза что-то знакомое, уже виденное, дежа-вю. Обернулась. Человек в меховой шапке и коротком пальто сидел на скамейке у соседнего коттеджа, вытянув безразмерные ноги. И пока меня не видел.

— Александр Исаакович!

Вскочил, огляделся по сторонам. Я призывно махнула рукой с крыльца.

И в этот момент началось.

Передо мной распахнулась дверь. Резко, широко, как будто кто-то толкнул ее изнутри.

Крыльцо оглушительно заскрипело. Я обернулась: лестница поднималась, словно разводной мост, вставала дыбом, нацелившись на меня перевернутым зигзагом ступенек, похожих на ряд акульих зубов, с которых, как слюна, капал подтаявший снег. Верхняя площадка крыльца затряслась под ногами, я потеряла

равновесие — только не внутрь, не в черную пасть дверей! — откатилась вбок, поднырнула под дощатые перила и, зажмурившись, спрыгнула вниз.

Рыхлый снег внизу амортизировал падение, но щиколотку все равно прошило болью. Я вскочила и, припадая на левую ногу, побежала прочь от того, что притворялось коттеджем. На бегу вспомнила об увиденном с крыльца человеке на скамье. Наверняка мираж. Приманка.

— Алла!

Он несся ко мне со всех ног. Я попыталась прибавить скорость, но боль с каждым шагом становилась все острее, невыносимее. И вдруг прямо на пути выросла бревенчатая стена. Чего не могло быть, ведь коттеджи, они же стояли в ряд, а я...

— Алла!!!

Тяжелое дыхание за плечом. Оглянулась, мельком увидела совсем близко лицо Александра, а сразу же за ним — зубчатую челюсть вертикального крыльца.

— Давайте руку. Бежим!

Схватив мою руку выше запястья, он потянул меня вправо, вдоль преградившей дорогу стены, мимо хищно нависшей челюсти. Я едва успевала переставлять ноги, прочерчивая темные борозды в снегу, от боли перед глазами плыло и мерцало, и я уже не знала, действительно ли вижу, как еще один коттедж тяжело и лениво, но уверенно движется нам наперерез...

— Там, — выдохнула почти беззвучно, указывая свободной рукой.

Мой спутник притормозил, крутанулся на сто восемьдесят градусов, и рванул с места так, что я не успела среагировать, не удержалась на ногах, пропахала снег всем телом, повиснув на вытянутой руке. Александр остановился, поднял меня за плечи и встряхнул, резко, будто хотел выбить из моей одежды пыль:

— К лесу! Там они не смогут... Ну?!!

Я кивнула:

— Да.

Мы взялись за руки и побежали, лавируя между наступающими со всех сторон углами и стенами, вздыбленными лестницами и скамейками, распахнутыми оконными рамами, плюющимися битым стеклом, кренящимися карнизами, лопающимися трубами... Вспомнились вышитые подушки и кружевные покрывала в комнате Марфы, такие домашние, подобранные по-хозяйски и с любовью...

... — Алла! Что с вами? Вы меня слышите?!

Приоткрыла глаза. Увидела серое небо, по которому медленно кружились сосновые кроны. Это было красиво. Пока все не заслонило лицо, темное против света, с неразличимыми чертами.

— Алекс...

На этом его имя кончилось. Вполне достаточно для имени.

— Пожалуйста, постарайтесь встать, — сказал он. — Мы должны ее найти.

— Кого?

Я села, и его лицо обрело детали: темные глаза, брови домиком, тонкий нос, впалые щеки. Откуда он здесь взялся?

— Ольгу, — ответил он. И пояснил для непонятливых: — Мою жену.

* * *

— Тест, — повторила я, — тест.

Слово перекатывалось на языке, ничего не значащее, упругое, бесформенное. Тест, тест... тество.

— Как же вы тогда здесь оказались?

— Вошел с компьютера Андрона. По внутренней сети.

— Как это?

— Обыкновенно. Он часто выходит из кабинета, а на старика мне плевать, пусть стучит.

— Я не о том. Как чисто технически?

Смутно, словно что-то литературное или киношное, припомнились громадный широкоэкранный монитор, гипнотическая заставка, мышшь о пяти кнопках. Внешние эффекты. А на самом деле сюда можно было войти с любого компьютера, Андрона, например... вроде бы знакомое имя, кто он такой, этот Андрон?

— Гораздо проще, чем вам кажется. Но я вряд ли смогу адекватно объяснить, у меня другая специализация. Да и у вас тоже.

— Если оно так просто, почему же вы не попробовали раньше?

Мы шли через лес, без всяких троп, стараясь по как можно большему радиусу обогнуть коттеджный поселок. Я скользила по насту, подволакивая ногу, зернистая корка слегка подламывалась, но в целом выдерживала мою тяжесть. Алекс же проваливался на каждом шагу, выдергивая длинные журавлиные ноги из снежных ям с ломаными краями. Собственно, поэтому я и не опиралась больше на его локоть, как поначалу: передвигаться самой оказалось гораздо легче.

— Я вам уже говорил, — бросил он после паузы. — Дело не в этом. Дело в том, что у каждого есть свой потолок.

Что-то подобное он действительно говорил, я плохо помнила, но просить его повторить не было ни малейшего желания. Сосновые иглы скользили под ногами, сильнее даже, чем слежавшийся снег. Где-то вверху перестукивались дятлы. Компьютер? Тест?

Пикирующие птицы, студенистое чудовище, взбесившиеся коттеджи. Да уж.

— А если бы мы от них не убежали, — спросила я, — что тогда?

Пожал угловатыми плечами:

— Ничего. Непрохождение.

— То есть погибнуть по-настоящему здесь невозможно?

Ничего не сказал. Чуть больше ссутулился и ускорил шаги. Теперь я едва поспевала за ним: нога в подвернутой щиколотке болела вполне реально. На шее, плечах и затылке саднили раны от птичьих клювов, обоняние давно отключилось под натиском вони от заскорузлой одежды, а такие мелочи, как обломанные и прищемленные почерневшие ногти, уже получалось не принимать во внимание.

А вот мыслить виртуальными категориями — нет, не получалось.

Он запоздало ответил:

— Я не знаю.

— А куда мы идем, вы знаете?

Оглянулся, посмотрел мне в глаза:

— Лично я иду за вами.

Вот оно что! А мне казалось — наоборот. Притормозила и нервно захихикала. Алекс тоже остановился в двух шагах впереди и глядел вопросительно, серьезно.

— Зачем? — я все еще давилась смехом.

— Я уже говорил. Чтобы разыскать свою жену.

Его жена. Звучало опять-таки знакомо, кажется, у них там имела место какая-то мелодрама. А если даже ничего такого раньше и не было, то чего стоит само по себе: ради жены человек проникает в чужой виртуальный тест, где спасает от хищных коттеджей, что характерно, другую женщину...

И правда же, спасает. Больше было и некому.

— Вы первый человек, которого я здесь встретила, — сообщила я. — Почему вы думаете, что здесь должны быть еще какие-то люди?

— А почему вы так думаете?

— Я?

Осеклась. Я действительно думаю именно так... не думаю даже, а просто верю. Что здесь, в тщательно смоделированной

кем-то виртуальности, имеющей мало общего с реальной шарашкой — даже чисто топографически, не говоря уже о коттеджах, птицах или живом болоте под фальшивым снегом, — что где-то здесь ждет меня мой настоящий Димка. Мой сын, которого я могу найти, вывести отсюда, спасти. Но это же бессмыслица.

Тест на прохождение. Все, что со мной сейчас происходит, — продумано, запрограммировано в гипертекстовом многообразии вариантов. И все они, в сущности, сводятся к двум основным: пройду или не пройду. Ничего кроме. Нельзя переиграть шарашку, находясь в созданном ею же компьютерном мире. А Димки здесь нет. Программный слепок с него — может быть, но не Димка...

Остановилась. Прислонилась спиной к сосне и медленно, ощущая каждой клеточкой разлитую по телу боль и слабость, сползла вниз.

— Алла?!

Приоткрыла и подняла глаза. Неправдоподобно высоченная фигура... кажется, я уже видела когда-то этого человека в таком ракурсе. Не помню... неважно.

— Вставайте! Надо идти.

— Никуда не надо идти, — устало растолковала я. — Ну подумайте сами, откуда здесь возьмется ваша жена? В лучшем случае — виртуальная фальшивка. И то вряд ли, это же не ваш тест. Так какой смысл...

Алекс оперся на сосновый ствол — ладонями и лбом, нависнув надо мной аркой. Ничего, сейчас до него дойдет.

— У каждого есть потолок, — произнес в ...надцатый раз. — Жаль. Я думал, вы сильнее.

Пожала плечами.

— Я виноват, — глухо продолжал он. — Напомнил вам о тесте, и вы теперь не можете сконцентрироваться, мобилизовать все силы... а ведь у вас хорошо получалось. Я в свое время сломался гораздо раньше, на одном из первых же испытаний. А Оля, она ждала меня. На самом деле ждала, в реальности. Я знаю точно.

— Откуда?

— Та монография, вы читали... Оля написала ее уже здесь. И зашифровала в автореферате письмо ко мне.

Я громко хмыкнула.

— Не смейтесь! — взвился он обиженно, как ребенок. — Она великий ученый и потому могла себе позволить быть несерьезной. Например, подписывалась в первых буквах каждого абзаца

статьи... просто так. Знал только самый близкий круг... Вас не удивило, откуда мне известно, что это именно Олина работа, если мы не виделись столько лет?

Голос звучал раздраженно, знакомо. Алекс выпрямился, отпустил сосну и принялся ходить туда-сюда, взламывая снег. Что-то исходило от него — нервное, будоражащее. Я поднялась на ноги и спросила:

— И что она вам написала?

— Не скажу.

— Ваше дело.

Он стоял наизготовку, словно лыжник в ожидании стартового пистолета. Вот только команду к старту должна была дать я, и указать направление — тоже я, и... Никому я ничего не должна. Я никуда не собиралась идти. Зависну здесь. Хотя бы из любопытства: посмотреть, что будет. Каким именно образом шарашка меня подстегнет. Ожившие сосны с раскаленными шишками? Бешеные белки?..

— Вы все воспринимаете слишком буквально, Алла, — заговорил Алекс. — По-вашему, мы с вами сейчас персонажи тупой бродилки на компьютере. На самом деле тест на прохождение гораздо сложнее... микс виртуального и реального... я уже пробовал вам объяснить. Вы должны сделать все, на что способны, иначе будете жалеть всю жизнь. Не останавливайтесь ниже своего потолка.

— Я все понимаю, — конечно, я понимала далеко не все, но хотела сказать ему о другом. — Знаете, в чем ваша главная ошибка? Вы считаете, что шарашка способна на честную игру. Будто вам позволят соединиться с вашей женой по-настоящему, если... А я в это не верю. Ни секунды. Мы в их власти — независимо от того, в виртуале или в реальности. А значит, с нами не обязательно вести себя честно, — я заводилась все больше. — Шарашка с самого начала манипулирует мной через сына, больше им не на что меня взять!.. Так с чего это вдруг, если я сдам их долбаный тест, они остановятся?!!

— У вас есть выбор?

Я уже почти кричала, поэтому услышала его задним числом, отголоском негромкой фразы. Прикусила язык, глубоко вдохнула:

— Извините.

Он подошел ко мне, протянул руку. Я помотала головой.

Имела в виду, что идти с ним за руку, проваливаясь в снег на каждом шагу, не очень-то удобно, особенно с подвернутой щиколоткой. Но он, кажется, не понял, решил, будто я отказываюсь вообще. Выговорил:

— Я скажу вам, что зашифровала Ольга там, в автореферате. Одно слово. Это могла написать только она, шарашке уже не было смысла... Я скажу, и вы пойдете дальше.

Кивнула.

Проговорил совсем тихо:

— Трус.

* * *

Озеро стояло темно-сизое, с желтоватыми глинистыми берегами: снег местами еще лежал на траве, но нигде не подступал к самой воде. Белый корпус на том берегу был декоративен, словно киношная вилла миллионера. Но, отраженный в озере мелкими штрихами, он ничем не отличался от городской пятиэтажки.

— Там никого нет, — сказала я. — Вот увидите.

— Посмотрим, — отозвался Алекс.

К аккуратному корпусу со стороны леса не вела никакая дорога, не виднелось даже тропинки в непролазной грязи. Ничего похожего на прикрытие, под которым можно было бы подобраться к нему поближе, тоже не было. А в озере наверняка обитает какой-нибудь монстр. Или же грязь замешана на концентрированной кислоте. Или... что они еще могли придумать, креативные программисты шарашки?!

Хватит.

Я рванула с места так резко и стремительно, что Алекс замешкался, отстал. Желтая грязь килограммами липла к подошвам, каждый раз отпускала ногу с натужным чмоком, снижая скорость, — раздражала. Я торопилась, потому что мне надоело. Как можно скорее ворваться в эту белую виллу, перевернуть ее верх дном, вывернуть наизнанку и покончить разом со всем. С тестом на прохождение, со случайным спутником, сопящим за плечом, со всеми своими страхами и надеждами. Навсегда. Одним махом.

От крыльца к озеру спускалась белая дорожка, выложенная фигурной плиткой. Мои размашистые следы с кусками отвалившейся грязи определенно придали ей шарма. Сопение за спиной прекратилось и, оглянувшись, я увидела, как Алекс неловко пытается очистить свои ножищи о бордюру; обхохочешься. Но мне некогда.

К резной двустворчатой двери так и просился швейцар в мундире; я распахнула эту дверь ударом ноги, оставив на светлой резьбе отпечаток цвета приозерной глины. Щиколотка заболела с новой силой, но все равно приятно. Однако мне везет на не-

запертые двери: лимит на ключи и кодовые замки исчерпался, видимо, еще в первой комнате. А вот и план корпуса в полстены, и не схематично-топографический, а зрелищный и доступный, все раскрашено и подписано для удобства отдыхающих: вот вам стрелочка к бассейну, там сауна, этажом выше — бильярд. Только где они, сливки шарашки, предающиеся культурному отдыху?!

Послышались быстрые гулкие шаги, в спину ударило сбивчивое дыхание. Догнал.

— Здесь пусто, — громко сказала я, и голос звучно разнесся по вестибюлю. — Никого.

— Вы уверены?

— Можете проверить. Сауна, бар, фитобар — с чего начнете? Я же не знаю вкусов вашей жены. Димка, тот, конечно, торчал бы в бассейне, да кто ж его пустит. Детская у них аж на третьем этаже, высокогато, — я ступила на светлую дорожку поверх мраморной ступеньки; задрала голову. — Димка! Ди-и-имка-а-а-а!!!

Закричала скорее с вызовом, чем с отчаянием или надеждой.

Послушала отзвук собственного крика, замирающий где-то под высоким потолком. А затем — тишину. Секунду, две, десять... целую минуту тишины.

Сесть на ступеньку и заплакать. И чтобы кто-нибудь обнял за плечи. И резким движением сбросить с них чужие руки. И все.

Алекс по-прежнему стоял позади меня. Просто стоял, не пытаясь коснуться.

— Давайте все-таки поднимемся, — предложил он.

* * *

— Поздравляю, — сказала женщина.

Она оказалась гораздо красивее, чем я думала, чем представляла себе по формальной паспортной фотографии. Она была безупречно элегантна, истинная леди от шпильки до булавки. Прямая спина и гордая голова, причесанный волосок к волоску. Французский маникюр. Легкий дорогой запах.

А я топталась в дверях, оставляя грязные следы на ковровом покрытии, сама себе противная в провонявшей насквозь заскользящей одежде, со спутанными волосами и засохшей кровью на лице, не зная, куда деть руки с обломанными черными ногтями. Контраст не для слабонервных. Не для меня.

За моей спиной шумно задышал и завозился человек, выглядевший, кстати, немногим лучше. После длинной-преддлинной паузы выдохнул:

— Оля...

Женщина брезгливо сдвинула брови:

— Саша, сходи умойся.

Робкий утвердительный звук за спиной. Дверной скрип и шаги вниз по лестнице.

...А Женьку я сразу и не заметила. Только тогда, когда он тоже сказал:

— Поздравляю, Алла.

Не скажу, чтоб я была особо удивлена. Женька весьма органично здесь смотрелся: среди дорогих ковров и мебели с жемчужной обивкой, при даме в изящном деловом костюме под цвет его собственного элегантного пиджака. Как всегда, примерещилась тонкая оправа очков... смешно.

— С чем? — бросила я, усаживаясь на софу. Обивку, видимо, придется менять, и пусть.

Улыбнулся:

— С прохождением, конечно.

— С успешным прохождением, — уточнила женщина. Не без иронических ноток в голосе.

Она меня раздражала. Если б не она, я могла бы сейчас сказать Женьке: наконец-то я тебя нашла, мы все-таки не совсем чужие люди, я прошу тебя, в память нашей студенческой юности, твоего брейн-ринга... пожалуйста... И совсем тихо: где мой Димка?!

При ней — не могла. Вызывающе закинула ногу на ногу, пошевелила бескаблучной подошвой, сбрасывая на ковер подсохший кусок глины. В этих чертогах, наверное, убирают по четыре раза на дню. Кстати, судя по дизайну, никакая это не детская комната.

Они оба молчали. Смотрели вежливо и пусто.

— Приятно познакомиться, Ольга... м-м? — мой голос прозвучал ужасающе развязно; она не подсказала отчества, но я все равно продолжила в том же тоне: — Читала вашу монографию, любопытно, да, любопытно. Я не со всем согласна, мы могли бы подискутировать. В частности, Александр Исаакович вовсе не трус. Напрасно вы с ним так.

Леди усмехнулась кончиками неярко накрашенных губ:

— Саша всегда нравился женщинам.

Я хохотнула. Громко, фальшиво.

— Ну вы даете, — Женька вздохнул, — дамы.

Кажется, на языке у него крутилось другое, более популярное слово для обозначения женского пола. И в целом он был прав.

Вдруг он резко обернулся ко мне и бросил:

— Закрой глаза!

Я закрыла. Разумеется, только на полсекунды: затем сообразила, возмутилась, обернулась за пояснениями... Женька кивнул навстречу моему вопросительному взгляду. Как если бы я в точности исполнила его распоряжение и он остался доволен результатом.

Ольги рядом с ним не было.

Прежде чем поинтересоваться, куда она подевалась, я случайно опустила глаза к собственным ногам. Сапоги на шпильках. Совершенно сухие, давно не ступавшие по чему-либо грязнее паркета. Посмотрела на руки: ухоженные, с чистыми ногтями. Не болела щиколотка, не саднили затылок и шея. И что-то неуловимо изменилось вокруг... запах?.. звук?

— Теперь действительно все, — сказал Женька. — А ты боялась.

— Что — все? — спрашивая, я уже угадала ответ и прибавила поспешно: — Ничего я не боялась.

— Прошла же. И совсем неплохо прошла.

Он подошел к стильному серванту, распахнул дверцы бара. Обернулся:

— Чем отметим? Есть виски, коньяк... нет, коньяк так себе, а вина хорошие: шардоне, бордо восемьсот какого-то... Или тебе все-таки покрепче?

— Прекрати. Где мой сын?

— Детская этажом ниже. Не слышишь, что ли? Тут правда у многих дети... неужели я, когда был маленький, тоже так орал? Все в порядке с твоим Димкой. Вопрос в том, хочешь ли ты поговорить при нем или все-таки наедине.

— Нам есть о чем говорить?

Ответила машинально, словно отбила мяч. И в этот момент услышала: снизу действительно доносились детские голоса! Я метнулась к двери, распахнула створку, прислушиваясь отчаянно, будто радист терпящего бедствие корабля, отлавливающий в эфире ответный сигнал. Готова была броситься вниз, не считая ступенек, если бы...

— О шарашке.

Притормозила. Оглянулась через плечо:

— Зачем?

— Затем, что тебе здесь работать. И жить.

Ты так в этом уверен?! Сарказм повис на губах, судорожно дернув их уголки. Женька прав. О шарашке надо поговорить.

— Хорошо. Но сначала я должна его увидеть.

Кивнул:
— Легко.

Мы спустились по лестнице; мягкая дорожка глушила перестук каблучков. Свернули налево, чуть-чуть, всего на пару шагов. Веселый детский шум усилился. А ведь меньше получаса назад мы поднимались тут с Алекс... андром Исааковичем, и не было ни ребячьих голосов, ни смеха, ни громадного Микки-Мауса на двери...

— Не открывай, — негромко сказал Женька. — Так посмотри.

Я подошла вплотную. Микки-Маус оказался прозрачным, вероятно, в одну сторону, как пленка на стеклах автомобиля. Там, за дверью, в странном, приглушенно разноцветном пространстве, играли дети. Немного, человек шесть... или семь... комната, кажется, просматривалась отсюда не вся... Димка!!!

Он сидел на ковре, в четверть оборота: плечо, тонкая шейка из-под воротника, плавная линия щеки и нестриженные завитки надо лбом. Серьезный, сосредоточенный. Строил на полу какую-то грандиозную архитектурную конструкцию, она доходила ему уже до груди — сложная, многоступенчатая, кружевная. Чуть развернулся к противоположной стене; теперь я видела его спину, затылок, уши. У всех мальчишек одинаковые затылки. А если...

— Димка!.. — шепотом, почти без звука.

Вздрогнул, обернулся, задел локтем свое сооружение, и верхний ярус, покосившись, посыпался на ковер. Я успела разглядеть, как задрожали Димкины губы.

Снова отвернулся, принялся собирать, восстанавливать, строить дальше.

Женька тронул меня за локоть:

— Пошли.

Мимо Димкиной постройки пронеслись две девчонки со скалкой, хоть бы не зацепили, не сломали!.. и почему не видно воспитателя, должен же кто-то смотреть за детьми... Нет, я не верила. Очередная фальшивка. Более-менее удачно спрограммированная виртуальная реальность. В шарашке это умеют.

Тем более я должна как можно полнее и глубже разобраться в ней, в шарашке. Собрать всю информацию, какую только возможно. Пока эта возможность есть.

Димка. Распахнуть дверь, ворваться, обнять. Поверить.

Нет. Лучше не надо.

Обернулась к Женьке:

— Пошли.

— Садись. Ты так и не ответила, что тебе налить?

— Давай сначала ты мне ответишь. По порядку. Зачем все это было?

— Тест? Тебе же, кажется, объясняли. Чтобы определить твой по...

— Потолок, ага.

— Ну, это грубо. Я бы выразился — потенциал. Хотя по сути, пожалуй, верно. Согласись, принимая на работу сотрудника, мы имеем право знать...

Женькино «мы» прозвучало забавно. И давно он отождествляет себя с руководством шарашки? Много ли у него оснований для этого? Разлил по бокалам что-то золотистое, прищурившись, посмотрел на свет. Эстет, хозяин жизни. Я усмехнулась:

— И много вы обо мне узнали? Насколько здорово я умею бегать, отмыкать и вышибать двери, отбиваться от всякой гадости... Это имеет прямое отношение к научной работе?

— Имеет. Не стоит понимать буквально.

— То есть в ваших виртуальных фишках скрывается высший философский смысл? Птицы, тварь болотная, коттеджи... Знаки-символы, да? Кодировка?

— Примерно так.

— На досуге попробую расшифровать.

— Не знаю, что именно тебе запрограммировали, но поверь, так было нужно. Структуру теста разрабатывают лучшие специалисты по психоанализу. Индивидуально. Дотестовой подготовки тоже. И то, и другое всегда жестко, сама понимаешь, почему. Но теперь, после прохождения, ты можешь забыть, — он подошел ко мне, держа на ладони серебряный поднос с выпивкой. — Забудь, Алка.

— А если бы я не прошла?

Брать бокал у меня не было ни малейшего желания. Женька некоторое время подержал поднос на весу, нелепо, словно непожатую руку, затем поставил на журнальный столик.

— Да в принципе, тоже ничего страшного. Ну, меньше зарплата, ну, старый комп, кабинет черт-те где... да что я рассказываю, ты же проработала пару дней во втором секторе. Вместе с этим, как его, — махнул рукой в неопределенном направлении.

Я невольно повернула голову. Как будто и вправду рассчитывала кого-то там увидеть.

Выпрямилась. Ровно, с сарказмом:

— Без права выйти на кофе. И вообще выйти. И... — голос все-таки дрогнул. Димка.

— В рабочее время шастать на кофе везде моветон, — отозвался Женька. — А мальчишку в любом случае вернули бы, кому он нужен? Тебе просто помогли проявить себя по максимуму. И ты проявила. Ты молодец.

Я ему не верила. Но на данный момент не это было самым важным.

— Допустим. Так какие у вас на меня планы теперь?

— У нас? — он удивился; похоже, слияние с сильными мира сего было временной позой.

— У шарашки.

Женька улыбнулся. Уселся в кресло, закинул ногу на ногу, отпил, смакуя, длинный глоток, удовлетворенно причмокнул, кивнул на второй бокал, в который раз предлагая мне присоединиться. Я ждала. Протянув паузу до предела, он заговорил как ни в чем ни бывало:

— Шарашка... Перестань ее демонизировать. Просто крупное научно-исследовательское заведение широкого профиля, и ты только что доказала свое право заниматься здесь чем хочешь. Чем угодно, понимаешь, Алла? Планы — у тебя, а не на тебя. Шарашка же предоставляет тебе все возможности для их реализации. И полную свободу.

— Свободу?

— Да ладно тебе иронизировать. Когда ты можешь брать любую тему, разрабатывать ее так, как тебе хочется, когда к твоим услугам шикарнейшая база данных, библиотека, аппаратура, материальное обеспечение... По-твоему, это — не свобода?

— Любую из списка предложенных.

— Представь себе, нет! Вообще любую. Если ты думаешь, что шарашка использует наши мозги для достижения своих гнусных целей — абсолютное оружие, сверхобогащение, власть над миром... ты ведь себе насочиняла чего-то подобного, правда? — так это полная ерунда. Никакой военщины или коммерции от нас не требуют. Чистая наука, фундаментальные разработки. То, что в принципе не может принести быстрой отдачи, независимо от того, в чьих оно руках.

— Тогда зачем...

Перебил:

— Затем, что больше это никому не нужно! Затем, что наука вырождается, переходит в чисто прикладную плоскость, даже в развитых странах! А у нас... ты сама знаешь, что у нас. Интеллект как таковой, в чистом виде, перестает, уже перестал быть ценностью, авторитетом, даже личной гордостью. Еще два-три

поколения — и по-настоящему разумные люди, люди интеллекта исчезнут как биологический вид. Шарашка, если хочешь, — заповедник для таких людей. Для нас с тобой.

— Я спрашиваю, зачем это шарашке? Судя по всему, — широким жестом обвела вокруг, — организация не бедная. И не имея, как ты говоришь, отдачи...

— То есть, тебя интересует, откуда у них бабки, только и всего. А меня, представь себе, не очень. Запущен крупный, системный меценатский проект, по сравнению с которым все грантовые программы в поддержку науки — даже не капли, а так, мелкие брызги, пылинки. Лично мне все равно, на чьи деньги это делается и с какими мотивациями.

— И какими способами.

— Алла! Я же объяснил: это была дотестовая подготовка. Необходимая. Только в ультрастрессовом состоянии человек раскрывает все, на что способен.

— Мне говорили.

— Знаю. Ольгин муж. Кстати, вот: мужик откровенно не тянет, извлечь из него какую-либо пользу проблематично. Однако живет здесь на полном обеспечении, работает... ну, как бы. Потому что он все же один из нас, людей интеллекта. В шарашке находится место и для таких.

— В этом, как ты сказал... втором секторе?

— Разумеется, а как же иначе? Нельзя же давать собственные темы всем подряд. Ладно бы просто слабым ученым, а то ведь попадают совершенно колоритные персонажи из числа самородных гениев... Но если человек, пусть даже без оснований, делает ставку на разум — он уже наш. Мы не можем от него отказаться.

— И выпустить за ворота.

Женька встал, поставил на столик недопитый бокал. Задним числом я отметила: он опять говорит «мы». Человек, который совсем недавно пытался бежать из этого меценатского заповедника для интеллектуалов. Напомнить?

Заговорил:

— Да. В проекте такого масштаба нельзя превышать допустимый риск. Но подавляющее большинство сотрудников и не помышляют о том, чтобы покинуть шарашку. Ты еще не имела возможности убедиться, но здесь объективно гораздо лучше, чем... там.

— На свободе?

— Да брось ты. Какая там свобода...

Я тоже поднялась:

— Получается, вы с Колей тогда оказались в меньшинстве?

Он резко повернулся. Глаза в глаза:

— Я же тебя просил. Не надо. Это было мое личное дело.

Пожала плечами:

— Хорошо, не буду.

Женька снова взял со стола бокалы, теперь уже без подноса, шагнул ближе, почти вплотную, и протянул мне мой нетронутый прямо в руки, так что не взять не было никакой возможности. Улыбнулся дружески и чуть устало:

— Все в порядке, Алка. Я знал, что все будет в порядке. Ты еще не отошла от всего этого, тебе пока трудно... ничего, пройдет. Сейчас заберешь малого, вернетесь домой, отдохнешь. Ну, и начинай потихоньку думать над темой. Только не торопись, спешить тут некуда.

— А тебе не кажется, что все может быть наоборот?

Посмотрел недоуменно:

— Что?

— То, о чем ты рассказал. Суть шарашки. Все то же самое, только с обратным знаком, — я глотнула вина, не почувствовав вкуса, и заговорила все быстрее, горячее: — Да, здесь собирают разумных людей. Людей интеллекта, исчезающий вид. Собирают целенаправленно, отслеживают, заманивают самыми разными методами... не перебивай, я же тебя слушала... в резервацию. Здесь, на месте, тестируют, сортируют, подбирают индивидуально для каждого надежную привязь. Ну, и позволяют заниматься ерундой. Без малейшей, как ты сам сказал, отдачи! И все это делается ради того, чтобы там, на свободе — да!!! — этот вид действительно исчез. Полностью. А потом...

— Что потом?

Я вздохнула. Запал вдруг кончился, словно потух огонек на середине бикфордова шнура, не добравшись до взрыва. Допила до дна большими глотками, будто воду.

— Что потом, уже совершенно не важно.

— Ты несешь чепуху.

— Может быть.

Поставила бокал на поднос, подошла к двери, распахнула створки. Детский шум под лестницей поутих, но все-таки звучал еле слышным фоном, словно плеск моря в штиль. Только бы он оказался настоящим. Только бы...

Тогда решение придет само, и оно будет правильным.

А все правильное — выполнимо.

Димка держался крепко. Так, что онемели пальцы — на холоде, без перчаток.

Ни о чем не спрашивал. Молчал.

Но я отвечала. Быстрой, успокоительной (кажется) негромкой скороговоркой:

— Уже недолго. Заграждения с той стороны быть не должно, ну, может, какая-нибудь сетка... а скорее просто лес, и все. А за лесом — шоссе. Проголосуем, поймаем машину... Только не бойся. Ты же ничего не боишься, правда?

Помотал головой. Еще крепче стиснул руку.

На нашей стороне была внезапность. Стремительный старт, которого никто от нас не ожидает. Вместо долгих объятий и поцелуев, вместо бесконечных расспросов и рассказов, вместо расслабляющего чая на кухне, вместо естественного человеческого сна, вместо основательных размышлений о будущем. Даже вместо того, чтобы зайти в коттедж за вещами. Если б мы сделали хотя бы это, нам бы уже не дали уйти.

Но мы свернули с тропинки сразу, как только углубились в лес; Женька сослался на дела и не пошел провожать, не сознавая, какой дает нам шанс, — а может, и сознавая, не важно. Это озеро, оно располагалось на самом краю схемы... виртуальной, но вряд ли та шарашка по территории слишком отличалась от настоящей. Выбраться на шоссе. Раньше, чем нас успеют хватиться, раньше, чем обработают результаты моего теста на прохождение, раньше, чем обо мне в принципе вспомнят, раньше, раньше...

Димкины пальцы, сросшиеся с моими. Здесь, со мной. И это главное. Меня ничего тут не держит.

Возможно, если б я сделала паузу, взяла тайм-аут, дала слабину — они нашли бы, чем и как привязать меня к шарашке. Возможно, через день, два, неделю, месяц я уже чувствовала бы себя удачливой и счастливой, как все они, мои потенциальные коллеги, «люди интеллекта», с которыми и вправду было здорово петь Киплинга под гитару и говорить на одном языке. Никого из них я больше никогда не увижу, а жаль. Даже несостоявшейся дискуссии с элегантной стервой Ольгой — все-таки она зацепила меня некоторыми моментами своей монографии...

Интересно, как поступит Алекс... Александр Исаакович теперь, когда они встретились — в виртуальном пространстве, да, но ведь он именно того и добивался изо всех сил, преодолевая собственный потолок. Что-то же он должен был вынести из этой встречи, понять, переосмыслить, переставить акценты, избавиться от

ложной привязи, на которой его держали шесть лет! Может быть, он когда-нибудь тоже... хотя это его личное дело. Как и Женьки с Колей, ценных и полноправных сотрудников шарашки — все-таки совершивших пускай неудачную, но попытку бегства.

— Мам, ты слышала? Вроде бы машина.

Остановилась, прислушалась. Тишина — и вдруг отдаленный гул, нарастающий и тут же слабеющий вновь. Потом еще... Я никак не могла определить, откуда идет звук, Димка сориентировался раньше и точнее, указал направление. Чуть правее, чем куда мы шли до сих пор. Но, кажется, довольно близко. Близко!..

«Не проецируй на себя», — посоветовал мне когда-то Женька, говоря об их с Николаем побеге. Не буду. В отличие от них, у меня все получится. Теперь-то я знаю точно. Не суть важно, какую информацию рассчитывали добыть психоаналитики шарашки из символов и кодов моего теста — я кое-что узнала о себе сама. Да, если придется, я упаду лицом в живую зловонную грязь, но не дам себя засосать. Я среагирую молниеносно на все что угодно, пусть даже домашний очаг вдруг обернется чудовищем. Я своими руками сверну шею любому, кто попробует меня заклевать. И я больше никогда, ни при каких условиях не выпущу Димкиных пальцев. Я не отдам его никому, и шарашке — в первую очередь.

Мы уедем подальше и начнем новую жизнь. С большим и светлым местом под солнцем для нас двоих. Мой сын никогда не будет неудачником, способным только жаловаться на неправильное устройство жизни, от которой лучше всего спрятаться — хоть в заповедник, хоть в резервацию, хоть к черту в зубы. Никогда.

— Мам, вон там, видишь?

Тень пронесшегося мимо низкого силуэта за сосновыми стволами. Уже отчетливый шум мотора и визг колес — притормаживают на скользкой дороге. И опять затихло: все же тут не самый оживленный участок шоссе. Быстрее! Остановить кого-нибудь, нет разницы, в каком направлении, и денег у меня тоже нет, ни копейки, но признаться в этом можно будет позже, потом, далеко...

И уже там, все равно где, придумать, что делать дальше. Вряд ли это будет намного сложнее, чем найти выход из запертой комнаты с тринадцатью спрятанными предметами и зашифрованным кодом замка. В конце концов, если б я, «человек интеллекта», ничего не стоила там, то есть уже здесь — на свободе! — то не представляла бы интереса и для шарашки.

Выбраться из сугроба на укатанный снег шоссе, скользкий с краю, коричневый и подтаявший ближе к середине. Помочь вы-

лезти Димке, а параллельно, не теряя времени, свободной рукой проголосовать приближающейся машине...

— Мама!!!

Длинный дорогой автомобиль с затемненными стеклами и залепленными снегом номерами. Визг тормозов. Нет. Так не бывает. Не может быть никогда.

Шагнуть вперед, бесстрастно волоча за собой заходящегося в истерике Димку. Обернуться, резко прикрикнуть через плечо: молчи. Нагнуться к медленно, очень медленно опускающемуся стеклу...

— Подбросьте до города.

Сказочник

Сказка

Жил-был на свете один человек. Он жил, как живет-ся. Не хуже и не лучше, чем миллионы подобных ему молодых людей. Учился, работал, ходил в кино. И даже едва не женился. Но — не сложилось.

А еще он постоянно врал. Врал по мелочи, просто так, из спортивного интереса. Врал по-крупному — тоже из интереса, но никогда — ради личной выгоды... Врал вдохновенно и очень-очень правдоподобно. И даже сам порой верил в то, что говорил, настолько, что потом трудно было самому разобраться, что же он придумал, а что было на самом деле.

Постепенно в компании друзей забылось его настоящее имя, и все стали называть его неизвестно кем и когда придуманной кличкой: «Врайтер».

А однажды ему позвонила на мобильник ужасно расстроенная женщина. И звонила-то она вовсе не ему, а просто номером ошиблась, как это часто бывает, однако же сразу, как только он принял вызов, начала сбивчивый рассказ о своих бедах. Совсем другому человеку, лучшей ее подруге предназначался этот надрывный монолог. Вот только было ей все равно в тот момент, кому излить свое горе. Она говорила долго. О том, как плохо складывается ее семейная жизнь, о том, как трудно ей ладить с подростками уже детьми, о том, что вечно не хватает денег, а с работы ее скоро уволят... Да мало ли что еще может на одном дыхании сказать в трубку

доведенный до отчаяния частыми беспощадно-сильными ударами судьбы человек.

Но даже самому длинному рассказу рано или поздно приходит конец, и она замолчала. В трубке слышны были только редкие всхлипы.

А он не сбросил звонок, как вначале собирался, а тоже начал говорить.

И, к собственному удивлению, сочинил для своей случайной собеседницы сказку. И были в этой сказке такие добрые, такие светлые и такие близкие уму и сердцу женщины слова, что проблемы, одолевавшие ее, на время отступили. А потом и совсем исчезли...

Она была первой.

Никому она не смогла впоследствии рассказать, что именно говорил ей голос из телефона. Потому что не помнила этого. И не смогла вспомнить, как ни старалась. Она запомнила только одно — после этого звонка все наладилось. Вернулся в семью ушедший было к своей секретарше муж, исправился несносный характер детей, и с работы ее не выгнали. Даже прибавили зарплату.

И когда через пару недель ей позвонила лучшая подруга и принялась привычно жаловаться на судьбу, женщина, порывшись в памяти мобильного, дала подруге тот самый номер, разговор с обладателем которого так повлиял на ее жизнь...

Подруга стала второй.

Через две недели ему позвонили снова. И снова произошло необъяснимое. Вместо того чтобы прервать поток слов, льющийся на него из трубки, он выслушал все до конца и снова, как и в первый раз, рассказал собеседнице сказку... Совсем иную, чем та, что была рассказана две недели назад. Но не менее интересную и, как потом выяснилось, действенную.

Он удивлялся себе. Никогда в жизни не было у него способностей к сочинительству, и уж тем более не умел он никогда говорить так красиво и гладко, как делал это сейчас... Врать — да. Это он мог делать безо всяких ограничений, но сказки?

А что делать: позвонили — рассказал... Не мог он бросить трубку. Не позволяло ему сделать это что-то внутри. Когда собеседница, удовлетворенная услышанным, отключилась, он подумал, что все это просто совпадение. Ошибался. Через неделю ему позвонили опять. Мужчина на этот раз. И снова — исповедь. И снова — сказка...

Его номер быстро разошелся среди жителей Города. Не проходило и дня, чтобы ему не позвонил кто-то и не попросил о по-

мощи. И он никому не мог отказать. Вот просто не мог — и все. Силился сказать, что «помощь — не по его части», но — не получалось...

Для каждого он сочинял сказку. Особенную, предназначенную для единственного в мире человека — того, кто был на связи в данный момент. И собеседник мог быть уверен, что услышав свою сказку, сможет обрести то, чего так недоставало, либо избавиться от того, что так хотелось, но не получалось забыть... И что все у него наладится в ближайшее время.

А потом звонить стали чаще.

Вскоре ему звонили по несколько раз в день, и оказалось, что он уже только и делает, что отвечает на телефонные звонки. И без конца рассказывает сказки... Длинные и короткие, страшные и не очень. Волшебные и не совсем.

Никто не решался поговорить с ним вживую. Только телефон. И только мобильный...

Он пробовал менять номера. На пару дней это помогало, но потом люди каким-то чудом снова находили его. И все начиналось сначала. Тридцатый, тридцать первый, тридцать вторая... Он всегда знал, какой по счету страдающий ждет от него помощи... И тайне очень ждал тысяча первого звонка... Надеялся, что все кончится вместе с тысяча первой сказкой. Но вот прошло полтора месяца, позвонил тысяча первый... А за ним, через двадцать минут — тысяча второй. Вернее, тысяча вторая...

Его уволили с работы... Всем, и начальству, и коллегам смертельно надоело его обыкновение часами говорить по телефону. Он не стал ничего объяснять, и увольнение воспринял спокойно, хотя знал точно, что половина его коллег, да и сам начальник от дела успели услышать от него свою сказку.

В тот день он впервые выкинул мобильник. Просто так, проходя по мосту, с размаху зашвырнул в реку ставший уже ненавистным аппарат. А на другой стороне моста его догнал какой-то мужчина и протянул свой заливающийся полифонической трелью мобильник со словами: «Кажется, это вас...».

И все сначала. Девушка на связи. Девушке пятнадцать. У девушки — проблема. Куда же без проблем в таком возрасте. Как, впрочем, и в любом другом. А ей говорили, что вот именно по этому номеру можно найти Сказочника...

Сказочник. Девушка была первой из «клиентов», кто назвал его так. Только теперь это была не кличка уже, а профессия, что ли. Помнится, счет «клиентам» тогда пошел на сотни. А она была триста двадцать восьмой по счету...

Закончив с ее сказкой, он обернулся, чтобы отдать телефон хозяину (трубка была модная и очень дорогая), но того уже не было рядом. Тогда он просто положил телефон на каменный парапет. Подумал еще, что кому-то сегодня повезет.

И пошел дальше.

А через четверть часа его снова окликнули. На этот раз из припаркованной у обочины машины. Из приоткрытого окна ему протянули телефон. И он снова взял его и поднес к уху, четко зная, что ничего изменить уже нельзя и что это его судьба — отвечать на звонки. И рассказывать сказки. Всю оставшуюся жизнь. Ему стало грустно.

Закончив сказку, он выкинул телефон. Зачем хранить трубку, если в случае необходимости всегда найдется новая. В конце концов, не ему же нужны эти бесконечные и утомительные телефонные разговоры.

Подумал, что хорошо было бы уехать куда-нибудь далеко. Туда, где еще не протянули свои невидимые щупальца башни компаний-операторов. Но он знал, что никуда уехать не сможет, а если и получится, то только туда, где его найдут в любую минуту, чтобы привычно протянуть мобильный телефон...

Он пробовал запереться в квартире, выбросив предварительно мобильник и отключив на всякий случай городской телефон. Но в положенный срок — минут через двадцать — служба спасения взломала металлическую дверь и один из спасателей молча протянул Сказочнику очередную трубку.

Тогда он смирился. Во избежание повторных инцидентов с дверью держал в доме дежурный аппарат.

Он не стал искать новую работу. Понимал, что даже если и найдет ее, долго продержаться на ней не сможет. Средства к существованию получал, сдавая презентуемые ему на улице мобильные телефоны в ломбард. Все равно забирать у него мобильник после очередной сказки никому не приходило в голову, ну не коллекционировать же их. Трубки были разные, зачастую очень и очень дорогие. Сначала он тяготился таким своим положением, а потом привык. Стал рассматривать это, как своеобразную плату за услуги. Услуги Сказочника...

Работал он по двенадцать часов в сутки. Всю неделю, кроме среды. В среду никто не звонил ему. Первый раз он даже подумал, что все закончилось, и очень огорчился, когда на следующий день, в четверг, услышал звонок и привычную уже просьбу...

Время шло. Он рассказал уже более полутора тысяч сказок, а люди все звонили и звонили ему. Звонили утром. Звонили днем.

Вечером тоже звонили. Он начал уставать. С нетерпением ждал семи часов, когда, наконец, прекращались звонки и наступала в его квартире и душе долгожданная тишина. Ждал среды — знал, что в этот день его никто не побеспокоит.

В среду он звонил сам. Уже давно, где-то после пятисотой сказки, он решил, что нужно найти своего Сказочника. Он ничего не знал наверняка. Просто предположил, что если его сказки помогают людям жить, должен же найтись кто-то, чья сказка поможет жить ему... Очень хотелось найти того, кто сможет рассказать ему сказку. Единственную и неповторимую историю, после которой он, Сказочник, перестанет быть Сказочником.

Он садился в кресло и набирал номер наугад. И задавал в трубку один-единственный вопрос: «Вы не хотели бы стать Сказочником?». И каждый раз, получая разной степени удивленности и дальности «посыла» отрицательный ответ, думал, а что бы стал делать, если бы собеседник согласился...

Со временем желание избавиться от «сказочной повинности» стало его навязчивой идеей. Днем он отвечал на звонки, снова и снова слушал рассказы о проблемах, в общем-то, совершенно чужих ему людей, а ночью, лежа в постели, ломал голову над тем, что же ему нужно сделать, чтобы избавиться от неизвестно кем навязанной роли...

Горожане начали узнавать его в лицо. Мобильный телефон — еще и маленький фотоаппарат, так что фото Сказочника разошлось по десяткам тысяч телефонов едва ли не быстрее, чем номер его первой симкарты.

Но подходить к нему народ почему-то опасался. То ли поразала людей сама его способность, то ли побаивались, что рассказанная вживую сказка не даст нужного эффекта... Да и сам Сказочник был рад тому, что ему не приходится видеть своих «подопечных».

И вот однажды на улице к нему подошла девочка.

Девочке было на вид лет десять, и у нее было очень серьезное лицо. И неизменно-печальные, недетские какие-то, глаза.

Сказочник сидел на одной из скамеек, в изобилии расставленных вдоль набережной.

Наслаждался тишиной, покоем и летним солнышком. До очередного звонка оставалось еще минут пять или семь. Он успел полюбить это время передышки и научился использовать его по полной программе, чтобы расслабиться перед очередным разговором.

— Вы Сказочник, правда? — спросила девочка. И, наклонив голову, критически оглядела его с ног до головы. Оглядела так

пристально, что он даже смутился немного. И машинально начал поправлять прическу. Потом опомнился, тряхнул головой и тоже оглядел девочку.

— Нет, — хмыкнул он, — я просто тут отдыхаю.

В разговор вступать не хотелось. Совсем. Хотелось провести оставшиеся до следующего звонка минуты с максимальной пользой. Расслабиться, успокоиться. Девочка начала его раздражать уже одним своим присутствием.

— А вот и врете! Я видела, как какой-то дядя вам телефон принес, а потом быстренько испарился! Скажете — нет?

И улыбнулась. Лукаво так. По-доброму. Как улыбаются только влюбленные и дети. Первые потому, что их, в силу влюбленного состояния, вдруг начал радовать окружающий мир, а вторые — потому что мир еще не успел их серьезно огорчить. В силу малости возраста.

Вот только глаза на улыбающемся лице по-прежнему оставались серьезными.

— Ну хорошо. Ты меня поймала. Я — Сказочник! — сказал он.

Отдохнуть не удастся, это понятно. Что же ей все-таки от него нужно?

— Хорошо, — удовлетворенно кивнула девочка. И присела рядом.

— Ничего хорошего, — протянул он, — поверь мне на слово. Абсолютно ничего.

Сказочник откинулся на спинку скамейки, вытянул вверх руки и потянулся.

Как же он от всего этого устал... Как же хочется нормальной среднестатистической жизни, банального семейного счастья. Созрел-таки. С удовольствием поменял бы свою «сказочную» профессию на простые радости семейной жизни...

И главное, чтобы никогда никому ничего не нужно было рассказывать...

Интересно, сколько он так протянет? Ведь не может же не сказаться на психике эта его вынужденная роль «всеобщей жилетки»... Два варианта: либо желтый дом в скором времени, либо, что вероятнее, прыжок с крыши вниз. Очень уже хочется...

— Расскажи мне что-нибудь, Сказочник, — подала голос девочка. — Пожалуйста!

Все время, пока он размышлял о своей не сложившейся судьбе, девочка сидела на скамейке в двух шагах от него и сосредоточенно разглядывала ее край с вырезанной ножиком фразой: «Здесь был Вася». Слово «здесь» начиналось почему-то с букв

«с». Сказочник нашел это забавным, а в иной ситуации и сам бы с удовольствием посвятил некоторое время исследованию скамейки, которая несла на себе множество следов ножа и других режущих предметов. Не отличались надписи ни особой грамотностью, ни разнообразием. А вот имена попадались очень даже экзотические... Интересно, а как ее зовут?

— Что тебе рассказать?

— Сказку!

— Что, девочка, и у тебя проблемы?

— Нет...

— Тогда зачем тебе моя сказка? Ведь если я расскажу ее тебе, она может не принести пользы...

Девочка обиженно поджала губы.

— Ну и что? Я ведь не затем тебя прошу, что мне плохо... Просто твои сказки очень красивые. Я хочу услышать одну. И запомнить. Ведь никто не помнит, что ты им рассказываешь... Я спрашивала. Говорят — сказки... А какие — никто не знает.

— Не смогу я тебе ничего рассказать. Времени у меня нет. И желания.

— Тогда я тебя спрошу, можно?

Он усмехнулся.

— А если я скажу, что нельзя, ты не будешь спрашивать?

Девочка задумалась.

— Буду!

Сказочник улыбнулся. И ведь возразить нечего на такую наглость.

— Спрашивай...

— Почему ты рассказываешь сказки?

Пришел его черед задуматься. И правда — почему? Хороший, черт возьми, вопрос! Почему он рассказывает сказки? Потому что не может их не рассказывать. А почему не может? Все. Логика отказывает. Не знает он, почему. Рассказывает, и все. И ведь несчетное число раз пытался соврать собеседнику, мол, не туда попали, Сказочника ищите по другому номеру. Да, в последнее время ему все труднее становится врать... Ему, неспроста носящему характерную кличку Врайтер! Хотя, это как посмотреть еще: «Сказка — ложь...»

Подумалось, что так мало в его жизни осталось простых радостей. Он перестал смотреть на ночное небо, что часто делал раньше, стихи писать перестал, хотя раньше писалось, да и посвятить их было кому. А потом как-то все усложнилось. Сам виноват — заврался. А она не простила ему вранья...

Ему разонравились ежедневные прогулки по городу. Он не мог сходить ни в кино, ни в театр, ни на балет, вообще никуда, где собиралось большое количество народа, ведь там он всем начинал мешать своими телефонными переговорами. Да и сложно было бы сосредоточиться на спектакле или фильме, рассказывая очередную сказку очередному жаждущему утешения человеку. По той же причине не посещал он и ночные клубы...

Все, что он мог себе позволить, — почитать в перерывах между звонками книгу или газету... Он все время был один...

И так почему-то захотелось ему вынуть из кармана перочинный ножик и вырезать что-то свое на этой выдавшей виды скамейке. Но вместо этого пришлось извлечь из кармана противно заголосивший мобильник.

Сказочнику все труднее было нажать на мобильнике нужную кнопку. Нет, у него не отнимались руки, и с подвижностью суставов все было в порядке. Дело было в каком-то внутреннем шестом, седьмом, ну, или каком-то там еще чувстве. Он пытался не нажимать кнопку, чтобы избежать разговора, перед очередным ответом на вызов выдерживал все большую паузу. Пауза доходила до пяти минут, однако потом воля слабела, и Сказочник нажимал-таки на кнопку. Прислонялся к ближайшей стене, столбу, дереву, слушая очередного «клиента».

Слушал он впол-уха. В долгую бытность свою сказочником наслушался всякого и в самом невообразимом количестве.

Вот и сейчас он наперед знал, что скажет ему мужчина на другом конце линии, знал даже лучше, чем сам собеседник. Знал, как знает опытный игрок в бильярд, как и куда покатятся шары после удара. Ведь по большей части проблемы у людей, звонивших Сказочнику, были одинаковы. Всем, ну абсолютно всем, даже семейным людям, которые, по их словам, были счастливы, не хватало общения, теплоты и самое главное — понимания. Все «клиенты» Сказочника были одинокие, просто до ужаса одинокие люди. Сказочник давно понял, что степень одиночества не измеряется количеством живых родственников. Можно быть очень одиноким, даже будучи окруженным самыми нежно-заботливыми и любящими людьми. А можно — безмерно, безгранично счастливым, если рядом находится всего один человек. Да и не обязательно рядом. Просто нужно знать, что где-то на свете есть тот, кто понимает тебя так, как ты сам себя не понимаешь. Человек, которому ты сможешь простить даже то, чего никогда не простишь себе. Потому что знаешь — он на непростительное просто не способен.

Именно к этой проблеме — поиска понимания и умиротворения — сводились все просьбы и жалобы людей, звонивших ему на мобильный. И не было еще случая, чтобы услышав свою сказку человек оставался в том же безысходном состоянии, в котором пребывал до звонка.

Вот только одна беда — Сказочник был самым одиноким из всех одиноких людей, искавших решения проблем в его сказках.

Именно сейчас, рассказывая Бог знает какую по счету историю, Сказочник понял, понял очень ясно и отчетливо, что как только он перестанет быть один и найдет свою половинку, тут же распрощается со своим даром-проклятием. Просто потому, что перестанет понимать одиноких людей. Он перестанет быть сказочником. Ему станет не до сказок. И тогда в Городе обязательно появится новый Сказочник — самый одинокий из всех оставшихся пока одинокими жителей Города. И он тоже будет сказочником до тех пор, пока не поймет, что человеку противопоказано существовать в одиночку. И этого прозревшего Сказочника сменит новый, из оставшихся... И так — без конца, пока не пройдет каждый одиночка через «пытку сказками». Так будет до тех пор, пока не переведутся в Городе одинокие люди.

Правда в том, что каждый из нас, в большей или меньшей мере, — Сказочник. Просто одним дано рассказывать сказки, а другим — просто врать.

— А что было дальше, папа? — спросила дочка. — Что сделал Сказочник?

Папа вздохнул. Посмотрел на дочку и сказал:

— Он, не глядя, набрал номер на своем мобильном телефоне. Он почти уже не помнил эти одиннадцать цифр, но пальцы помнили их, номер набрался безошибочно. Ведь раньше он набирал его так часто...

— А чей это был номер?

Он улыбнулся.

— Это был номер твоей мамы...

Дочка замерла и, посмотрев на него удивленными глазами, спросила:

— Так это ты был Сказочником?!

Девочка была поражена. Она всего-то попросила папу рассказать что-нибудь интересное, а тут — такое!

Он кивнул.

— Ух ты! — поразились она. — И с тех пор он... ты не рассказывал никому сказок? Никому-никому?

Мысль о том, что папа и есть Сказочник, о котором она столько слышала, плохо укладывалась в ее маленькой головке.

Зато, как и у каждого ребенка в ее возрасте, возникало множество вопросов.

— Никому, кроме тебя, — сказал папа. — С того самого дня, как я позвонил твоей будущей маме, меня никто не просил рассказать сказку. А все те, что слышала ты, придуманы мной именно тогда.

Дочка смотрела на него снизу вверх. Глаза ее светились удивлением. Ей хотелось так много спросить у папы. Спросить, кто была та девочка на скамейке, которая задавала ему вопросы, хотела узнать, что такое «ломбард», «симкарта», и сколько же всего сказок он успел рассказать, и какие из них она успела уже услышать. Но ничего не спросила.

В каждом человеке живет мудрец, и пик его мудрости приходится именно на пятилетний возраст. Девочка поняла, что не стоит спрашивать ничего сейчас. Поняла, что сама знает ответы на многие из своих еще не заданных вопросов... А про то, чего не знает, — успеет еще спросить. Она просто взяла папу за руку, и они двинулись вдоль набережной.

Они возвращались домой с прогулки. Медленно шли мимо расставленных вдоль ограждения скамеек. Он вспомнил, что на одной из них проглядывает сквозь несколько слоев краски вырезанная перочинным ножиком фраза: «Здесь был Врайтер». И что этой надписи сегодня исполнилось ровно шесть лет...

Летний вечер медленно опускался на город. Легкий ветерок шевелил кроны деревьев. Городской шум растворялся в шорохе листвы, и казалось, что на набережной стоит тишина. Они ускорили шаг. Нужно было успеть домой к ужину, пока мама не начала волноваться. Мама могла бы позвонить, чтобы узнать, где они, если бы у папы был мобильный. Но у папы его не было, и теперь дочка точно знала, почему.

А еще она знала, что у папы никогда не закончится запас сказок. Потому что он — Сказочник, и ему ничего не стоит придумать новую, самую интересную и волшебную сказку.

Она знала, что все будет хорошо.

Фимка

Рассказ

Дом был старый, такие, Алексей точно знал, строили в конце девятнадцатого века переселенные из западных губерний мужики. Крепкий, невысокий сруб, с навесным крыльцом и подклетью. Маленькие окна, чтобы зимой меньше тепла уходило, небольшой палисад перед домом и мощный забор из лиственных досок. Алексей с облегчением вздохнул — в доме явно кто-то был, ветер прижимал к крыше струйку дыма, вьющуюся из трубы. Обидно было бы прошагать почти двадцать километров от станции и уткнуться в заброшенный дом. В местном отделе милиции, куда обратился Алексей, сразу после приезда в Партизанск, дежурный лишь пожал плечами. Был такой участковый — Захар Романов, да сто лет назад уволился по инвалидности, живет где-то отшельником, за Партизанском, может и умер давно, кто его знает. И если бы не старушки, бойко торговавшие кедровым орехом на станции, он не смог бы вообще найти сегодня этот дом. Калитка открылась без натуги и скрипа. Алексей постоял, дожидаясь, когда выскочит собака, знал, что в этих местах без здорового кобеля, а то и двух, ни один частный двор не обходится. Однако, вопреки его ожиданиям, собака так и не появилась. Удивленно хмыкнув, Алексей зашел в ограду. Обычный двор, чисто выметенная земля, под навесом у небольшого сарайчика поленница березовых дров. Под тентом автомобиль — судя по всему, какой-то древний «газик».

Ничего необычного, кроме разве натянутой над всем двором старой, местами рваной, рыбачьей сети. С таким Алексей уже встречался. Один из знакомых уфологов в его родном Томске увлекался разведением перепелок и также натягивал сети по всей ограде, чтобы не дай бог, какая-нибудь из драгоценных птиц не улётела. Невольно оглядывая ограду в поисках птичника, Алексей вдруг заметил странный силуэт на стене сарая. Постоянно общаясь с контактерами, он насмотрелся всяких чудачков, большинство из которых были либо просто сумасшедшими, либо чрезвычайно впечатлительными людьми, любой предмет в небе принимавшими за летающую тарелку. Видел он и множество рисунков этих оригиналов. Диски в небе, инопланетные чудовища, зеленые человечки, визитеры и контактеры, абстрактные фигуры и апокалиптические картины будущего. Но то, что было нарисовано на стене сарая здесь, в этой глуши, Алексей увидеть никак не ожидал. Схема ребристого крыла Леонардо да Винчи — нарисованное с удивительной точностью, крыло один в один походило на оригинал, хранившийся в библиотеке Института Франции в Париже. Несколько странный рисунок для дедули-контактера. Может, письмо в редакцию было чьей-то глупой шуткой, а дед просто оригинал, каких по необъятной России великое множество. Ладно, разберемся. Алексей обернулся к крыльцу и обмер. Прямо перед ним стоял мальчишка. Как он смог подойти? Никаких шагов, стука открывающейся двери, даже шороха не было слышно.

— Привет, — Алексей улыбнулся, — дед дома?

Мальчишка ничего не ответил, лишь пожал плечами. «Немой, что ли, — Алексей чертыхнулся про себя, — не хватало еще на пальцах объяснять мальчишке, чего ему требуется». Паренек был явно болен. Худоба, граничащая с дистрофией, резко бросалась в глаза. Тонкие руки с длинными пальцами, неестественная бледность кожи, бесформенный балахон из мешковины — видимо, игравший роль пижамы, — не скрывал тщедушное тельце.

— Дед где? — стараясь по сильнее открывать рот, по слогам проговорил Алексей.

Мальчик вновь ничего не ответил, лишь отступил на шаг, как бы приглашая Алексея пройти в дом.

В том, что Алексей нашел того, кого искал, не оставалось сомнений. Дед сидел у стола и мял в чугунной ступке, судя по треску, сухую траву. К культе правой руки был привязан деревянный пест, которым он ловко орудовал в чугунной ступе. Сидевшая рядом старушка перебирала высушенные ягоды.

— Ну, здорово, — глухим голосом произнес старик, — долго шел до меня, знаю. У поворота от Малиновки не туда свернул и потерял два часа.

Алексей удивленно взглянул на старика. Обезображенное лицо, криво сросшиеся лиловые шрамы на лице. Единственный глаз озорно погладывал на него. «Может, и действительно контактер, — сумасшедшая мысль пронеслась в голове, — ведь никто не видел, как я не туда свернул и почти час прошагал в Малиновку и еще час обратно к развилке, ни одного человека по дороге не встретил».

— Меня зовут Алексей Пригожин, я корреспондент журнала «Мир непознанного», — Алексей почувствовал себя совсем уютно, — к нам в редакцию письмо пришло из вашего городка. Автор, имя его называть не буду, написал, что вы, как бы это попроще сказать... — Алексей слегка замялся, чувствуя себя совершенно глупо.

— С инопланетянами встречался, что ли, — хмыкнул дед, — ну так это я и без тебя знаю. А то, что Васька Сидоркин письмо в журнал ваш написал, так этот юродивый и в ООН, и президенту постоянно пишет.

Алексей судорожно сглотнул образовавшийся в горле комок. Дед-то и вправду не так прост. Про Ивана Сидоркина-то он откуда мог знать? Если только сам Сидоркин не сказал о письме.

— Ты бы, Алексей Пригожин, — старик убрал ступку в сторону, — сел за стол, чаю попьем. Егоровна, а ну-ка сооруди-ка нам чего по-быстрому. Гость-то издалека ехал, устал. А ты, Фимка, сбегай во времянку, там на печке наливка стоит.

Старушка достала из шкафа посуду и стала расставлять ее на столе. Мальчишка исчез за дверью. Изначально ожидая от хозяйки в лучшем случае от ворот поворот, Алексей невольно растерялся от такого приема

— Мальчик, наверное, немой? — спросил он у старика.

— Фимка? — Старик смахнул со стола остатки перетертой в пыль травы. — Внучок-то немой, понимает все, шкодник, а вот говорить не может. Сирота, живет со мной, в город-то ему никак нельзя. Затюкают его там, а здесь он как у Христа за пазухой.

Через полчаса, разомлевший от обильного угощения и наливки, Алексей наконец-то решился спросить:

— Сидоркин написал, что лет тридцать назад вы ловили преступников в тайге, и там вас похитили инопланетяне. С тех пор у вас и способности необычные появились.

— Болтун твой Сидоркин, — старик ухмыльнулся, — видел я кое-чего, а способности эти на лице у меня, вернее, на том, что от него осталось. Есть желание — слушай, только разговор наш долгий будет.

Я в то время участковым служил. Дело в конце мая было, только-только теплая погода установилась. Тогда на окраине леса, у Большой Салбы, что верстах в пятидесяти отсюда в тайге, нашли трех человек. Обыкновенные шабашники, без роду без племени, подрядились настил на местном коровнике крыть. Как обычно бывает: неделю работали, другую пили. Видимо, когда возвращались на станцию, в лесу, на краю тайги их и настигли. Я долго понять не мог, что с ними произошло. Двоих нашли сразу. Лиц не узнать, ни глаз, ни рта, ни носа — одна кровавая мешанина. Я на фронте всякого насмотрелся, и то меня воротить стало. По следам крови на траве, по обломанным веткам кустов видно было, что бежали, не разбирая дороги, то ли ослепшими уже, то ли от ужаса помешались, а может, от того и другого сразу. Затылки у обоих были пробиты, будто кто-то хорошо приложился чем-то тяжелым, потому и смерть наступила быстро. Третьего нашли только к исходу дня. Сам умер, сидел под сосной, в версте от двух других. Как прятался в корнях, так и умер. Лицо перекошенное, будто лешего перед смертью увидел.

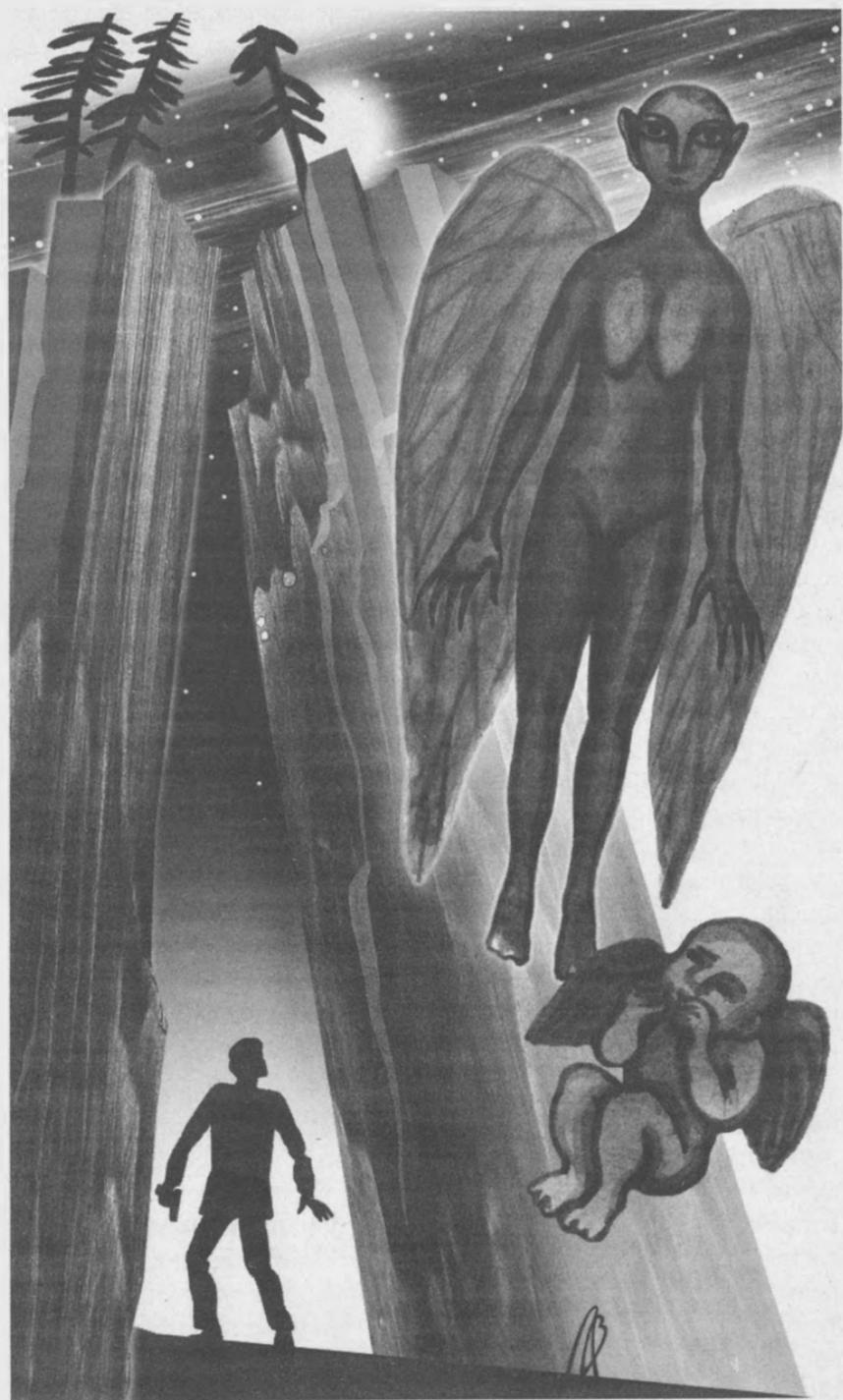
Приехало тогда из города множество начальников. И прокурорские, и сыскари городские. Походили, посмотрели, почесали затылки, да и порешили, что медведь из лесу вышел, а мужики ненароком на него напоролись. Один, видимо, убежать смог, да с перепою долгого сердечко не выдержало, от страху да от бега непомерного помер. Следов медвежьих и шерсти много было, денег у мужиков никто не взял, карманы полны новехоньких червонцев, что председатель за коровник дал. Время такое было, что показатели никто портить не хотел. Мужики чужие, плакать по ним некому, вот и списали все на медведя. Благо, что потом, уже недели через две, местные охотники шатуна завалили.

Только вот карябалась у меня в голове мысль одна, не давала покоя. Уж больно точнехонько медведь по затылку бил. Не бывает такого. Сыскари городские — они, конечно, парни тертые, не нам чета, да вот медведя только в зоопарке видели. А я местный, уж чего-чего, а этого добра насмотрелся. Медведь, он ведь, если мять начнет, то ребра сломает, спину погнет, а если кровь человеческая его задурманит, то на куски тело растерзает. А тут... будто человек постарлся. А что денег не взял, так, может, и мотив другой был:

ревность или месть какая. Третьего дня, похоронив мужиков, завел я свой старый газик и поехал в Большую Салбу. А места те странные, народ у нас не из пугливых и то старается салбинские места стороной обходить. Там при Берии лагеря стояли, кое-где развалины барачных до сих пор видны. Искали там в свое время то ли уран, то ли воду тяжелую. Кругом вся земля шурфами изрыта. На вид они страшные, почти все водой залиты, а вода эта черная.

Перво-наперво я тщательно осмотрел место, где нашли двух мужиков, и окончательно убедился, что медведь ни при чем. Был он тут, к мужикам подходил, да только мертвые они уже были, потому как следов потаска не было. Если б живых бил, то хоть маленько, но протащил бы, а так обнюхал их, убедился, что мертвечина, и ушел. Убийцей был человек. Только вот загвоздочка одна. Следов, кроме как самих мужиков и медведя, не было. Вообще никаких. Я вокруг на брюхе все проползал, досконально весь путь мужиков по этому участку прочитал по следам, но ничего не нашел. Понял только, что убегали они от кого-то, кто не оставляет следы или так искусно передвигается по земле, что я не мог их найти. Оставив решение этой задачи на будущее, пошел к месту, где обнаружили третье тело. Рассудив, что мужик перед смертью увидел что-то или кого-то страшного, я стал внимательно изучать все мельчайшие следы вокруг дерева. Старая сосна стояла над берегом небольшой речушки. Со стороны двухметрового обрыва свисали корни дерева. Между ними в образовавшейся в песке естественной нише и прятался шабашник, пытаясь от кого-то укрыться. Меня мучила одна мысль. Если с двумя другими мужиками убийца расправился совершенно изуверски, то почему не тронул последнего. Тот умер сам, на нем не было ни единой царапины. Вывод напрашивался один. У мужика было что-то, и он то ли отдал это убийце, либо убийца сам забрал уже у мертвого шабашника это что-то и, не имея больше смысла так жестоко расправляться с ним, ушел. Только вот как ушел?

Первый след я обнаружил возле сосны. Он был едва различим, и я, когда, наконец, понял, что передо мной, остолбенел. На песке был след голый ступни человека, примерно сорокового размера. Точно сказать было нельзя, след был слишком размытым. Второй след, вернее цепочку следов, я обнаружил метрах в ста от сосны, на песчаном берегу речки. На оставшейся после разлива реки мягкой и влажной почве четко были видны следы человека, те же самые, что и у сосны. Первое, что мне пришло в голову, — след оставила женщина или подросток, так как отпечаток был очень узким. Но каким образом в лесу могла оказаться женщина,

да еще босиком? Этот вопрос поставил меня в тупик, но еще большее удивление вызвал резкий обрыв следов. Они кончились так же резко, как и начались. Просто тянулись среди влажного песка и... оборвались. Единственным объяснением мог стать прыжок человека в речку, с целью сбить след. До реки было около полутора метров. Прыгнуть с места в реку, да еще без разбега — конечно, при желании возможно, да уж больно мудро, почему бы не зайти просто в реку. Столкнулся я с той же проблемой, что и возле места гибели двух других шабашников, что-то было не совсем чисто со следами убийцы.

Я хоть и милиционер, но за прогрессом следил, выписывал «Науку и жизнь». Напрашивающуюся версию о снежном человеке сразу отбросил. Оставалась еще одна. Кто-то из сбежавших зеков, среди которых, возможно, есть женщина или подросток, осели в старых лагерях. Опять же — почему не взяли деньги? Вопросов слишком много, а ответов нет. Выхода у меня не было, и я, бросив свой газик, пешком пошел к лагерям. То, что один был, не слишком тяготило. Во-первых, войну прошел и всякой швали не боялся в принципе, а во-вторых, помимо табельного «макарова», прихватил старый «ГТ», которому доверял больше. Пока шел, странность одну отметил. Тишина стояла непривычная. Нет, ветер, как всегда, в верхушках пел, сосновый треск раздавался, только вот птиц не видно и не слышно было. Как будто вымерли все. Время уже клонилось к вечеру, и нужно было найти место для ночлега. Обычно я с удовольствием ночую в тайге. Раньше, еще до войны, с отцом ходили охотиться на глухарей, всегда ночевали в лесу, чтобы с утра настрелять побольше птицы. Все премудрости ночевки в лесу освоил еще в детстве, поэтому за себя не боялся. Только вот к вечеру появилось у меня знобящее чувство, что кто-то за мной наблюдает. Чувство это опасное. Я еще на фронте такое испытал, когда на передовой немецкий снайпер появился. Вроде и нет ничего, а чувствуешь, там он, смотрит за тобой. Вот и здесь, нутром ощущаю, что кто-то наблюдает. Несколько раз останавливался, осматривался, но ничего подозрительного не увидел. Уже подходя к заброшенному лагерю, решил к баракам не соваться. Сумерки не самое лучшее время для задержания. Да и в шурфы в темноте попасть тоже дело не из приятных. Лагерь я обошел с западной стороны, поближе к скалам. Там же отыскал место для ночлега. Небольшая узкая щель в скале, на мое удивление, метра через два в глубину начала расширяться. Смуцал несколько неприятный запах, но пережить его можно было. Фонарик я включать не стал, боялся, что можно увидеть свет со стороны барakov.

Наскоро ощупав руками стены, понял, что особой сырости здесь нет и переночевать, хоть и без особого комфорта, можно. Сходя к ближайшим соснам, нарезал ветвей для подстилки и лег недалеко от выхода, чтобы в случае чего открыть огонь на поражение, если кто появится в проеме.

Началось все часа в два ночи. Весенняя прохлада заснуть не давала, поэтому странный звук я услышал почти сразу. Череда негромких хлопков около входа в мою небольшую пещерку заставила вскочить на ноги. Я буквально нутром ощущал, что кто-то стоит перед щелью в скале. Было такое чувство, что этот кто-то раздумывает, заходить ли в пещеру. Я аккуратно, как можно тише поставил пистолеты на боевой взвод и стал ждать. Минуты три — полное отсутствие каких бы то ни было звуков. В абсолютной темноте казалось, что тишина струится сквозь меня, и в это время я услышал совсем тихий щелчок. Кто-то, приближаясь ко мне, наступил на сухую веточку. В панике я присел и лихорадочно стал искать фонарик. Благо положил его рядом с собой. Резко выпрямившись, нажал на кнопку. Метрах в двух от меня стоял человек. Вернее, что-то похожее на человека. У существа было человеческое тело, женская грудь, абсолютно лысая голова и огромные, острые на кончиках уши. А главное, у существа были крылья. Длинные, свисающие почти до земли кожистые отростки. Очевидно, испугавшись яркой вспышки, существо взмахнуло руками, и я, прежде чем нажал на курок, успел рассмотреть, что кожа покрывала все пространство между раскинутыми руками и туловищем. В следующий миг раздался жуткий вопль. Пули, выпущенные из пистолета, попали в цель. Закладывающее уши верещание и неимоверная боль в теле — последнее, что запомнилось мне. Очнулся я утром. Очевидно, находясь в умопомрачении от увиденного и боли, одним лишь усилием воли я пытался выбраться из своего убежища. Когда окончательно пришел в себя, то увидел, что у меня раздроблена правая рука, кость полностью перебита. Лицо разрывала жуткая боль. Недалеко от меня, на камнях лежало еще шевелящееся существо. Крылья трепетали, хотя тело уже было бездыханным. Превозмогая боль, мне удалось рассмотреть его. Ростом существо было чуть ниже обычного человека, около 150 сантиметров. Крылья с прожилками вен чем-то напоминали крылья летучей мыши. На лице и на голове был легкий пух, который издавна почти не был виден, поэтому сначала мне и показалось, что голова существа лишена растительности. Существо было женщиной. В руке она сжимала обработанный камень. На кра-

ях крыльев у нее были татуировки, целые композиции. Какие-то круги, лабиринты и цветы, похожие на женьшень. Я в сорок пятом, в Манчжурии, во время боев с Квантунской армией, уже видел такие татуировки у одного китайца. Дождавшись, пока она умрет окончательно, я левой рукой, которая хоть немного шевелилась, закидал тело камнями и пошел в сторону Большой Салбы. Видимо, от большой потери крови недалеко от деревни потерял сознание. Нашла меня Егоровна. Привела мужиков, и уже потом меня откачали в поселковой больнице. Руку и глаз я, правда, потерял.

В больнице я сказал, что на меня напал медведь. Уже потом, в палате, сопоставив все факты, я пришел к выводу, что шабашников убило это существо. Эта женщина с крыльями. Очевидно, они наткнулись на нее совершенно случайно. Двоим она проломила головы камнем. А третий умер просто от страха, что совсем не мудро.

Через два месяца меня списали вчистую. А всю правду только Егоровна и знает. Так что, Алексей Пригожин, не было никаких инопланетян. Я потом долго еще о летающих людях пытался узнать, да вот только информации-то никакой. Однажды у Арсеньева — это тот, который про Дерсу Узала написал, — что-то подобное прочитал, да и то только намеками. Думаю, где-то в Приморье нечто летающее водится, а вот как оно к нам в Сибирь попало, не знаю. Да и мало ли тайга тайн хранит. А теперь давай спать.

Утром следующего дня, уже в дороге, возвращаясь в Партизанск вместе с Егоровной, Алексей вдруг с опустошающей ясностью понял, что вся его затея с командировкой — полная ерунда. Не к тому человеку он приехал и не туда. Захар Романов всю эту историю просто придумал. В свое время он, может, и на самом деле жертвой медведя стал. А уже потом обросло все это легендой, кто-то инопланетян присочинил, а сам он, чтобы дураком не выглядеть, историю про летающих людей придумал.

— А что Егоровна, транспорт тут вообще не ходит, — решил Алексей разговорить идущую рядом старушку.

— Отчего же, ходит. Академики к Захару постоянно ездят.

— Так уж и академики, — усмехнулся Алексей наивности Егоровны.

— А то. Да, дай Бог памяти, вспомню название института. Авиационный называется.

— Какой, какой, ты ничего не путаешь?

— А что путать-то, так и называется авиационной, там самолеты делают.

Алексей от неожиданности остановился и тут же чуть не упал от резкого толчка в спину. Обернувшись, он увидел Фимку, который протягивал ему сумку.

— Вот, елки-палки, я со своей рассеянностью голову где-нибудь забуду, — Алексей со злости хлопнул себя руками по бокам. — Все свои бумаги оставил. Спасибо тебе, Фимка!

— А что Захаровы дети, — через минуту, распрощавшись с Фимкой, Алексей от нечего делать, вновь стал допытываться у Егоровны, — совсем Фимку не хотят воспитывать?

— Какие дети. У Захара их никогда и не было.

— А откуда Фимка, он же внук его, — искренне удивился Алексей.

— Кто, Серафим, что ли? Да какой же он ему внук, — бабка рассмеялась. — Так ты что, сынок, так ничего и не понял? Фимку-то он при той летающей бабе и нашел. Она ж тех шабашников за то и убила, что они ребенка ее сперли и на станцию несли. Ему уж тридцать лет, просто маленький такой, а как же иначе летать ему, легкий должен быть, так академики сказали.

Алексей остановился как вкопанный. Резко обернулся. Над дорогой, в сторону Захарова дома, летел Фимка. Это был странный, подпрыгивающий и бесшумный полет. Стояла звенящая тишина. Не слышно было даже птиц.

Перед взрывом

Повесть

Тучи летели на меня быстро, низко и страшно, как в кино. Май — вообще холодный и мокрый месяц в наших местах. Слава Богу, хоть дождя не было, просто тучи. И, как в кино про гражданскую войну полуторавековой давности, по перрону сновали люди со зловещим выражением лиц. Были здесь даже комиссары, правда, смысл этого слова сильно изменился за сто пятьдесят лет. Эвакуация — вот еще одно неприятное слово! Просто ненавижу его!

Подошел дядя Витя с пачкой каких-то бумажек и сказал:
— Вот. Все, все, собирайтесь, лайнер уже подходит.

Выражение лица у него было остервенелым, мама испуганно на него смотрела — все наши компенсации были положены на его банковский счет, и ей было очень страшно, что он возьмет и бросит нас без рубля. К тому же он явно приложился «к бокальчику» в местном ресторане «Лечебный», пока ждал оформления документов — глаза блуждали.

— Мы готовы, — сказала мама.

А я почему-то взорвался — тучи, что ли, подействовали? Я сжал кулаки и сказал дяде Вите, тоже придав лицу злобное выражение:

— Вот только попробуй нас бросить, ты даже не представляешь, что будет!

(Честно говоря, я и сам не очень-то представлял.)

— Уйми своего щенка, — сказал дядя Витя. — И давайте пойдём.

Мама погрозила мне пальцем, нажала кнопку на тележке-носильнице, и мы пошли.

На самом деле я тут же пожалел о своих словах. К дяде Вите я относился очень неоднозначно. Терпеть его не мог, смерти ему желал, но одновременно и уважал, признавал за ним нехотя некоторые достоинства. Я, например, не боялся, что он нас бросит, я даже хотел этого, но знал, что такого в случившейся ситуации он никогда себе не позволит. Признавал за ним ум редкостный, правда, какой-то чересчур ядовитый, любовь к чтению книг, мало кто сейчас этим увлекается, а напрасно. Насчет чувства юмора я не знаю, как к этому относиться, — у дяди Вити было очень своеобразное чувство юмора, и за это я его не любил тоже. Но вот злобность его, нахрапистость, совершенно несъедобный характер, да и то, что он маму под себя подмял, как игрушку какую, — вот за это я его ненавидел. И еще эти волосики рыженькие из носа!

Подъехал лайнер. Это было не то, что я часто видел в компьютере. Лайнер был, что да, то да, голубого цвета, но очень уж грязно-голубого, не мыли его давно. Бустер явно скоростной, мощный, обтекаемых форм, хотя при таком составе они ему были вроде и ни к чему. Вагоны совсем не такие, чтоб на каждого человека по штуке или хотя бы по апартаменту, то, к чему я привык, сидя в своей деревне и поглощая виртуальный мир, будто это такие семечки. Нет, это были устрашающие двухэтажные уродины с отвратительными окошками и единственной дверью. Вагоны общего пользования, слышал о них и никогда о них не мечтал.

Народ стал метаться туда-сюда в поисках своих вагонов, кричали, где-то вдруг стрельба началась, а кого-то прямо перед нами ограбили — дядька с окровавленной мордой сидел на перроне без пальто и тяжело дышал, вытаращив глаза. Наш носильщик оставался перед каждой преградой и вежливо бибикал, чтоб пропустили. Дядя Витя (наверное, он очень хорошо приложился «к бокальчику») с каждой минутой все синел и синел от злости.

Наконец, нашли свой вагон, встали в очередь, очередь вызывала ужас, но все молчали. А тут дядя Витя заговорил.

— Идиоты выбирают идиотов, себе подстать, — громко начал он своим самым скандальным тоном, — а те начинают выделять всякие идиотства, но уже не только над идиотами, а и над всеми остальными, кто хоть чего-то стоит, например, такими, как я. А?

Он агрессивно оглянулся, с жадностью ожидая возражений, но все, конечно, молчали. На фоне всеобщих перронных криков. Началось то, что мама почему-то называла кухонными энциклопедиями, ей нравилось слово «энциклопедия». Мы с мамой испуган-

но переглянулись, раньше дядя Витя позволял себе энциклопедии только на кухне, получилось, что сорвался спяну наш дядя Витя. Кто-то от греха подальше сразу же ушел из очереди, решил переждать в сторонке, контролер напрягся и стал еще медленней проверять документы на проезд.

— Все молчат! — злобно щерясь, накручивал себя дядя Витя. — Все так и надо! Всем дали по копейке и отправили черт те куда из родных мест, от родных могил, а они стоят и молчат. А почему? Вот вы скажите мне, почему? А?! Так ясно же, у нас же с вами глобальное потепление! Вот, смотрите, какой у нас с вами май жаркий вышел, шапку не снимешь! Мы, дескать, чем-то поступиться должны ради этого ихнего глобального потепления, нам мир спасти надо!

Ярым глазом он оглядел мертво молчащую очередь. Мама смотрела умоляюще и качала головой, почти плакала — боже, боже. Подступить к нему в таком его состоянии было нельзя. А он продолжал:

— А вот нет никакого глобального потепления, я лично его не вижу! Есть глобальное охренение, и его я на собственной шкуре чувствую да-воль-на-та-ки отчетливо. Вы что, не понимаете, что происходит? Они всех эвакуируют, а тундру нашу забросают атомными бомбами, чтоб на шарике наступила маленькая ядерная зима, и тогда, мол, глобальное потепление кончится. Есть оно, это потепление, или нет, им до этого никакого дела, у них свои, па-лли-ти-чские соображения. Они его вместо внешнего врага выставили, чтоб всех идиотов сплотить, на какую-нибудь цель направить... Они...

Тут дядя Витя осекся.

Толстый дядька с окладистой бородой и встревоженными глазами вел к нам двоих — по коричневым кожаным шляпам было видно, что комиссары. Те стремительно к дяде Вите. Грозно так ему:

— Господин, на секундочку отойдете!

Мама закрыла рот руками, глаза — крути. Дядя Витя тоже перепугался.

— Шт... Шт... А в чем дело?

— Отойдите на секундочку, поговорить надо.

И повели его под руки за вокзал. Мама сказала очереди: «Мы тут стояли!», — и побежала за ними. Я тоже. Носильщик покати следом, вежливо обтекая встречных. Мама что-то умоляюще говорила комиссарам, они не слушали.

Завели за угол, там моментально опустело.

Тот комиссар, что постарше, с лицом, как у волка, развернул дядю Витю к себе лицом.

— Документы, пожалуйста.

Дядя Витя, бледный и трезвый, отдал ему с перепугу все бумажки, какие у него были. Он все пытался что-то объяснить, но голос не слушался.

Комиссар поглядел на них, сунул себе в карман и сказал:

— Короче, так, Виктор Никитович. Вы нарушили пункт пятый Чрезвычайного уложения. Сами понимаете, какие времена, человечество спасать надо, не что-нибудь. А вы тут клевету разводите, панику. Отвечать надо.

— Я... — сказал дядя Витя и беспомощно посмотрел на маму.

Комиссар кивнул второму, тот со спины обхватил дядю Витю левой рукой, а правой полез в карман.

— Но послушайте, погодите, я все объясню!

— Короче, так. Именем спасения человечества, — скучно сказал комиссар, глядя вбок.

Без всякого выражения дядя Витя почему-то бросил взгляд на меня, не на маму.

Второй достал какую-то черную штуку наподобие телефона и радостно провел ею по дядивитиной шее. Голова отвалилась. Она стукнулась об асфальт и покатилась во вчерашнюю лужу. Ребята говорили, но я не верил, а тут убедился — действительно, крови совсем не было. Мама страшно крикнула, дядя Витя упал.

Молодой сказал:

— Действительно, так короче.

Комиссар постарше, с лицом волка, обернулся к нам с мамой.

— Вам что?

Мама мотала головой, плакала, но она была сильная женщина, поэтому сказала ему:

— Там у него на счету... наши компенсации положены были. Как бы их...

— Теперь они конфискуются как деньги родственников врага человечества, — сказал комиссар.

— Но мы не родственники. Мы не женаты!

— Еще хуже тогда. Тогда вы проходите как пособники. Проездные документы, кстати, мы тоже изымаем. И личные вещи также.

— Но... да что вы! Так нельзя. На что же мы будем жить? Здесь же нельзя оставаться! Здесь же... скоро...

— Вас отвезут на другом лайнере. Не таком комфортабельном, как этот, зато бесплатно. Посидите в зале ожидания, за вами придут.

— Ох, — сказала мама и с ненавистью посмотрела на дядю Витю. Я тоже посмотрел — с жалостью. И чувством неизгладимой вины, ведь я ему смерти желал когда-то.

Ни я, ни мама на голову не смотрели.

Носильщик скрипнул, развернулся и без всякой команды быстро покати́л в сторону багажного отделения.

Мы долго сидели в зале ожидания, но за нами так никто и не пришел. Я все рвался посмотреть на дядю Витю, мама не пускала и говорила сидеть спокойно. Она все время плакала, а я помнил ненависть в ее глазах, она не должна была смотреть такими глазами на дядю Витю. Только это была моя мама.

Мы всё сидели и сидели там, где нам было велено, — на мягком, узком диванчике темно-зеленого цвета, в самом углу зала. Вот интересно, никто нас не сторожил, никто даже не следил издали, а мы все равно сидели смирно на том диванчике, сидели и всё.

Подальше от нас, у окна, что на перрон, тоже на диванчиках, чего-то ждали такие же, как мы, люди, несколько человек. Не знаю, почему они там сидели. Может, тоже кому-нибудь из их родственников оторвали голову, может, просто ограбили, а, может, еще что, но они, так же, как и мы, ждали и тоже не убегали.

То, что они ждут того же, чего и мы, было ясно по их лицам. Мне показалось, что они очень напряженно и внимательно смотрят себе внутрь, иногда с тревогой быстро оглядываются, а потом снова начинают смотреть внутрь, я не знаю, как объяснить.

Еще два лайнера прошло. На нас стали поглядывать. Мне очень хотелось пить. Я, наконец, не выдержал, вскочил с диванчика и сказал маме.

— Я сейчас.

— Только недалеко, — попросила мама. — А то...

Она все время плакала, очень тихо и покорно. А я не плакал, ни даже одной слезинки. И не потому, что я мужчина и теперь главный в доме, которого у нас уже не было, а просто так — не хотелось.

Я выбежал на перрон, повернул за угол, туда, где дядю Витю казнили, но его там уже не было, ни тела, ни головы в луже. Лужа-то осталась, а вот головы не было. Убрали куда-то.

Я стоял и смотрел на лужу, когда раздалось мелодичное треньканье и лайнер — уже третий после того, на котором должны были ехать мы, — тронулся к югу. Изю всех окон смотрели люди. Их лица были как нарисованные. Я помахал им рукой, никто не помахал мне в ответ.

Народу на перроне поубавилось, но все-таки оставалось еще прилично. Одни смотрели вокруг с испугом, другие озабоченно разглядывали свои бумаги, третьи просто куда-то мчались, расталкивая — все суетились.

Я вернулся к нашему диванчику и сказал маме, что дяди Вити за углом нет — ни тела, ни головы. Мама, кажется, не услышала, она все плакала в сторону от меня.

Наверное, час прошел или два, еще один лайнер к югу отправился, и вокзал почти опустел. Наконец к нам подошли двое в кожаных шляпах и спросили, что мы тут делаем. Я, как увидел их, испугался прямо до судорог.

Мама к тому времени плакать уже перестала, просто злобно думала что-то, как и раньше, в сторону от меня. Она не сразу поняла, что это к нам обращаются, а когда поняла, то сказала с облегчением:

— Ну, наконец-то!

Она, наверное, подумала, что это те, что дяде Вите голову отрезали, а теперь за нами пришли.

Один из комиссаров, старик лет сорока с ярко-рыжими волосами, спросил:

— Не понял, что «наконец-то»?

Мама сначала заговорила что-то такое вроде «ну, как же, ведь вы же!», но потом быстро поняла, что это не те комиссары и что про нас они ничего не знают, и тогда она стала в подробностях объяснять им про дядю Витю, и рыжий комиссар заохал, сочувственно зацокал языком, вот, мол, беда-то, а второй, толстенький и суровый, с бровями, сказал:

— Опять Мишняки орудуют, их почерк. Прямо у нас под носом.

Рыжий тогда достал аппаратик, похожий на телефон, и я рванул прочь, ой, ребята, я рванул так, что меня самая быстрая ракета догнать бы не смогла, только меня и видели.

А куда я рвану? Побегал-побегал по перрону и назад вернулся, потому что некуда мне было бежать.

Мама сидела и говорила с тем рыжим дядькой в кожаной шляпе. Тот как взялся с самого начала охать и цокать, так и не перестал. И маму еще упрекал:

— Ну, как вы могли такое про нас подумать?! Чтобы мы, государевы люди, вот просто так, без приговора, за каким-то грязным углом, да еще так бесчеловечно, прилюдно! Это, госпожа, конечно, были бандиты, банда тут орудует, мы давно за ними гоняемся. А вы взяли и бандитам поверили. Да разве мы на такое способны?

Мы-то с мамой знали, что они и не на такое способны.

Мама тогда говорит:

— А как же наши вещи? А деньги? Я имею в виду, с компенсациями нашими как же? Витя же их в свой банк положил, на свой счет. Вот как тут?

Я чуть не стошнил. Но все-таки это моя мама. Тут уж извиняйте — не извиняйте, но это моя мама, и, кроме нее, у меня никого нет. Но все-таки я чуть не стошнил.

— Насчет вещей, конечно, не обещаю, — сказал рыжий, — а вот счет банковский мы сейчас заблокируем, и если Мишняки еще не успели туда наведаться, то и ваши компенсации, и вашего сожителя, и вообще все, что у него на счету, все это вам, конечно, достанется. В общем, все наладится, вы, пожалуйста, не тревожьтесь. Как вы говорите, сожителя вашего звали?

Мама сказала. И номер счета тоже сказала, на память помнила.

Рыжий достал свой телефон, и я снова со страху чуть было не убежал. Но не убежал, а даже набрался храбрости и сказал толстенькому, пока рыжий банковский счет по телефону блокировал:

— Тут еще такие, как мы, сидят.

Рыжему-то я все равно не очень-то доверял, не люблю рыжих, у нас соседский Тимурка такой был, жуть пройда. А толстенький ничего показался, вроде серьезный.

— Где? — спрашивает.

— А вон, видите?

— Видим, — ответили комиссары. — Вы тут посидите, а мы скоро.

Они уже отвернулись и вроде как собрались уходить, когда мама вдруг забеспокоилась.

— Постойте, — говорит, — а как же мы теперь отсюда уедем? Ведь наш лайнер давно ушел, а на другие и мест нету!

Рыжий остановился, кивнул толстенькому, чтоб к другим диванчикам шел, и снова зацокал языком.

— Тут, конечно, небольшая проблема нарисовалась, — сказал он маме. — Тут не только что мест в лайнере, тут и самих лайнеров не осталось, чтоб с этой станции уходили, все эвакуационные уже в пути. Но мы, конечно, эту проблему решим. Сейчас формируется служебный состав, он, конечно, не такой комфортабельный, как тот, на который у вас были билеты, зато доедете без помех и под хорошей охраной. Что в наши времена небесполезно. Видали, как активизировался бандитизм?

После этих слов насчет некомфортабельного состава рыжий еще больше мне не понравился. Я был в тот момент просто уверен, что в одном из его карманов обязательно завалялась та штука, которой они людям головы отрезают. Совсем мне не понравился этот рыжий.

Вы поймите. Наша деревушка Пестимьяново, в общем-то, так себе была деревушка. И жили в ней почти сплошь старики да младенцы, да еще один геморрой жил, заносчивый и богатый, мы все гадали, за каким чертом его к нам занесло, а из молодых были только я да Тимурка. Да еще дядя Витя жил, теперь вот его убили. Жила там еще одна козочка по имени Валя, через два дома от нас с мамой и бабушкой, но это, как говорил дядя Витя, вообще не поддается никакому логическому обсуждению. Вот жила и жила. Мы жениться собирались, как только возраст позволит, только не говорили никому, а потом эта эвакуация. И все. И нет никакой Вали. В разные вагоны, в разные стороны.

Так-то я даже и обрадовался бы, что эвакуация. Если б не Валя. И не все эти ужасы с дядей Витей.

Не знаю, как насчет комфорта в том вагоне, в котором мы должны были ехать с дядей Витей, но в служебном с этим делом по-любому было намного хуже, потому что еще хуже просто и придумать нельзя. Гнутые пластиковые лавки вдоль стен, между ними узкий проход через вагон — вот тебе и все удобства. Окна были такие грязные, что даже в хорошую погоду через них не разглядишь ничего, да и разглядывать не получится, потому что не протиснешься к окнам — народу в вагоне было просто жуть много. Да еще вонь.

Лавки были широкие, сидели на них в два ряда. Лучшие места, наверно, у стенки, там сидишь себе, скрестив ноги, и никто не прогонит, только если в туалет захочется, фиг вылезешь, а и вылезешь, назад уже не вернуться, поэтому делать приходится под себя. Да и туалетов в служебных вагонах, как я понял, не полагается, не было там ничего похожего, только вонь стояла. Так что и вылезать не зачем.

Когда мы садились, вагон уже был переполнен, но маме каким-то чудом удалось сесть. Сначала-то она меня на то место ладила, но я что, маленький? Почти насильно воткнул ее между толстенными бабищей и мужичищей. Мужичище, хоть в вагоне совсем не жарко было, а просто даже и холодно, потел и вонял, а бабища сидела смирно, только она в сто раз хуже была, чем тот мужичище, пото-

му что глядела на нас так, будто жалела, что и нам тоже головы не поотрывали заодно с дядей Витей.

— Иди ко мне на колени, — сказала мама, я просто даже на нее засмеялся, хотя и совсем не до смеху было. Потом, когда ноги устали, взял и сел на пол. Пол был жуть грязный, но мама ничего не сказала про только что стиранные штаны, ничего, даже и не обратила внимания, все вбок смотрела.

Сначала лайнер долго стоял, потом поехал, уже вечером. Мама сказала безнадежно:

— Ну, слава Богу.

А какой-то лысый геморрой неподалеку от нас все волновался, все спрашивал, когда взрывы взрывать намечено. Ему ответили:

— А как только всех вывезут, так сразу и начнут. Чего ждать-то? Не бойсь, не раньше.

— С них и раньше станется, — буркнул геморрой, и все вокруг него сразу испуганно замолчали, но геморрой энциклопедий устраивать не стал, заткнулся, сам себя испугался. Он потому что нервничал очень, вот и ляпнул.

А другой геморрой, вежливый такой, но строгий, с умной противной мордой, он сидел по другую сторону, сразу видно, что из бывших ученых, а то даже и из технологов, услышал слова про взрывы и как бы вроде проснулся. Проснулся и красивым голосом начал нам лекцию про глобальное потепление излагать.

— Вот вы говорите, глобальное потепление, — сказал он, хотя никто таких слов при нем даже и близко не говорил, еще чего. — А знаете ли вы, что уже больше ста лет наука всего мира, сколько ни бьется, не может дать четкий, окончательный ответ на вопрос, что на самом деле вызывает глобальное потепление и так ли уж парниковы основные парниковые газы. Физика атмосферы, должен вам напомнить, очень сложна, она настолько перенасыщена неизвестными факторами, взаимно друг на друга влияющими и, соответственно, влияющими на климат в ту или другую сторону, что даже самый квантовый из существующих компьютеров пока не может адекватно просчитать все возможные варианты и предложить нам верный ответ. Позже? Да, конечно, согласен с вами, лет через тридцать, а то и двадцать, правильный ответ будет получен, потому что технологии не стоят на месте, это так же верно, как и то, что меня зовут Адальберт, но помилуйте, мы не в состоянии ждать тридцать лет в тот момент, когда по всему миру уже воцаряется состояние катастрофы, мы должны, мы просто обязаны что-то предпринимать. Мы должны решиться на шаг (тут он поднял вверх указательный палец, и слово «шаг» у него получилось всё заглав-

ными буквами — ШАГ), и пусть этот шаг окажется рискованным или даже вообще неверным, но в данной сложившейся ситуации, я полагаю, это будет оправданный риск, единственное правильное решение. Теперь рассмотрим влияние на климат множественных локальных ядерных взрывов, одновременно произведенных в удаленной лесистой местности. Не могу спорить — риск катастрофического сценария налицо. Однако физика ударных атмосферных процессов намного проще, при подобных силовых воздействиях большинство факторов, нелинейно влияющих на состояние климата, становятся пренебрежимо малыми, так что ими мы в своих уравнениях можем со спокойной душой пренебречь...

Тут ему сказали:

— Заткнись, ученый, а то в морду дам. И без тебя тошно.

— Вот вы говорите заткнуться, — сказал геморрой с умной мордой и красивым голосом учителя русского языка. — Что ж, я заткнусь.

И в самом деле заткнулся. А мне понравилось. Хоть я и не все понял.

Лайнер шел как бы и быстро, но на самом деле медленно, потому что все время останавливался — то ссаживал кого-то из других вагонов, то новую партию таких же, как мы, неприкаянных принимал. А иногда останавливался и стоял уже совсем не по делу. Просто так, станет и стоит, и никто не понимает, зачем.

А потом, когда он еще раз остановился, уже совсем темно было, дверка в дальнем от нас конце вагона разъехалась, и в нее вошла компания рослых, наглых таких, накачанных чемоданов.

Меня сразу обдало страхом, потому что впереди чемоданов шел тот самый молодой комиссар, который отвалил дяде Вите голову. Я его сразу узнал, хоть он был без кожаной шляпы, да и вообще одет по-другому. Хохотал, веселился, выставлял себя — смотрите, мол, какой пуп к вам пришел.

Весь вагон на чемоданов тех головы повернул, а я от ужаса сжался в комочек и нырк под лавку.

Потом слышу, Молодой весело закричал:

— Внимание, внимание, внимание! Всем смотреть на меня! Сейчас вам будет огромный сюрприз!

Все сначала загалдели, кто с интересом, а кто с тревогой, а потом вдруг наступила полная тишина, так тихо стало, как в том кино, когда на тебя быстро летят тучи и ты ничего не можешь с этим поделать.

Тишина была ненадолго, секунды на две, от силы на три. Потом начался грохот.

Я сперва даже и не понял, что за грохот — тоже жуть страшный, он двигался ко мне, как волна, все громче и громче, от того конца вагона, где вошли чемоданы. Даже и не грохот, дробные стучки и шлепки, не знаю, как еще объяснить, один за другим, трррр, и совсем не громкие, но от страха у меня будто громы в ушах бухали.

Что-то слева рядом вдруг пискнуло, что-то мягкое дотронулось до ноги, но я не обратил внимания, потому что как раз в этот момент, наконец, разобрался, отчего грохот.

Это падали люди — те, что в проходах стояли, и некоторые, которые с лавок сползали, не удержавшись. Начали падать от двери, а потом падали все ближе и ближе и, наконец, западали около моей лавки.

Вот старуха старая, она все время громко орала, пока жива была, ей никто места не уступил, она сложилась, как та наша стреляночка, коленки к потолку, мелькнули на секунду ее лицо темное и затылок с редкими волосиками. Вот лысый геморрой, который все сроками взрывов интересовался, а потом ляпнул против властей, — он бухнул лицом вниз, показал мне лысину, и выходит, что не взрывов ему надо было бояться. Вот дамочка, почти совсем молодая, штаны в клеточку, она рядом стояла, упала передо мной, будто хрюкнула, и загородила мне свет. Тут же ее всей своей тушей придавил толстенный мужичище, тот, что рядом с мамой потел. Он как-то не очень ловко, боком, соскользнул с лавки на дамочку, ее тело опять хрюкнуло, и стал удивленно меня разглядывать, я даже подумал сначала, что он не мертвый. Но он, конечно, был мертвей некуда.

Потом грохот кончился, и Молодой сказал деловитым тоном:

— Так, работаем!

Ничего не произошло, и тогда он добавил:

— Арбайтен, арбайтен, мать вашу!

Застучало, зашуршало, затрещало, зазвякало, чемоданы кряхтели, матюкались вполголоса и чего-то там такое работали, грозный голос Молодого их подгонял, я никак не мог понять, что они там работают, а высунуться боялся. Работали они, я так думаю, изо всех сил, но работа шла медленно, и Молодой злился. Но медленно или не медленно, а работа их постепенно все-таки приближалась ко мне, в точности как тот грохот, только что не с такой скоростью.

— Время, время, скоты!

Опять что-то пискнуло и мягко дотронулось до ноги. Я чуть не вскрикнул. Осторожно протянул руку и натолкнулся на круглое,

твердое и волосатое, вроде бы голова. Оно замерло и задышало. Девчонка, коза! Так и есть! Я вспомнил, что видел какую-то малявку, когда маму усаживал, а потом она или куда-то делась, или я ее после просто не замечал, словом, стояла какая-то козявка рядом с той бабищей толстенной, а потом уже не стояла. Лет двенадцать, самое большее. Совсем малявка сопливая, куклы-бантики.

Я все еще трогал ее за голову, когда она вдруг перестала дышать. Я понял, что она сейчас заорет со всей своей малолетней дури, стукнул ее по затылку и зашептал страшно:

— Молча-ать!

Она заткнулась, так и не заорала, только еще крепче прижалась к моей ноге. Вот ведь!

А чемоданы со своей работой подбирались к нам все ближе и ближе. Я уже догадался, чем они занимались — они раздевали трупы, обшаривали карманы и складывали добычу куда-нибудь в какие-нибудь громадные грязные сумки, вроде той, что у бабки Изабеллы была, когда она в город ездила. Те самые Мишняки, вот кто они были, они сначала убивали, а потом грабили. Только я не мог понять, как они убивали. Они ведь ничего не делали. Просто сначала молчание, а потом все попадали, вот это меня очень интересовало. А еще больше мне интересно было понять, почему я-то вместе с ними не умер, если все остальные умерли, мне это надо было понять, чтобы и дальше не умирать. И еще — я очень надеялся, да нет, я просто уверен был, что с мамой все хорошо. То есть, все плохо, конечно, но я не то что уверен был, а просто даже и знал, что мама умерла не до смерти. И что когда все кончится, я ее обязательно разбуду. Может, и пожалею после о том, что разбудил, но обязательно это сделаю. Сам прекрасно понимал, что сплошная глупость, но уверен был тогда в этом гранитно-титаново!

Козявка эта изо всех сил прижималась к моей ноге, и я чувствовал, как она дрожит. Иногда она вдруг начинала попискивать, и тогда я бил ее по шее, чтоб замолчала.

Когда чемоданы уже почти подобрались к нам, я взял козявку за руку и тихонько потащил вперед, туда, где уже лежали раздетые догола трупы. Я до этого вообще никогда трупов не видел — жуть неприятное зрелище, какие-то они не такие. Тут самое главное, я понял, было угадать так, чтоб незаметно проползти границу между голыми и еще одетыми. Мишняки, когда раздевали труп, они скидывали его потом на пол, чтоб не мешал раздевать других, и вот в этот момент, когда голый труп на пол скидывают, я должен был мимо него проползти вперед, чтоб он меня заслонил, иначе точно бы засекли.

Козьявка мешала будто нарочно — и ныла, правда, тихонько, и пищать пыталась, и замирала, когда надо было ползти, и, наоборот, вдруг такая прыть в ней появлялась, что вперед меня уползала, а один раз даже головой стукнулась об лавку, да так громко, я уж подумал, что всё, пропали. Кое-как все-таки пронесло, и мы пролезли мимо Мишняков как раз тогда, когда они скидывали труп на пол. Трупов голых было жуть много, все уже холодные, когда только успели, и ничего из-за них не было видно. Но это и хорошо, потому что и бандиты засечь нас с козьявкой тоже не могли.

Потом Молодой сказал:

— Смотри-ка ты, знакомая барышня, я ее сегодня уже видал. Ишь какая! О, гляди! И не подумал бы никогда, что такое прячется под ее одежкой паршивенькой. Не, ты погляди, ну хоть прямо сейчас в журнал. Только с ней малец еще был, где он?

Ему сказали, что мальцов в вагоне всего ничего, может быть, вон тот?

— Нет, — сказал Молодой. — Это не он. Тот был белобрысый такой, тощий гаденыш, а этот жирненький, да и по возрасту не подходит. Тот хмыренек щуплый был, совсем доходяга. Где-то он здесь, не могла же она без него уехать. Надо искать.

— А чего это не могла? — сказал кто-то из чемоданов. — Очень даже могла. Иной бабе ребенка бросить — что клопа раздавить. Чего это она не могла?

— Да не верится как-то, — раздумчиво ответил Молодой тому чемодану. — Не по-людски это, сына маленького бросать. Хотя...

Нас спасло то, что искать меня и переворачивать для этого кучу трупов никому не хотелось, да их и время поджимало, спешили они куда-то. Договорились на том, что я наверняка помер с остальными вместе, а потом меня в спешке случайно либо под лавку затолкали, либо под другими трупами прикопали и не заметили, я ж маленький по размеру, а одежка моя наверняка слова доброго не стоит, да и ценного товара при мне никак не могло быть, так что нечего и искать. Молодой сначала ни в какую, а потом согласился, потому что времени у них оставалось совсем немного, он так сказал. Он сказал:

— Ладно, действительно некогда прохладиться, время идет, а нам еще один вагон обрабатывать. Давайте, давайте, работайте, еще совсем чуток поднажать. У-у-у, прелестница!

Это он, наверно, про мою маму говорил, что она прелестница, она и правда очень красивая, когда не плачет и не злится ни на кого. Хотя слово глупое какое-то, прелестница. Хорошо, хоть лестницей не назвал.

Прошло еще сто лет, и они, наконец, убрались. Я немножко выждал и вылез из-под лавки, раздвигая голые трупы. Про козявку совсем забыл, словно ее и не было.

Мама лежала на спине, она лежала очень красивая, даже еще красивей, чем в жизни, я сразу понял, что ни за что не смогу ее разбудить, что все это жуть глупости были насчет ее разбудить. А если б даже и мог разбудить, то что? Она ведь злиться начнет и плакать, и красота вся пропадет. Ой, как же я хотел тогда, чтоб она снова злилась и плакала. Я даже и сейчас тоже хочу. Только вспоминаю все реже и реже, потому что незачем вспоминать.

Выползла козявка, вся дрожит, разглядывает вокруг и не говорит ничего. Потом увидела бабищу толстую, которая рядом с мамой сидела и злющими глазами на нас смотрела, а теперь тоже рядом с мамой лежала, попой кверху, целая гора дряблая, очень было смотреть противно. Козявка ее как увидела, запищала, мордочку искривила, что-то хочет сказать, а не может, заклинило у нее с речью. И с дыханием у нее что-то случилось, с выдохами вроде и ничего, а вдыхала трудно, прямо каким-то почти басом. Только все глядит и пищит, и вдыхает. Ей та бабища родственница какая-нибудь была, я сразу догадался, что родственница.

Я козявку за руку взял, еще раз по шее стукнул, чтоб не пищала, и через трупы стал пробираться к той двери, через которую чемоданы в вагон вошли — она так раскрытая и стояла. Когда добрались, выглянул наружу, смотрю, а там никакого другого вагона нет, а наш-то был не последний, я точно помнил.

Я остороженько спрыгнул вниз, козявку руками принял, а в ней никакого весу. На спине у нее, только тут заметил, рюкзачок был маленький, детский, розовый, с картинками малолетними. Я тут же про него и забыл, козявку между рельсов поставил, приказал никуда не деваться и не пищать, а сам по-шпионски выглянул из-за вагона посмотреть, что там делается.

Там ничего не делалось. Там, среди тундры, стояли два вагона — наш и еще один, в котором, я знал, такие же, как мы, ехали, у которых проблемы с эвакуацией. А больше ничего. Ни лайнера, ни бустера, одна тундра вокруг, да рельсы ржавые под ногами, совсем не такие блестящие, как те, по которым лайнеры ездят. Да еще облака сверху, грозные и быстрые, как в кино.

Почему так вышло, что мы сюда попали и не заметили, как лайнер свой потеряли, я, хоть убейте, не понимаю. Ведь должны были быть стуки, скрипы, толчки, а ничего этого никто не заметил. Я вообще многого не понимаю, что происходит. Не понимаю, как это можно убить человека, не тронув его ничем, ничего не сде-

лав ему, чтобы просто только одно молчание на две секунды, и конец, и даже никакой крови. Как можно отрезать голову человеку, тоже без крови, и не ножом, а просто коснувшись до шеи приборчиком, похожим на телефон, вот не понимаю, и всё. Не понимаю, что мама в дяде Вите нашла и чего она так за него держалась, не понимаю, какая радость дяде Вите была от того, что он так ее под себя подмял. Не понимаю, почему компьютер работает, почему собаки не такие, как мы, и что это за такое глобальное потепление, которое надо взрывами отгонять. Не понимаю, куда люди деваются после смерти, ведь не может же быть так, чтобы они просто исчезали со всеми мыслями внутри головы. Я долго перечислять могу, чего я не понимаю.

Мне говорят, это оттого, что я маленький и дурак. Но, во-первых, я совсем не маленький, если жениться собрался, пусть даже и не получилось пока жениться, потому что уволокли невесту, разлучили, но все-таки. Во-вторых, я не дурак, я книжки читаю, и сетевые, и даже бумажные попадались, да мне и дядя Витя, хоть у нас с ним были отношения просто жуть никуда, тоже иногда говорил, что я хоть и сволочь, а все-таки не дурак (я-то себя сволочью не считаю), и что даже хорошо, что я не понимаю многого, и что те, кто всё и обо всем понимают, что вот они-то самые дураки и есть.

Словом, я, как дядя Витя иногда любил говорить, пребывал в полном недоразумении. Единственное, что я понимал четко, так это то, что нам с козьявкой надо срочно ладить лыжи отсюда куда подальше, пока чемоданы свою работу во втором вагоне не закончили, даже думать было страшно о той работе, и нас не отловили на ржавых рельсах.

Я козьявку в охапку — и к лесу что было мочи. Мочи, правда, было не очень много, потому что я, хоть и не маленький, но еще окончательно не развился и мускулов как следует не набрал, да и день был очень тяжелый, утомил меня этот день. Утомил и физически, и психически — я имею в виду убийство мамы и дяди Вити.

Сначала бежали, потом шагом пошли. Козьявка больше не пищала, она рядом шла, не отставала, хотя я видел, что ей трудно за мной утнаться, дышала тяжело, но вдыхала уже не басом, немножко успокоилась после того вагона с голыми трупами.

Потом, когда уже далеко отошли, вдруг голос у козьявки прорезался. Говорит:

— А меня Ликой зовут. А тебя?

— Лешка, — сказал я. — Молчи теперь, береги дыхание, нам еще далеко.

— Ага, — сказала козявка и замолчала. Правда, ненадолго.

— Это меня мама так назвала, Ликой. Вообще-то я Анжелика. А кто Анжеликой назвал, я не знаю. Наверное, Бог. Мне такое имя не нравится, Анжелика. Длинное.

— Молчи, сказал! Задохнешься.

— Ага.

Минут через пять снова:

— А эти дяди в поезде, которые хулиганили и Вассу убили. У них трудное детство было, да?

— Да, — твердо ответил я. — У них было очень трудное детство. И у тебя будет, если ты сейчас же не замолчишь.

— Ага. А Васса... я сейчас быстренько скажу, чтоб ты понял, а потом опять замолчу, честное слово! Васса — это тетя, у которой я живу, потому что папа с мамой в командировку уехали. Мы в городе живем, а она в деревне. Она мне даже не тетя, а так, родственница. Я ее не люблю, потому что злая, но все равно жалко.

Я даже остановился. Чтоб не как-нибудь, походя, по шее ей врезать, а по-настоящему, от души, чтоб надолго в память запомнила. Лицо у нее было маленькое, растерянное и очень серьезное, и она немножко себе внутрь смотрела — не как те, которые на вокзале, а так, немножко, но мне все равно очень не понравилось.

Козявка тоже посмотрела на меня и тоже остановилась.

— Все-все, я молчу. Все сказала, что хотела, а теперь буду молчать.

Я сказал:

— Привал.

И мы одновременно рухнули в мокрый мох, потому что очень устали. Козявка сказала:

— Мне что-то холодно. Все-все, я молчу.

— Когда холодно, это значит, что требуется сугрев, — повторил я одно из идиотских дядивитиных изречений, придвинул ее к себе и обнял. Она тоже прижалась. Сразу стало теплее. Правда, не так, чтоб намного, ночи в мае жаркими не бывают, но все-таки.

— Во как, — сказал я.

— Ага, — сказала козявка, — Здорово.

И хотя мы с ней жуть продрогли, хотя голод и жажда вдруг стали мучить, раньше как-то не до них было, заснули сразу. Проснулись, когда светать начало, в это время всего холодней, прям колотун.

Я стал ладить костерок, потому что вечная зажигалка всегда с собой, это закон. Потом сходил, насобирали морошки, принес:

— Угощайся.

— Спасибо, — говорит, — я не буду. Я лучше конфетки.

— Конфетки, конечно, лучше, — говорю, — да где ж их взять? Тут она меня огорошила.

— А у меня их целый мешок, в дорогу насобираю. И вода есть, хочешь? Только она не сладкая, сладкой не было.

— Чи-вооо?!

Я покачал головой — ну и дура! Целый мешок конфет у нее, да еще и вода «несладкая», а она молчала. Взял ее рюкзачок, расстегнул посмотреть — и правда! Гора конфет разных и баклажка пластиковая с водой. Хотя она маленькая была, баклажка эта, грамм на сто пятьдесят. Но это неважно, с водой в лесу проблем нет, да и с едой тоже, если умеючи, а для меня он сызмальства дом родной, не пропаду. Тем более конфеты, они хоть и не еда, но аппетит здорово отбивают.

Пожевал конфет с морошкой, пару глотков воды сделал, встали, пошли.

Козьявка помолчала-помолчала, потом говорит:

— А я вопрос задам, можно?

— Можно, сейчас не задохнешься, ведь мы сейчас не быстро идем, так что задавай свой вопрос, — отвечаю.

— А куда мы идем?

Это был самый главный вопрос, и отвечать мне на него совсем не хотелось. Но я ответил:

— Мы в деревню ко мне идем, называется Пестимьяново. Там и еды полно, и огороды, и скотины всякой хватает. Собаки, правда, злые, но они меня знают. Проживем, не бойся, очень хорошо проживем.

— Как же это? — спрашивает козьявка. — Ты ехал-ехал от своей деревни, на поездах всяких или, там, на машинах...

— На автобусе. Тьфу ты, черт, в автобусе ехал, а не на автобусе.

— Вот я и говорю — все равно долго ехал, а теперь пешком дойти собираешься. Как это? Ведь машины же быстрее, а ты медленней.

— А они нас везли на перрон как раз с той стороны, куда потом мы на том вагоне служебном ехали, я сразу заметил. Мы как раз в сторону к Пестимьяново ехали, мы же к югу живем от станции. Так что дойти можно, но идти, конечно, придется долго.

Я говорил ей чистую правду, только не всю. Это очень удобно — говорить правду, но не всю. Вроде бы и не соврал, но и серьезного ничего не выдал. Я не сказал ей, что вообще не знаю, сколько километров — пятьдесят? сто? двести? — до

моей деревни и в какую сторону к ней надо идти. Я не сказал ей, что заблудился и нахожусь в полном недоразумении, что у нас никаких шансов выбраться, разве что чудом наткнемся на какую-нибудь дорогу, что деревни в этих местах — редкость, уединенно живем. Я не сказал ей, что мы даже как следует заболеть от холода и голода не успеем до этих взрывов, ну а уж после взрывов тут вообще ничего не останется. Я в детстве с папой, когда он еще от нас не сбежал, однажды на разработке поехал, так что видал я собственными глазами, что взрывы делают. И это были обычные взрывы, а атомные, я думаю, еще посылнее будут.

— А взрывы? — спрашивает козявка. — Они нас не убьют?

— Еще чего? — говорю. — Там у нас геморрой один жил богатынький. Когда о взрывах заговорили, так он в пять секунд смылся. У него дом остался — громадный, каменный, а в доме подвал с припасами, тоже каменный или даже железный, его никаким взрывом не возьмешь, годами жить можно.

Я опять не соврал и не сказал правды — сам-то я не видел того подвала, только слышал, как болтали о нем в деревне. А могли и соврать, чего только о том геморрое в нашей деревне не сочиняли. Но это было неважно, я понимал, что все равно не дойдем мы с козявкой до Пестимьяново.

— Нам бы только на железку выйти! — вдруг, ни с того, ни с сего, сказал я правду, хотя и не собирался. Найти железку — в этом была единственная и почти невозможная надежда на спасение. По железке при очень большой удаче можно выйти на Литвиновку, там была станция, на которой поезда почти никогда и не останавливались, а дорогу от Литвиновки я хорошо знал, сколько раз и с Тимуркой, и с папой, и с Валея, а один раз даже с дядей Витей ходили.

— А железка, это рельсы? — вдруг спросила козявка.

— Ага, рельсы.

— А ржавые рельсы — это тоже железка?

— Тоже. Тебе зачем?

— А совсем-совсем ржавые?

Я вздохнул.

— Тоже. Чего спрашиваешь?

— А я недавно такие видела. Ты мимо прошел и в сторону завернул. Я сначала хотела сказать, а потом подумала, что раз они такие ржавые, значит, никому не нужны, и нам тоже.

Представляете, что за дура? Я чуть на попу не сел.

— Где, — кричу, — ты их видела?! Когда?!

— Да вот только что, недавно совсем. Они вон в той стороне были, откуда мы идем. Пойдем, покажу!

Вот дура! Ну и дура!

Рельсы оказались и вправду недалеко, только мы их искали долго, может час, а, может, даже и два. Кружили-кружили, пока нашли, а когда нашли, жуть устали, что я, что козявка. Я сел на рельсы и заплакал.

— Отвернись, — говорю.

— Да ладно, я ж понимаю, — сказала козявка и отвернулась.

Старая железка, пусть она хоть какая ржавая, обязательно приведет к нормальной железке, по которой лайнеры ходят, это такой закон. Только тут надо правильное направление выбрать, а то придешь к тупику. Посомневавшись, я направление выбрал, все-таки не первый день на свете живу, и мы пошли.

Идти пришлось долго, и козявка в кровь сбила ноги, а я простудился. Козявке хоть бы что насчет простуды, а я расчихался, рассморкался, расслезился, кадыхать начал, словно городской заморыш какой-то, а не северный человек, даже стыдно.

А козявка про ноги ничего мне не говорила, держалась, хромила, старалась не отставать. А потом она об корягу споткнулась, да так неудачно, лодыжку то ли растянула, то ли вообще вывихнула.

Села на землю и говорит:

— Ой, ты меня извини, но я, кажется, идти не могу.

Я посмотрел ее ноги, она еще коленку ссадила здорово, говорю же — дура городская, даже ходить толком не умеет, а чего делать, не знаю, я хоть и взрослый почти, но во всяких там вывихах и растяжениях не очень разбираюсь. Видел, как мама их лечила, но, дурак, не запомнил. Знать бы!

Делать нечего, взял ее на закорки, поплелись дальше. Теперь она совсем не такой легкой казалась, чем когда я ее из вагона на руки принимал. Медленней стали идти, все время привалы. Если б не простуда, я бы побыстрее шел и привалов поменьше бы делал, но голова очень болела.

А козявка прижалась к моей спине, за шею обхватила своими ручками-спичками и говорит:

— Вот, мы опять с тобой обнимаемся. Как ночью. И теплой, как ночью, правда?

Я только побряхтываю.

Вообще ее, когда я ее на спине нес, будто прорвало — все болтала и болтала, как болтанка какая-то. А что такое глобальное потепление? А почему оно взрывов боится? А почему, если поте-

пление, то у нас так холодно? Я ничего не отвечал, только кряхтел выразительно.

Когда она поняла, что спрашивать без толку, потому что я не отвечаю, то про себя стала рассказывать, про маму, про папу, про подружек, про какой-то пароход на речке, с одного на другое пере-скакивает, глупая мне попалась коза, у меня от нее еще больше го-лова разболелась.

В тот день до нормальной железки мы так и не добрались, я уж и беспокоиться начал. Вечером нашли ручеек какой-то, напились вдосталь, а то козявкиной баклажки хватило ненадолго, я опять развел костерок, потом пошел, нарвал трав, которым меня мама учила, чаек заварил из них. Слава тебе Господи, всемилостивейший Господь наш, баклажка оказалась старая, из огнеупорного пластика, сейчас такие делать нельзя, сейчас все о спасении природы за-ботятся, нет, чтоб о людях, так что я в той баклажке чаек заваривал. Вкус у чая жуть дрянной оказался, но знакомый, не забыл я, стало быть, мамочкины уроки, я и сам попил, и козявку попить заставил, не хватало еще, чтобы она и простудилась вдобавок к своей ноге.

А самое главное — я ногу козявке вправил. Сам! Смотрел я ее ногу и так, и так, а нога распухла, уже и в сандаля не влазит. Я подумал-подумал, пощупал осторожненько и решил, что это не растяжение, а вывих, и, значит, надо вправлять, то есть дергать. Почему я так решил, сам не знаю, решил — и всё, боялся только, что там перелом, а тогда, если дерну, вообще девчонку могу без ноги оставить. То есть убить.

Но ничего, все обошлось. У меня сначала не получалось, она от боли пищала в тысячу раз хуже, чем в том вагоне, так я разо-злился, дернул изо всей дури, что-то там щелкнуло — и порядок! Ф-ффуух, я чуть опять не заплакал от облегчения.

А козявка сразу обмякла.

Или ночь была теплее, чем первая, или приспособились мы к холоду, я не знаю, но как-то легче было, чем в первый раз. Может, из-за костерка? В первый-то раз я только утром его развел.

Словом, сидим на бревне, отдыхаем, на огонь смотрим, гото-вимся опять обниматься для утепления, а козявка вдруг говорит:

— Так можно я тебе вопрос задам, который утром не задала?

— Ты мне тысячу вопросов задавала, и все глупые, — отве-чаю.

— Не, я тебя спросила, куда мы идем, когда ты сказал, что мы идем, а спросить я хотела совсем другое.

— Ну, задавай, — я тогда немного размяк и подумал себе, пусть спрашивает, почему бы и нет.

— Вот смотри, — сказала она, — глобальное потепление, да? И край наш выбрали, чтоб против него взрывы устраивать, потепление отгонять. Так?

— Ну, так.

— А перед взрывами всех людей отсюда вывозят.

— Эвакуация называется.

— Да, эвакуация. И, значит, никого здесь не останется из людей, правильно? И, я по компьютеру слышала, после взрывов тоже никого не пустят, очень долго пускать не будут, может, сто лет, а может, и двести. Так?

— Ну, так.

— И тогда получается, что мы с тобой здесь будем совсем-совсем одни. Только ты и я, и больше никого вообще на свете не будет. Правильно?

— Нет, ну как же не будет? В других местах будет сколько угодно.

— Не, я говорю про эти места. Как будто эти места и будут для нас вместо целого света. Ведь ни лайнеры, ни пароходы, ни самолеты здесь ходить больше не будут, нам никуда отсюда будет не обратиться, эти места будут для нас словно как целый свет, так?

— Ну... вроде, так.

— А, значит, если повезет, мы останемся здесь...

— Да, это если нам очень крупно повезет.

— ...останемся здесь одни, как Адам и Ева из той книжки.

Я не понял.

— Кто-кто?

— Ну, бабушка мне еще читала. Там их кто-то выгнал, они остались одни и стали рожать ребеночков и народили целое человечество. А раз мы остались одни, то нам тоже надо родить человечество.

Не нравился мне такой разговор. Единственное, чего мне хотелось в тот момент, — это побыстрее обняться для тепла и заснуть.

— Тебе что, — сказал я козявке, — одного человечества мало? Ты еще одно такое же родить хочешь?

Она ответила сразу, не думая:

— Конечно! Только это будет человечество не еще одно такое же, а просто одно. Здесь же человечества нет, правда?

Я тоже ответил сразу, причем на полном серьезе:

— Не, я так не играю. Мне не надо ни одного человечества.

Козявка немного подумала и рассудительно сказала:

— Ну и ладно. Не надо, так не надо. Но хоть одного ребеночка нам все равно придется родить. А то лучше еще и двух. Или трех.

Этот дурацко-кретинский треп про Еву, которая родила человечество, и про всех этих ребёночков меня начал злить. Малолетки все-таки утомляют.

— Хорошо, — сказал я. — Трех, так трех. А сейчас давай спать. Я устал.

— Спи, пожалуйста, — сказала козявка. — Но сначала ты мне воткнешь.

Я даже спать раскотел от неожиданности.

— Я не понял, что я сделаю?

— Воткнешь. Чего тут непонятного?

— Что значит «воткну»? Что, куда?

— Ну, вставишь. Остальных слов я не знаю, остальные плохие.

Я понял, но не поверил, что понял.

— Вставлю? Тебе?!

— А кому же еще? Без этого ребеночки не родятся.

— Ни фиги себе, какая продвинутая молодежь пошла! — сказал я. — Тебе ж сколько годков, деточка?

Тут она меня снова жуть огорошила.

— Четырнадцать, — говорит.

— Врешь!

Я на нее посмотрел при костре — какие там четырнадцать! И двенадцать много сказать! Но смотрит серьезно, даже от обиды надулась.

— Я, — говорит, — неправды не говорю никогда. Иногда, правда, не всю правду говорю, но иначе молодой женщине и прожить нельзя. А маленькая, потому что расту плохо. Мне в апреле исполнилось. У меня месячные уже два года как начались. Так воткнешь?

— Нет.

— Ну и ладно, — сказала козявка. — Нет, так нет. Значит, завтра.

Вы не подумайте, что я ангел какой-то небесный с крылышками. Я как раз в том возрасте, когда очень хочется с девочками, просто даже иногда снится. Просто даже иногда... а, ладно. Я и Вале хотел «воткнуть», мы с ней и договорились уже. Но у меня вчера маму убили и дяде Вите голову отвалили, и Валя, хоть и потерял я ее, но она ж невеста моя, а я буду там кому-то «втыкать». Тем более козявке. Нехорошо. Она малютка еще, пусть хоть что говорит про возраст, а сюсюкает так, будто ей не четырнадцать, не двенадцать, а все восемь, не больше, там и втыкать-то еще некуда. И потом, я ведь в ее слова насчет того, что мы одни в мире остались и что

теперь нам вдвоем жить до самой смерти, серьезно поверил, поэтому как же я такой малявке «втыкать» буду, еще испорчу ей что-нибудь, и тогда детей вовсе у нас не будет — нет, так нельзя. Да и стеснялся я, если честно.

— Все равно ребеночков надо делать. Хочешь — не хочешь, — сказала козявка.

Она придвинулась ко мне, обняла и тут же заснула. И я сразу после нее.

Назавтра мы пошли по ржавой железке дальше. Нога у козявки все равно болела, хоть я и вправил ей вывих-то. Я ей тогда палку толстую отломал, но она и с палкой сильно хромала — ойкала, морщилась, еле шла, так что я ее все равно почти все время на закорках тащил. Устал — жуть, еще больше, чем в прошлый день. Чай травяной, если и помог, то не очень сильно — сморкался, кашлял, да и голова болела. Да еще дождь пошел.

К полудню рельсы вдруг кончились, я немножко даже растерялся, но потом увидел впереди просвет между деревьями, прямо там, куда рельсы вели, пошел на просвет, а тут лес и кончился. Смотрю, а поперек еще рельсы положены — настоящие, блестят как новенькие, и, как положено, на высокой насыпи, по обе стороны от них лес стоит, а вдоль никаких деревьев.

Мы просто жуть обрадовались, хохотать стали и обниматься, я ведь на самом деле не верил, что к железке выйду.

— У меня уже и нога не болит! — кричит под дождем козявка.

— А у меня голова!

Сели, смотрим, радостные.

— А теперь куда? — спрашивает.

Я так солидно ей отвечаю:

— Это еще надо решить, в какую сторону Литвиновка. Вроде бы, в эту, — и я махнул налево рукой.

Как раз наоборот была Литвиновка, направо, в другую сторону, это я чуть потом понял, как отдышался, потому что, хоть солнца не было, я все равно умел находить, где запад, а где восток, меня дядя Витя как-то научил. Сначала-то отец учил, да я не запомнил.

Пошли. У нее нога болит, у меня голова.

Идем вдоль рельсов примерно уже час, как вдруг слышим — впереди шум какой-то. И приближается, как тот грохот. Мы в кусты попрятались, смотрим.

Это была дрезина, маленький такой бустерочек, который гоняют по рельсам рабочие железки, я один раз видел ее в Литвиновке. Но та была старая, некрасивая, с бензиновым мотором и вообще

еле-еле бегала, а эта — просто куколка, похожа на прошлогодний спортивный «крайслер S14-80» открытого типа, чистенькая, сверкает, а в ней два каких-то геморроя сидят, издали я не рассмотрел. А когда подъедут поближе, рассматривать побоялся. То есть не за себя побоялся, за козявку, конечно, я же за нее вроде как отвечал, поэтому уползли поглубже в лес, там, где кусты гуще. Стали ждать, когда проедет.

А она не проехала. Мотор электрический, почти не слышно, так, шипит, они взяли и остановились прямо напротив нас.

Потом слышим — шаги. И кто-то говорит:

— Ну, и где он, этот твой аппарат? Не видно что-то.

А голос-то знакомым мне показался. И от голоса того мне почему-то жуть страшно стало. И козявке тоже. Я это понял, потому что она по-другому задышала, быстро как-то. Я ее голову рукой прижал к траве, молчи, дура! Она еле слышно пискнула.

А другой отвечает:

— А ты хотел, чтобы видно? Посмотри, это место само по себе заметное. Здесь лес редкий, да и помоложе, там дальше старая колея есть заброшенная, около той колеи и аппаратик прикопан. Хороший аппаратик, сработан по технологии «хрен увидишь». Вот его и не видно.

Вот где мне страшно-то стало! Прямо ноги отнялись, до того страх забрал. Это были те комиссары, что дядю Витю убили. Оба, я голоса их узнал. Старший говорит:

— Сейчас пойдем туда. Ты мне только еще раз обскажи все, что сделал, не намусорил ли чего? Сам понимаешь, как важно здесь не намусорить.

Тот, Молодой, начинает ему рассказывать о том, что «обработал» оба вагона, даже и одежду забрал.

— Только я не понимаю, — говорит, — зачем нам эти шмотки? На рынке ими торговать, что ли? Товар бы взяли, и ладно.

— Вот поэтому я и главный, — говорит старший, — что я понимаю, а ты нет. Почерк у них такой, нужно, чтоб только на них и думали. Парней-то аккуратно убрал?

— Спрашиваешь, — Молодой ему отвечает. — Целое представление нарисовал, будто они товар не поделили, да и перебили друг друга. Одного так положил, другого так, оружие в руках, у кого пушки, у кого световухи, рядом шмоток навалил, да и из товара набросано — все как надо. Такую картинку обставил, аж смешно стало. Я потом дрезинку вызвал, товар на ней отвез, куда договаривались, выждал, сколько надо, потом сразу к тебе. Всё.

— Эх, световух, может, и не надо было. Как бы по световухам на нас не вышли. Смешлив ты, да не сметлив.

— Сам же велел.

— Сам велел, сам и засомневался.

— А чего там сомневаться? Никто ничего и не увидит, разве с самолетов сфотографируют. Завтра взрывы, а под взрывами какое расследование?

— Это так, это так, — сказал старший. — Но все равно мусор. Нехорошо. Больше нигде не намусорил?

— Да вроде нигде. Мишняки, сам знаешь, ничего никому не скажут, если только что на Страшном суде показания давать станут, а больше... А, да, вспомнил! Мы же там и дамочку ту убрали, которая на перроне.

— Какую дамочку?

— Ну, помнишь, на перроне, позавчера, мы еще мужика ее положили. В натуральном виде такая красotka оказалась, я тте дам! Даже и не подумаешь.

— Дамочка, — говорит старший. — Это хорошо. Паренька ее тоже положили?

— Да наверняка!

— Что?! Ты что, не знаешь, положили или не положили?

— Да что ты волнуешься? Если он в том вагоне был, то положили без вопросов, просто где-нибудь под трупами затерялся. А если не был, то и тоже вопросов нет.

— То есть ты его не нашел, — говорит старший. — Что ж не искал?

— Так времени не было, сам знаешь.

— Знаю, — сказал старший. — Так, короче. Сейчас давай отольем, что-то я... потом аппаратик пойдем вытаскивать.

— Аппаратик-аппаратик, — задурочился, запел Молодой. — А вот я сейчас свой аппаратик выгашу!

И подходит прямо к тем кустам, где мы с козявкой попрятались. Козявка задохнулась, дышать перестала, чувствую, сейчас заорет. Я ей изо всех сил рот зажал, чтоб не заорала, она подергалась-подергалась и вдруг обмякла. И не дышит вроде, только Молодой рядом журчит.

Все, думаю, удавил я козявку, и так мне что-то нехорошо стало, что я и про комиссаров этих забыл, или кто они там.

А они стоят, журчат. Потом старший говорит:

— Да, нехорошо вышло. Намусорил ты. Особенно со световухами. Теоретически они вполне могут на тебя выйти.

Молодой до того обиделся, что даже журчать перестал.

— Световухи — твоя проблема! Это ты приказал со световухами, я, что ли?

— Моя проблема, мне ее и решать. Так, короче!

— Эй, ты что? — испугался вдруг Молодой. — Ты чего это? Не... не надо! Да я тебе сей...

Бряк! И еще чуть погода — бряк! И уже голова к нам сквозь кусты катится. И снова без крови.

А старший тогда говорит неизвестно кому:

— Прав ты оказался, брат. Действительно, так короче.

Козьявка вдруг ожила, да как заорет!

Старший кусты раздвинул, смотрит на нас своим лицом волка, удивляется, козявка тут же заткнулась. Оба от страха двинуться не можем и на него, как кролики на удава, палимся.

— Вот так-так! — говорит он и улыбается, скотина, при этом. — Вот так удал молодец! И от бабушки ушел, и от дедушки ушел. И девицу-красавицу с собой прихватил. Девица-то откуда? Неужели в лесу нашел?

И аппаратик для отрезания рукой подкидывает, дядя Витя точно так же с зажигалкой любил играть.

Я козявке глаза ладонью заслонил, а сам смотрю на него, ничего не говорю, молчу. Козявка дрожмя дрожит, но держится и мою руку не убирает. Чувствую, веки сплющила.

А в самый такой момент, когда почувствовал, что сейчас меня не станет, в носу засвербило, и я чихнул. Стыдно стало, досадно, такой героический момент чихом испортил, но все равно, сопли текут, а смотрю прямо ему в глаза.

Он еще раз улыбнулся — и оскал-то у него волчий, ей-богу! — потом помрачнел и говорит:

— Нужны вы мне больно убивать вас, это уж как-нибудь без меня.

Не так он говорил, но смысл был такой.

И в лес ушел вразвалочку, к ржавым рельсам, аппаратик свой вытаскивать. Даже не обернулся.

Нашел он его быстро, потому что очень скоро со стороны ржавых рельсов зажужжало что-то и поднялось в воздух. А потом и звук пропал.

— Во как, — говорю. — А чего это он нас не убил?

— Пожалел, наверное, — сказала козявка.

— Непохоже, чтоб пожалел. А чего это ты обмякла, когда я рот тебе зажимал? — спрашиваю.

— А чтоб тебя испугать. Чтоб ты подумал, будто я умерла, и меня пожалел. Теперь-то ты уж точно ребеночков со мной станешь делать.

Дура — она дура и есть.

Решил я тогда вмазать ей как следует по ее тощей дурацкой шее, но не вмазал. Потому что как раз в этот момент на меня нашло вроде как просветление. Даже не знаю отчего — то ли от силы чувств после всего, что мы с козявкой пережили, то ли от чего-то еще, но в этот момент я почему-то враз вспомнил то место, где мы тогда с козявкой сидели. Мы с Тимуркой как раз на этом месте вот так же сидели и домой думали идти, а чтоб крюка через Литвиновку не давать, угол срезать решили и пошли к деревне наискосок, я и сейчас прекрасно помнил дорогу.

Поэтому и не вмазал.

Я в ту сторону рукой козявке показываю, куда мы с Тимуркой шли, и говорю:

— Я вспомнил. Вот туда нам надо идти.

Козявка упрямится.

— Да ты что, — говорит. — У нас же теперь эта штука есть, на которой они по рельсам ехали, мы же вмиг на ней до твоей Литвиновки доберемся. Так же быстрее!

Я отвечаю:

— А так — короче!

На самом деле я не знал, короче или не короче, вроде одинаково пешком, что отсюда, что от Литвиновки, но от Литвиновки дорогой идти, а здесь дороги никакой нету, еще когда на дорогу выйдем. Так что получилось, что права козявка, а не я, и надо пробираться к Литвиновке на дрезине. Но я опять повторяю:

— Так короче.

И дурацким смехом смеюсь.

— Так короче, так короче, так короче!

Заклинило меня на этих словах, я уж и сам не хочу их повторять, да и вообще решил на дрезине, но смеюсь и все повторяю:

— Так короче, так короче, так короче!

Уже и смысл их потерялся, уже кажутся те слова мне какой-то фамилией иностранной, то ли Таккороче, то ли Такко Роче, а я все говорю их и говорю, а как скажу, мелькает на секундочку какая-нибудь картинка — или дядивитина голова в лужу катится, или моя мама прекрасноголая на полу вагона лежит. И никак не останавлиюсь.

Я рукой козявке показываю, мол, пойдем к дрезине, а сам все смеюсь и повторяю со смехом:

— Таккороче-таккороче-таккороче!

Словно заклинание какое-то дьявольское.

Козьявка смотрит испуганно, но держится за меня и ведет меня к дрезине, хромает. А я уже и себя не помню.

Немного я очухался, когда мы на дрезине уже к Литвиновке подъезжали, задом наперед. Козьявка молодцом, сама разобралась с управлением, без меня. Правда, там и разбираться-то нечего, простой пулыт. Вкл-выкл, взад-вперед, быстрее-медленнее, и тормоз, вот и все кнопки. Там еще другие были, но мы на них не обращали внимания.

— Нормально? — говорит козьявка.

— Нормально.

Но в голове еще долго стучало, спасибо, что без картинок:

— Таккороче-таккороче-таккороче...

Когда к Пестимьяново шли, голова уже не болела, но и насморк остался, и озноб, и кашель, и в груди хрипело, а главное, слабость, и так хотелось в постельку и чего-нибудь горячего выпить, да хоть бы и на дороге прилечь, на дороге такая мягкая пыль была, но ничего не поделаешь, мы же помнили, что взрывы — завтра.

Да и по-любому нельзя было не идти, потому что у козьявки еще хуже нога разболелась и сильно распухла, так что той ногой она босиком шла. Я не знал, что у нее с ногой, подозревал, что там трещина кроме вывиха или вывих не до конца вправил, ну, маленький я еще и в медицине не разбираюсь. Так что слабость — не слабость, а все равно время от времени ее на закорках нес, хоть она и говорила «не надо, ты сам больной». Упрямая такая! Но нога у нее, кажется, очень сильно болела.

Пестимьяново я узнал по церкви, та около кладбища стоит, от домов через поле. Попа-то у нас не было, пустая церковь стояла, мы туда с Тимуркой рыжим играть ходили в монаха и разбойника, это он такую игру придумал.

Я козьявку на землю спустил, смотрю.

— Вон оно, — говорю — наше Пестимьяново. Дошли мы.

Тут мы сели на дорогу и в голос заревели, как маленькие.

Когда мы, наконец, дошли до деревни, оказалось, что ее кто-то сильно пограбил. Хотя у нас и грабить-то нечего, если только у того богатого геморроя. Двери выломаны, замки сорваны, иногда окна разбиты — кто-то на славу здесь погулял. И всех собак постреляли, так и лежали, кто на улице, а кто во дворах. Лошадей и коров не было, увели. Куры, правда, остались.

Я — домой, а дома полный разгром, и компьютер наш большой утащили. Маленький-то еще на перроне бандиты отняли. Я к тайничку своему под порогом, второй ножик оттуда взял, а медаль оставил (у меня там медаль лежала, нашел), потом в доме порылся, миску нашел, пару ложек, котелок солдатский от папы, картошку с полу собрал, луковку. Трав маминых с подоконника взял и разорванную упаковку бинта. Всё. Если б я себя хорошо чувствовал, то и по другим бы домам прошелся, потому что теперь в деревне все наше стало — мое и козьякино, только сил не было, завязал все в узел из старой маминой юбки и пошел к дому богатого геморроя, где меня козявка ждала.

Сидит на пороге и кричит мне издали:

— Есть подвал! Хороший!

Подошел ближе, она уже тише:

— Только еды там никакой нет. И свет не включается почему-то.

Я говорю:

— Разберемся. Деревня большая, что-нибудь да найдем. Взрывы же только завтра.

И плюхнулся рядом с ней на ступеньку. И чувствую, сил совсем нету.

А козявка все понимает, надо же. Взяла меня за руку, подняла, повела внутрь, хоть и сама хромает.

— Вот, — говорит, — подвал.

Я зажигалкой посветил, смотрю — а подвал-то винный, только вино из него забрали. Полки для бутылок рядами, да и на полу кой-где бутылки валяются, разбитые и пустые, а еще там был громадный диван, а перед диваном стол, зеленым сукном оббитый. Да еще стулья поломанные вокруг стола. И правда, на припасы даже никакого намека. В холодильниках, наверное, наверху он припасы свои держал. Но те, я по дороге в подвал заметил, стояли оба раскрытые и пустые.

Я — на диван, и словно бы отключился. То есть не заснул, все вижу, но ничего не понимаю, лежу. Слышу вдруг через какое-то время:

— Вот, попей.

Стоит передо мной козявка, в руках у нее чашка, а в чашке чай. Как она хитрилась тот чай сварганить — загадка.

Я чаю отхлебнул, говорю:

— Это... А как тебя зовут? Я забыл.

— Лика.

— А меня Леша.

— Я знаю.

— Знаешь, Лика, — говорю, — если ты еще не раздумала, то я тебе сегодня воткну.

— Конечно, — говорит. — А как же иначе.

— Только не сейчас. Сейчас я чего-то... не очень. Ладно?

— Да ладно, — говорит. — Так уж и быть. До вечера ребеночки подождут. Алешенька.

А меня еще никто не называл так.

После чая мне как будто бы легче стало, я ей ногу туго перевязал (и как раньше не догадался? Ведь знал, что перевязка нужна!), и наружу выбрался, на порог. Небо к вечеру почти совсем прояснилось, и так это было приятно, что даже объяснить не могу.

Лика с палочкой прихромала тоже, сидим, на закат любуемся, грызем сырую картошку с солью. Я весь в соплях, глаза красные, но такое облегчение на меня нашло, что я даже про маму вспоминать перестал.

Говорю Лике:

— В деревне-то, хоть ее и пограбили, всего навалом, надо будет собирать, пока взрывы не начались. И воды в ведра набрать вон из того колодца. Потому что непонятно, сколько нам в том подвале сидеть.

— А я уже еды набрала, пока ты спал, — говорит Лика. — Тут, и правда, много еды осталось. И вода есть, правда, пока немного, она тяжелая. И по огородам сейчас пройдемся, а как же!

Вдруг смотрю — точки высоко в небе. Много. Мигают и по небу передвигаются. В нашу сторону. И что-то наверху загудело.

— Смотри, — говорю, — самолеты. А ты говорила, что не будт летать.

— Правда, — говорит, — самолеты. Да так много! А чего это они здесь?

— Не знаю.

— Ой, Алешенька, а вдруг это с бомбами самолеты? Чтоб нас бомбить, а?

— Не, они завтра будут бомбить, ты ж сама слышала.

— А вдруг они перепутали и сегодня начнут? Давай мы пока на всякий случай в подвальчик, подождем там, пока они улетят, а?

И мы спустились в подвал.

Закрыли крепко-накрепко люк, а он железный, тяжелый, мы с ним так намучились, пока закрывали. И ошупью на диван забралась. И обнялись там для тепла, потому что холодно было в подвале.

— Смотри, — говорю, — какая тяжеленная крышка. Она любой взрыв выдержит, хоть атомный-переатомный. Здесь и фунда-

мент каменный, и стены из кирпича, никакой пожар их не возьмет. Здесь любой взрыв переждать можно.

— Ага, — говорит Лика. — Ты втыкать мне сейчас будешь или подождем?

— Подождем, — говорю. — Я еще очень слабый.

— А ты умеешь?

— Я-то? Да я... нет, не умею. Слышал только, рассказывали.

А ты?

— Я тоже не умею. Но мы же справимся?

— Ну, конечно.

Лика помолчала и говорит:

— Потому что нам ребеночков просто обязательно надо. Когда все закончится и мы вернемся домой, мы им ребеночков наших покажем и скажем: «Вот!».

Я сразу ей:

— Ты, конечно, как хочешь, но я к ним никогда не вернусь. Ни за что на свете.

— Ну да, ну да, — говорит Лика. — Конечно. Это я так.

Мы еще крепче обнялись и стали ждать, когда кончатся самолеты. А они все не кончаются и не кончаются, их так много, все летят и летят, все гудят и гудят, даже в подвале слышно.

Подвиг капитана Иванова

Рассказ

Во всех управлениях ФСБ о капитане Иванове ходили легенды. Он лично задержал сто двадцать шесть крупных агентов зарубежных спецслужб. Агенты были глубоко законспирированы, они маскировались под известных ученых, писателей и даже участковых милиционеров, но Иванов их всех разоблачил и арестовал. За это его много раз награждали почетными грамотами и ценными подарками.

Когда в Горах снова началась война, капитан Иванов выполнял важное задание за границей. Внедрившись в ряды разведки враждебного государства, он быстро продвигался по службе, узнавая множество секретных сведений, которые тут же передавал рапортами своему руководству в Москве. Работал Иванов в одиночестве, без помощи товарищей, потому что буквально за неделю до его внедрения вражеские контрразведчики сумели разоблачить нашего резидента, который фактически уже почти полностью руководил разведкой враждебного государства. Они случайно заметили, что на следующий день после 1 мая, 8 марта и 7 ноября тот приходил на службу в состоянии похмелья, а 22 апреля всегда брал отгул и бесплатно подметал тротуар перед зданием Разведывательного центра.

Но Иванов блестяще справлялся с трудностями и Родина ценила его за это. Руководство враждебной разведки тоже очень ценило способного сотрудника. Здесь капитан Иванов уже носил погоны полковника, и скоро ему обещали присвоить звание бригадного генерала. Но война в Горах складывалась для наших

не очень удачно, и тогда капитан Иванов написал рапорт руководству в Москве с просьбой немедленно отправить его в зону боевых действий.

Руководство к просьбе отнеслось положительно. Тем более что, работая на враждебную спецслужбу, Иванов два года подряд не был в отпуске.

Иванов быстро переоделся и вылетел в Москву. Его встречали у трапа самолета, и скоро мощная «Волга» с Ивановым уже въезжала во двор родного управления. Начальником Иванова был седой генерал, тоже разоблачивший в молодости немало шпионов. Подчиненные его уважали. Он запер дверь своего кабинета на ключ, задернул на окнах шторы и подвел Иванова к карте.

— Проблема в том, что мы никак не можем поймать Главного Главаря бандитов, — сказал генерал, водя указкой по карте. — Он очень ловко прячется в горах, используя складки рельефа и оставаясь недоступным для визуального наблюдения. Высшее руководство решило направить туда пять лучших сотрудников с заданием выйти на след и ликвидировать бандита.

— Я вас не подведу, товарищ генерал, — заверил Иванов.

— Между прочим, — добавил генерал, — командование оценило голову Главаря в один миллион долларов.

Капитан Иванов быстро посчитал в уме и попросил:

— Товарищ генерал, разрешите мне отправиться на задание в одиночку.

— Ну что ж, именно на это я и рассчитывал, — удовлетворенно сказал начальник.

Быстро переодевшись, капитан Иванов вылетел в Горы. Начальником штаба, руководившего боевыми действиями, был генерал, за всю жизнь не поймавший ни одного агента. Он завидовал Иванову и ненавидел его, но виду не показывал и даже помог ему собрать рюкзак с едой и боеприпасами, а также подвез на своей машине до ближайшей горы. Дальше Иванов пошел один.

Задание оказалось трудным. Несколько месяцев Иванов отслеживал Главаря бандитов, возвращаясь к своим лишь для того, чтобы сменить оружие, быстро ржавеющее под дождем и снегом. Наконец ему повезло. Он обнаружил основную базу бандитов, где скрывался Главарь. База располагалась в глубокой пещере, и Главарь, окруженный хорошо вооруженной охраной, практически никогда оттуда не выходил. Иванов был вынужден целую неделю стеречь у входа. Еда у Иванова кончилась, он страшно устал, и поэтому, когда Главарь один раз вышел из пещеры по

нужде, Иванов проспал его появление. Лишь проснувшись, он обнаружил свежие следы Главаря у своей засады.

Пришлось ждать еще неделю. И в следующий раз Иванов не промахнулся. Как только Главарь появился, Иванов его схватил. Вначале он хотел доставить его в штаб живым, но сил на это совсем не оставалось. К тому же сообщники Главаря, обеспокоенные его долгим отсутствием, уже начали поиски. Иванову пришлось поспешно отрезать Главарю голову, которую он собирался представить в качестве доказательства выполненного задания, и положить в рюкзак, совсем к этому времени опустевший.

Через два дня, усталый, но довольный, он входил в штаб. Завистник-генерал встретил Иванова очень приветливо, налил водки и дал закусить, после чего отпустил спать, предложив оставить голову Главаря в своем сейфе для лучшей сохранности. Не подозревая худого, капитан Иванов так и поступил.

А ночью его разбудили. Вооруженные сотрудники военной прокуратуры объявили Иванову, что он арестован за хищение в особо крупных размерах и государственную измену. Иванова обвинили в хищении десяти бочек чистого спирта, которым танкисты промывали гусеницы своих боевых машин, из-за чего сорвалась важная военная операция. Его отвели в гарнизонную тюрьму. На самом деле Иванов ничего не делал. Все подстроил завистливый генерал. Это он сам похитил спирт и выпил его с подхалимами-адъютантами и радистками легкого поведения. Теперь же он свалил вину на капитана Иванова, чтобы присвоить себе его заслугу в ликвидации Главного Главаря бандитов.

Радостно потирая руки, генерал достал голову Главаря из сейфа и поехал в Москву за наградой.

Но в тюрьме Иванов не пал духом. Он выбирался и не из таких переделок. Нужно сказать, что из тех десяти бочек он действительно взял две и закопал неподалеку от штаба. Но не для того чтобы потом выпить, а как неприкосновенный запас для танкистов на случай наступления. Иванов сделал это потому, что его богатый опыт подсказывал: спирт обязательно украдут.

Теперь же Иванов попросил позвать начальника тюрьмы и рассказал, где спрятаны бочки. Начальник со всей охраной тут же побежал их откапывать. Бочки принесли в тюрьму и как-то незаметно начали пить найденный спирт. При этом камеру Иванова и главные ворота тюрьмы закрыть забыли, чем Иванов и воспользовался, чтобы незаметно уйти. Этот план он составил заранее.

Добирался Иванов до Москвы долго, но все же успел к тому дню, когда обманщику-генералу должны были вручить награду в Георгиевском зале Кремля. Награду вручал лично Президент, поэтому охрана Кремля была усилена. Но капитана Иванова хорошо знали и уважали многие сотрудники спецслужб. Один из охранников отдал Иванову свою форму и служебное удостоверение, по которому тот беспрепятственно прошел в Георгиевский зал.

Как раз в этот момент Президент готовился вручить генералу миллион долларов и почетную грамоту.

— Стойте, товарищ Президент! — воскликнул Иванов и вышел вперед. — Знайте, что Генерал — обманщик и вор, а Главного Главаря на самом деле ликвидировал я.

— Чем вы можете это доказать? — спросил Президент.

— Прикажите принести сюда голову Главаря, — попросил Иванов.

Президент послал нескольких министров, и голову скоро принесли.

— Ну и что? — спросил Президент.

— А проверьте: оба ли уха у Главаря на месте! — предложил Иванов.

Президент подошел, потрогал и удивился.

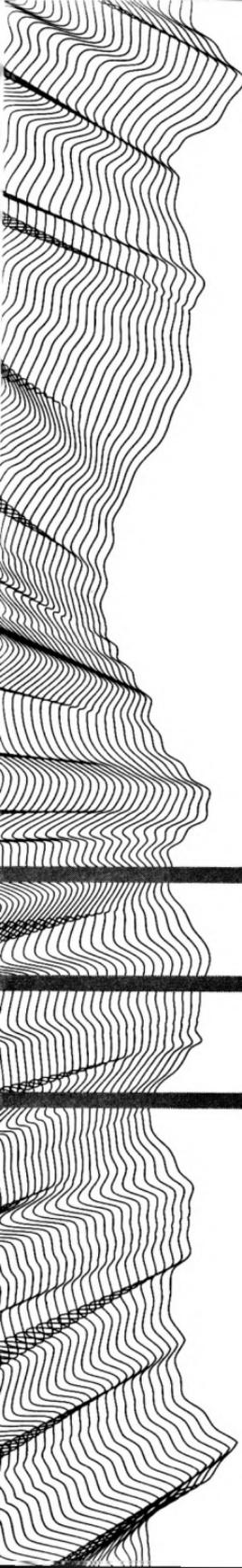
— Действительно, правого уха почему-то нет. Куда же оно делось?

— Вот оно! — громко сказал Иванов, доставая из кармана правое ухо, с которым он не расставался даже в тюрьме.

А из другого кармана он достал собственноручные показания радисток легкого поведения о том, что спирт украл и практически самостоятельно выпил генерал-обманщик.

Генерала тут же арестовали, доллары передали Иванову и переписали почетную грамоту на его имя. Президент даже хотел пригласить его на обед в свою квартиру, но Иванов отказался: у него уже заканчивался отпуск, и нужно было срочно возвращаться на службу в разведку враждебного государства.

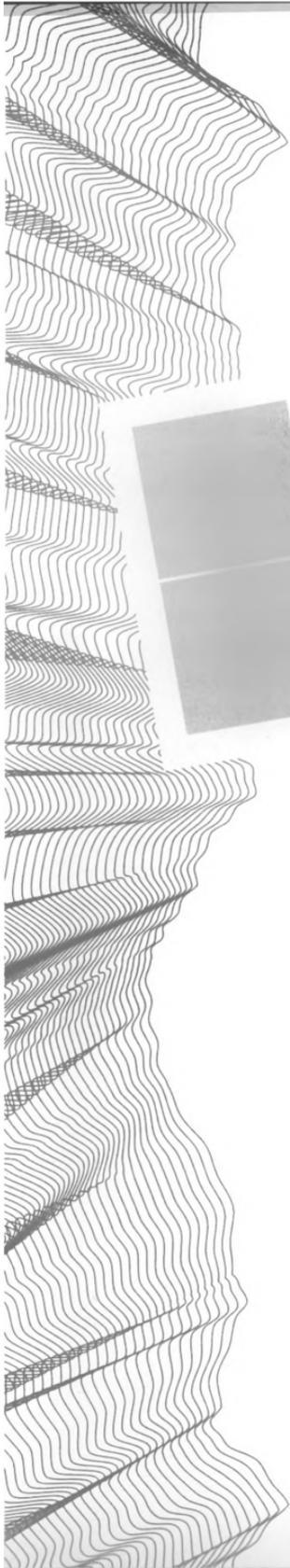
Он быстро переоделся и уехал.

ЛИЧНОСТИ

ИДЕИ

МЫСЛИ

2

Гибель Высокого Искусства

Возможно, я буду сообщать сейчас очевидные вам вещи. Возможно, вы все это знали давно, а я, дурак, не знал. Но сам я ощущаю нижесказанное как открытие. Вот Маркс, например, открыл закон прибавочной стоимости, хотя и до него люди знали, что «деньги приносят деньги». Но он показал МЕХАНИЗМ того, как они липнут, чем перевел это знание из разряда мистики в разряд закона. И знали люди, что яблоки падают, но только Ньютон объяснил ПОЧЕМУ...

Думаю, всем нам периодически кажется, что искусство мельчает (а вместе с этим духовно деградирует общество, и эти процессы подстегивают друг друга), но мы говорим себе: «Старею, видно... Старикам всегда все вокруг не нравится, особенно нравы...» Но я понял ПОЧЕМУ, понял МЕХАНИЗМ, и знание этого механизма дает мне право утверждать: в данный момент искусство, точнее, то, что мы называем искусством, действительно гибнет. Это нам не кажется.

Итак...

Введение (а точнее, «брюзжание»)

Сначала не механизм, а конкретизация тезиса: искусство гибнет. Всегда были книжки хорошие и не очень. Всегда было кино хорошее, среднее и совсем уж плохое... Но в последнее время, лет этак десять, ощущается тенденция к полной деградации всего и вся. Идешь в

кино, расхваленное не только рекламой прокатчиков, но и, казалось бы, умными критиками, и заранее знаешь, что это будет не глубокое произведение, которое будет вспоминаться тебе годы, помогать понять жизнь, помогать жить (как вспоминаются многие российские и зарубежные киношедевры прошлого). Нет, это будет в лучшем случае «Пираты Карибского моря» — красивая картинка с кучей спецэффектов, а в худшем — «Бойня бензопилой в Техасе». Чаше нечто среднее вроде «Молчания ягнят» или «Парфюмера», где все «сделано» безупречно, но в основе простенькая и противненькая история.

Нет сейчас в широком, во всяком случае, прокате таких умных драм, как «Полет над гнездом кукушки» или таких тонких комедий, как «Берегись автомобиля». Нет ни зарубежных, ни отечественных фильмов глубоко психологичных, изящных, сделанных настоящими мастерами и по самым высоким современным критериям... Во всяком случае, нет такого умного и захватывающего МАССОВОГО кино. Если то кино — середины и конца XX века — можно было бы назвать продолжением театра, но создаваемого более совершенными техническими средствами, то нынешнее — растянутые на часы клипы... И, кстати, раньше в кино приходили именно театральные режиссеры со своим видением мира, а сейчас в основном клипмейкеры, привыкшие за большие деньги заказчика из чего угодно делать конфетку... Вы можете себе представить рекламный клип, снятый Германом? Я — нет. А Бондарчуком-младшим? Легко.

Литература. Покупаешь книгу, расхваленную критикой, преподносимую и превозносимую, как современная классика, и обнаруживаешь или полное убожество вроде детективов г-на Шитова, или довольно средние с точки зрения высокой литературы, но хорошо сбитые развлекаловки с налетом философии — Коэльо, «Код да Винчи» и т. п. Нет нового Толстого, нового Достоевского, нового Чехова в современной российской литературе, нет нового Хемингуэя и нового Маркеса за рубежом. Если они есть, то они не востребованы, не популяризированы, и мы о них не знаем, а то, что мы знаем, — «ничего...», «нормально...», «читать можно...».

Будучи фангастом, скажу отдельно и о фантастике. Нет сейчас в России автора, равного по таланту братьям Стругацким (это не расшаркивание перед издателем, а факт). Равные по популярности, даже более раскрученные есть, но равных по таланту — нет. А на Западе? Что, действительно, «Гарри Поттер» — лучшая детская книжка всех времен и народов?.. Деградация фантастики очевидна даже на уровне жанров: на смену научной фантастике — литературе дерзкой мечты о будущем — пришла жвачка фэнтези — литература о никогда не существовавшем прошлом... Из всего изобилия функций литера-

туры на первый план вышла «иллюзорно компенсаторная». То есть люди читают не для того, чтобы стать лучше, умнее, что-то понять, а для того, чтобы сделать свое существование комфортней, забыть... И это еще те, кто читает. Большинство смотрит телевизор.

Телевидение никогда не было искусством. Но раньше телевизор хотя бы был «домашним кинотеатром». А что мы видим на экране сейчас: непрерывные убогие сериалы, всяческие «Дома-2» и «Камеди Клабы»... Все это делают отнюдь не бесталанные люди. Но специфика нынешнего ТВ состоит в том, что оно даже не пытается приподнимать вкус зрителя, а наоборот — в погоне за рейтингом ТВ-каналы откровенно соревнуются в том, кто опустится ниже, еще ниже, до самых низов...

Музыка. Нет современной классики, когда при жизни композитора было ясно, что это пойдет в века, как было с Чайковским или Стравинским. Что касается «массовой культуры»: нет сейчас в мире рок-группы уровня «Битлз» — развивающейся, творящей очень разные, все более сложные и интересные, но обязательно шедевры. Кого из современных будут помнить так же долго, как «Битлз»? Не помнят уже никого из 70-х, 80-х, 90-х годов... Были однодневки, были те, кто просуществовал многие годы, сев на какого-то своего конька, и штамповал одинаковые альбомы... Но гениев со времен «Битлз», да еще и всемирно популярных, на этом поле не было...

Ничего не знаю о живописи, но боюсь, там то же самое. Ибо это всеобъемлющая мировая тенденция...

Суть

Теперь прекращаю брюзжать и расскажу о причинах возникновения этой тенденции. Мне кажется, причина состоит в неожиданном удешевлении всех НОСИТЕЛЕЙ произведений искусства, отсюда — его демократизация, тиражирование и как следствие отсюда — ориентация на массовый спрос.

Подробнее. Искусство всегда требовало финансовых вливаний. Чтобы достичь совершенства, художник должен заниматься только своим искусством, значит, кто-то должен плоды его трудов покупать, и покупать дорого. Кто? На протяжении целых веков основными потребителями, покупателями продукта были представители высшего сословия — дворянство. А дворянин обязательно был высокообразован, высококультурен, к этому его обязывало происхождение. Он должен был разбираться в литературе, в музыке, в поэзии, в живописи... Сам он вряд ли становился настоящим художником (за редкими исключениями), так как у него не было нужды в специализации,

не было нужды зарабатывать искусством, но он был меценатом и инвестором. Он строил оперные театры, он заказывал полотна Рембрандту... А художник всю жизнь старался достичь максимального мастерства, чтобы удовлетворить самый тонкий, самый изысканный вкус, соревновался с себе подобными в совершенстве...

Такое положение вещей делало потребление высокого искусства престижным. Продукт (картина, билет в оперу, книга...) был дорог, но именно поэтому образованный, но небогатый человек «среднего сословия» тянулся к высокому искусству. Простой человек, побывав однажды в опере, мог рассказывать об этом внукам... Десятки книг передавались из поколения в поколение, семейные библиотеки росли понемногу, но состояли из дорогостоящих шедевров... Простой человек не мог купить картину-подлинник большого художника, но он мечтал об этом...

Но вот наступила середина XX века. Середина научно-технической революции. Полиграфия сделала книги не такими уж и дорогими, музыка стала качественно записываться на грампластинки, картины качественно репродуцироваться, театры заменились кинотеатрами... Искусство «пришло к народу». Настоящее, Высокое Искусство, которого народ жаждал века. На пластинках записывалась симфоническая и оперная классика, книги тиражировали мировые шедевры и т. д. Так было до тех пор, пока потребителем было поколение, воспитанное на идее престижности искусства...

Но параллельно шли еще две тенденции. Первая — появление новых «странных» форм искусства, изначально рассчитанных на массовое потребление, на тиражирование на носителях. Например, музыка «Битлз», например живопись Дали и Пикассо... Это совсем другое искусство, формы его не столь изысканны и изящны, в нем много эпатажного, «крикливого»... Но сами художники пока что оперируют понятиями Большого Искусства: они ищут новые приемы, стараются достичь в этом совершенства, стараются быть самыми интересными, самыми-самыми. И потребитель модернизма пока что еще хочет видеть, пусть и странное, но высокое искусство.

Однако понемногу зреет и вторая тенденция. Зачем художнику быть каким-то особенным, если ценителей, способных понять его, совсем немного?.. Ни один меценат-эстет не заплатит за оригинал столько, сколько заплатят тысячи дураков за копии на дешевых носителях. Нужно только убедить их, что за это надо платить. А это уже вопрос маркетинга, вопрос рекламы... Главное, чтобы все было «сделано» качественно, «высокобюджетно», чтобы ясно было, что «вам тут не фуфло втохивают»... И надо избавлять людей от «рабского желания возвышаться». Кто платит деньги, тот и музыку заказыва-

ет... А, не дай бог, пипл поумнеет, замучаешься искать художника, способного удовлетворить его высокие потребности...

Мало-помалу поколение сменилось, и вот нынешний потребитель уже и не понимает, зачем, собственно, ему учиться постигать высокое искусство, когда есть шоу-бизнес? Мало-помалу именно последняя тенденция стала основной, так как именно она коммерчески оправдана. И телесериалы соревнуются — кто глупее, кино — кто высокобюджетнее и зрелищнее, литература — кто эпатажнее и доходчивее... Сиськи-письки, насилие, фильмы-комиксы, лубок, балаган...

Этот лубок был всегда, но на задворках цивилизации, не в него вкладывались гигантские суммы, не он считался вершиной того или иного вида искусства... А сейчас дело обстоит именно так. Менеджерам, стоящим у руля нынешней культуры, не нужны произведения искусства, им нужно, чтобы просто до тупости, ярко до аляпистости и чтобы грамотный маркетинг заставлял потребителя этого лубка уважать себя, считать себя образованным тонким эстетом. Нужен «Титаник», другое кино — ни к чему.

Всё, крандец. Высокое Искусство, классическое ли, модернистское ли, практически не существует, так как оно не нужно заказчику — массам. Значит, его не берется продвигать менеджер. Значит, его не станет создавать художник. И откуда он, кстати, возьмется, этот художник, он ведь уже тоже из нового, глухого к высокому, поколения?..

Заключение (отнюдь не оптимистическое)

«Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами; они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие».
Сократ (470-399 гг. до н. э.)

«Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна».
Гесиод (ок. 720 г. до н. э.)

«Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек».

Изречение принадлежит одному египетскому жрецу, жившему за 2000 лет до н. э.

«Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен. Младое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру».

Запись обнаружена на глиняном горшке, найденном среди развалин Вавилона. Возраст этого горшка — свыше 3000 лет.

На самом-то деле, это очевидно. Все имеет начало и все имеет конец. И эпохи — тоже. Что ж тут странного, что эпоха пронизанного тонким психологизмом и наполненного гуманистическим пафосом Высокого Искусства когда-то началась, а теперь заканчивается? Нам, конечно, больно это сознавать, ведь мы выросли в момент ее особенно яркого «предсмертного взлета»: когда Высокое Искусство еще было всем нужным и уже стало всем доступным...

Вынесенные в эпиграф заключения цитаты, казалось бы, должны убеждать нас в том, что подобные сеговования стары, как мир, а он, как видите, стоял, стоит и стоять будет... Но, во-первых, кто сказал, что мир действительно не меняется к худшему уже давно? Возможно, то, что сегодня нам кажется нормой, когда-то было низостью? Или другое: человек действительно мог жить в момент падения какой-то эпохи. Нам ли, заставшим крушение коммунизма, развал страны, инфляцию, дефолт и прочее, не знать, как это бывает? Разве нам, а особенно нашим старикам, не казалось тогда, что мир катится в тартарары? Это было неправдой? С какой стороны посмотреть...

Да, нам противно, что сегодня все духовно мельчает... Но в природе не бывает трагедий. Люди будут жить дальше. Не такие, как нам хотелось бы, хуже, как нам кажется, но это лишь наша с вами оценка. Еще неизвестно, каковы мы с точки зрения наших предков. Скажи, например, лет двести назад дворянину, что его потомки будут считать глупостью защиту чести на дуэли, он бы ответил, что такой мир будущего отвратителен и недостоин существования... А нам и впрямь кажется дикостью, что нравственные разногласия когда-то решались дракой: кто лучше стреляет тот и прав, тот и хороший...

Вот и потомки наши просто не будут понимать, чего мы так носились с этим искусством... Кстати, любой вид искусства не вечен: нам, например, уже не понять высокого искусства изготовления боевых клинков.

Зачем человек?

Вопрос: «зачем человек» — разновидность вопроса: «в чем смысл жизни». Но он гораздо более риторический, менее буквальный, не наполнен никаким мистическим содержанием, а лишь отражает крайнее удивление тем, что природе невольно удалось породить невиданное противоречие между бесконечностью сознания с его же конечностью, неизбежной ввиду временности жизни! И индивидуальной, и как явления природы. Радостным осознание этого противоречия никак не назовешь, а то, что человек вынужден жить с ним почти всю жизнь, становится трагедией, иногда выливающейся и в крайние формы. Поэтому закономерен риторический вопрос-размышление о том, зачем природа создала существо, наделенное сознанием и поэтому априорно обреченное на трагедию осознания временности собственного существования, сколь гармоничной бы ни удалось организовать жизнь цивилизации? Трагедию, которая начинается в момент бессознательного появления в какой-то точке бесконечной стрелы времени, развивающуюся в процессе осознания существования этой стрелы, с одновременной способностью приспособиться к тому ничтожному по длине участку стрелы, в течение которого мы существуем, невольно накопить огромный опыт, осознать бесконечное величие и разнообразие природы, получить невероятные знания, и в этот момент исчезнуть навсегда! И принципиально не важно — произойдет это через тридцать, сорок, сто или пятьсот лет после появления, по-

тому что произойдет неизбежно, и как бы ни велика была продолжительность жизни, она все равно будет исчезающе малой по сравнению с бесконечностью времени. А если даже когда-нибудь с этим и справятся, то все равно однажды все исчезнет в бушующем и раскаленном вихре взорвавшейся сверхновой или апокалипсисе сталкивающихся галактик.

Человек представляет собой лишь одну из форм организации материи, среди миллиардов других форм, созданных природой вследствие слепого и случайного чередования причинно-следственных связей, комбинируемых в бесконечном числе сочетаний. Однажды эта случайная комбинация привела к непредставимо сложному устройству — человеку, да еще расположив «кирпичики» так, что «устройство» получило способность осознавать свое собственное существование. То есть человек никогда не появлялся «для счастья, как птица для полета». Но и не для того, чтобы вечно страдать и метаться в бессилии. Не появлялся для дружбы, любви и преданности. Но и не для эгоизма, предательства, обмана, несчастья и прижизненных мучений. Человек никогда не появлялся для познания природы, влияния на нее или для того, чтобы «сказку сделать былью». Не для того, чтобы одержимо произнести: «мы не можем ждать милостей от природы — взять их у нее наша задача». Но и не для того, чтобы смириться с капризами и несовершенствами природы или угрозами, порожденными той же природой или собственной жизнью. Не для того, чтобы покорять и подчинять окружающих и «владеть миром», но и не для того, чтобы стать бесконечно гуманным и дружелюбным. Не для того, чтобы, однажды сформулировав понятие «доход», потом всю жизнь стремиться к нему с параноидальным упорством. Но и не для слепого альтруизма, чтобы умереть преждевременно, отдав свою пищу другому и совершенно не проявляя заботы о собственных желаниях и комфорте. Не для того, чтобы гордиться своей случайной принадлежностью к случайно же образовавшемуся племени — нации или другой чепухе, но и не для того, чтобы со всем смириться, заниматься самоуничтожением и умерщвлением своей плоти. Не для того, чтобы быть пышущим здоровьем и гордо произносить, что «в здоровом теле здоровый дух», но и не для того, чтобы постоянно испытывать физические мучения, недомогания и свою физическую неполноценность...

Не для того... не поэтому... не затем... не для... не... не... не...
Поэтому ответа на вопрос «зачем» никогда не было, нет и не бу-

дет, сколь бы продвинутым, знающим и совершенным человек ни становился. Потому что с точки зрения существующих представлений он не имеет смысла.

А с точки зрения не существующих — пока! — представлений? Тогда ответ на вопрос «зачем?» до удивления прост!

Чтобы «обмануть» природу!

Тем более что она, природа, не злонамеренна, а просто слепа! А раз так, то «сам Бог велел» ее обмануть, злорадно показав вдогонку язык! Предварительно разобравшись в том, как она устроена и подчинив ее себе! Во всех мыслимых масштабах! От планеты, где человеку удалось по недосмотру природы появиться, до скопления галактик! От собственного организма и до взрывов сверхновых! Нужно бы сказать себе и другим, что раз она, природа, по недоразумению наделила нас разумностью, то надо использовать этот «промах» природы для собственной пользы: развив для начала собственное сознание до появления полноценного мышления, на что, увы, «щедрости» у природы не хватило! Но устройство разумности, судя по всему, оказалось случайно таким, что это возможно!

Может ли механизм, мощностъ и необратимостъ природных процессов оказаться далеко за возможностями их осознания, понимания и управления ими?

Может!

Но может и не оказаться. До сих пор, рано или поздно, человеку удавалось понять все, все приспособить и все себе подчинить. А ведь прошло меньше каких-то десяти тысяч лет с тех пор, как человек только бульжники и умел приспособливать: ну, там мозговую косточку раздробить — или в качестве аргумента в дискуссии с соседом! А ведь в течение 10 тысяч лет человек чем-то осмысленным — с точки зрения познания природы и управления ею — занимался гораздо меньше одного процента времени: остальное посвящал либо физическому выживанию, либо — для разнообразия — занимался выяснением отношений с племенем, живущим в соседнем лесочке или за пригорком. Да! Еще напридумывал себе духов, прародителей, богов, сказок про загробную жизнь и каких-то диковатых и далеко не всегда безобидных и безопасных ритуалов, преданно принося себя им в жертву и прислуживая! Тоже изрядное время уходило! И так это продолжается до сих пор! Таким образом, даже одного процента, т. е. 35 000 дней — мгновения на бесконечной стреле времени! — хватило, чтобы пройти путь от бульжника до полетов на планеты Солнеч-

ной системы, мобильного телефона и интернета. Почему этот принцип не мог бы действовать и в дальнейшем?

Непредставимо?

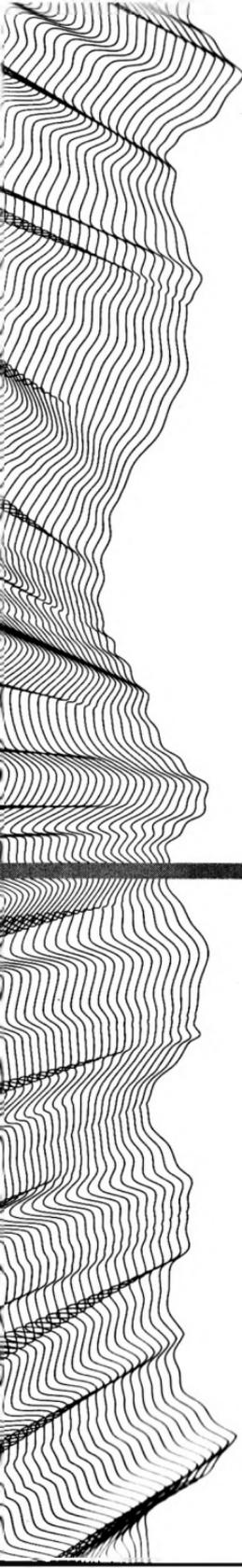
А вы считаете, что кроманьонец мог себе представить, допустим, принцип действия и конструкцию современного внедорожника? Поэтому, если на интересные и перспективные дела тратить чуть больше времени, чем один процент, то, кто знает, — может, в обозримом будущем осуществится многое из того, что сегодня представляется невероятным и фантастическим. А там посмотрим — неизбежно ли все «предначертанное и непредначертанное природой» и можно ли практически до бесконечности отсрочить или даже совсем избежать трагедии существования!

Каждый надеется, но никто не знает, наивна ли эта надежда. Может быть, уже завтра, еще при нашей жизни, умники что-нибудь придумают!

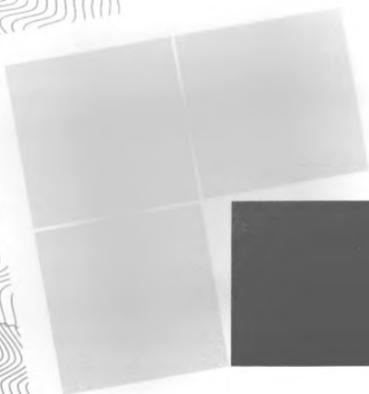
Маловероятно?

Согласен! Но ведь речь идет не о плане мероприятий на ближайшую декаду, а о глобальной цели, которую человек может поставить перед собой! А уж дальше дело техники! Вы помните логику многоумного Ходжи Нассреддина, когда в его дом забрался вор? Он сказал жене: веди себя тихо и не выдавай нашего присутствия. Пусть он что-нибудь найдет, а уж отобрать мы у него сумеем! Пусть умники разберутся, главное — им не мешать, а уж использовать результаты их находок для того, чтобы покончить с трагедией разумного существования, мы сумеем!

...Но сначала все-таки ограничимся более скромной задачей: формированием у пока смертных и невесильных людей полноценного мышления!

ИНФОРМАТОРИЙ

«Филигрань» — 2008

«Филигрань» — единственная в России литературная премия, присуждаемая за лучшие фантастические произведения литературными критиками.

Литературная премия «Филигрань» учреждена журналом «Если», издательством ЗАО «Мануфактура», сетевым журналом «Русский Удод» и МЦОС ЮНЕСКО.

«Филигрань» вручается ежегодно за фантастическое произведение на русском языке, изданное на территории РФ в предыдущем году, по единственному критерию: за литературное совершенство.

В рамках «Филиграни» выделяются два приза: «Большая Филигрань» и «Малая Филигрань». По решению оргкомитета они могут быть вручены либо двум произведениям крупной формы, набравшим наибольшее количество голосов жюри, либо одному произведению крупной («Большая Филигрань») и одному произведению средней («Малая Филигрань») формы. (с 2003 года «Малых Филиграни» стало две — за повесть и за рассказ).

Жюри состоит из критиков и литературоведов в области фантастиковедения числом не менее 9 и не более 13 человек. В обязательном порядке должны быть представлены разные города России. Состав жюри определяется Оргкомитетом. В день вручения призов состав жюри публично оглашается.

Порядок голосования следующий: член жюри называет в порядке убывания три фантастических произведения (или же три произведения крупной формы и три средней). Первое из них получает 3 очка, второе — 2, последнее — 1. Победителями становятся произведения, набравшие наибольшее количество очков.

Премия вручается с 2000-го года на ежегодных чтениях памяти Аркадия Стругацкого, проходящих в Москве.

29 августа 2008 году лауреатами премии «Филигрань» названы: Большая Филигрань — Марина и Сергей Дяченко «Vita nostra»; Малая Филигрань (повесть) — Евгений Лукин «Бытiе наше дырчатое»;

Малая Филигрань (рассказ) — Олег Дивов «Стояние на реке Москве».

Источник информации: <http://fantlab.ru/award32>.

Редакция нашего альманаха поздравляет лауреатов и желает им дальнейших творческих успехов.

«ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ» -2008

С 11-го по 14-е сентября 2008-го года в украинском городе Харьков прошел очередной Международный фестиваль фантастики «Звездный Мост 2008».

Это десятый, юбилейный фестиваль фантастики, проводимый в Харькове. Будучи впервые проведенным в 1999 г., фестиваль вскоре стал событием международным, активно освещался средствами массовой информации Украины и России. Отличительной чертой фестиваля является участие в его работе не только писателей, издателей и любителей фантастики, но и известных ученых и деятелей культуры. В последующие годы «Звездный Мост» собирал все больше участников (по 300-400 человек и более). Помимо участников из всех стран СНГ, его посещали гости из США, Германии, Италии, Франции, Великобритании, Израиля, Польши, Грузии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдовы.

Приводим список лауреатов премий «Звездного моста» — 2008.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕМИИ

(вручаются по результатам голосования участников фестиваля)

НОМИНАЦИЯ «ЦИКЛЫ, СЕРИАЛЫ И РОМАНЫ С ПРОДОЛЖЕНИЯМИ»

1 место («Золотой Кадуцей»): Ярослав ВЕРОВ (Донецк), Игорь МИНАКОВ (Москва) за книгу «Десант на Европу» (2-я книга цикла «Трикстеры», начатого книгой «Десант на Сатурн, или Триста лет одиночества»).

2 место («Серебряный Кадуцей»): Александр ГРОМОВ (Москва) за книгу «Русский аркан» (завершение дилогии, начатой книгой «Исландская карта»).

3 место («Бронзовый Кадуцей»): Ольга ГРОМЫКО (Минск) за книгу «Белорские хроники» (цикл повестей и рассказов).

НОМИНАЦИЯ «КРУПНАЯ ФОРМА» (РОМАНЫ)

1 место («Золотой Кадуцей»): Дмитрий КАЗАКОВ (Нижний Новгород) за книгу «Охота на сверхчеловека».

2 место («Серебряный Кадуцей»): Святослав ЛОГИНОВ (Санкт-Петербург) за книгу «Россия за облаком».

3 место («Бронзовый Кадуцей»): Марина и Сергей ДЯЧЕНКО (Киев) за книгу «Медный король».

НОМИНАЦИЯ «ДЕБЮТНЫЕ КНИГИ»

1 место («Золотой Кадуцей»): Ярослав ВЕРОВ (Донецк), Игорь МИНАКОВ (Москва) за книгу «Десант на Сатурн, или Триста лет одиночества» (дебютант — только Игорь МИНАКОВ!).

2 место («Серебряный Кадуцей»): Дмитрий КОЛОДАН (Санкт-Петербург) за книгу «Другая сторона».

3 место («Бронзовый Кадуцей»): Иван НАУМОВ (Москва) за книгу «Обмен заложниками».

НОМИНАЦИЯ «КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

(премия вручается по результатам голосования профессионального жюри):

1 место: Ант СКАЛАНДИС (Москва) за книгу «Братья Стругацкие».

2 место: Михаил НАЗАРЕНКО (Киев) за цикл статей «За пределами ведомых нам полей...».

3 место: Дмитрий ВОЛОДИХИН (Москва) за сборник статей «Интеллектуальная фантастика».

КОНКУРС «ЭПИГРАММА-Ф»

(лучшая эпиграмма на современных фантастов)

1 место: Александр ЗОЛЮТЬКО (Харьков) — за эпиграмму номер 33.

2 место: Федор ЧЕШКО (Харьков) — за эпиграмму номер 8.

3 место: Александр МЕШАЙКИН (Харьков) — за эпиграмму номер 97.

«АВТОРИТАРНЫЕ» ПРЕМИИ

(вручаются по решению их учредителей)

ГРАН-ПРИ ОТ ХАРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА ЧУДАКОВ

(«Философский камень»):

Николаю ЧАДОВИЧУ и Юрию БРАЙДЕРУ (Минск) (Юрий Брайдер — посмертно)

ПРЕМИЯ «ХАРЬКОВСКИЙ ДРАКОН»

(вручается многократным лауреатам «Звездного Моста»):

Евгений ЛУКИН (Волгоград) (1 золотой и 2 серебряных кадуцея; лауреат «Философского камня»);

Федор БЕРЕЗИН (Донецк) (1 золотой, 1 серебряный и 3 бронзовых кадуцей);

Дмитрий СКИРЮК (Москва) (1 золотой, 1 серебряный и 1 бронзовый кадуцей; лауреат «Пальмы Первенства»).

**ПРИЗ «МОНСТРУ СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ» —
В ЧЕСТЬ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ!**

Василий ГОЛОВАЧЕВ (Москва).

ПРЕМИЯ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ «ВТОРОЙ БЛИН»

журналу «МИР ФАНТАСТИКИ» (Москва) — за целый мир фантастики!

**ПРИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ
ОТ КНИЖНОГО МАГАЗИНА «ЛЕКСИКА»:**

Андрею ВАЛЕНТИНОВУ (Харьков) за романы «Даймон» и «Капитан Филибер».

**ПРИЗЫ ОТ ХАРЬКОВСКОЙ ФИРМЫ «КАРНЕОЛ» —
ЗВЕЗДАМ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ:**

Художникам Владимиру БОНДАРЮ (Харьков) и Елене ГОНДИК (Харьков).

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «МИР ФАНТАСТИКИ» (Москва):

Первое место: Инна ГОЛДИН (Франция, Париж) — за рассказ «Никогда не разговаривай с незнакомыми планетами».

Второе место: Сергей ТОКАРЕВ (Новосибирск) — за рассказ «Моление о ките».

Третье место: Наталья ЕГОРОВА (Москва) — за рассказ «Три к одному».

**ПРЕМИЯ «ПАЛЬМА ПЕРВЕНСТВА» ОТ КЛУБА
ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ «СТРАННИК» (Донецк):**

За самое яркое фантастическое произведение: Нике РАКИТИНОЙ (Гомель) — за роман «Гонитва» (издательство «Снежный ком», Рига).

Также на закрытии фестиваля были вручены тридцать юбилейных медалей «10 лет "Звездного Моста"».

Источник информации: <http://star-bridge.org>.

Редакция нашего альманаха поздравляет лауреатов и желает им дальнейших творческих успехов.

Наши авторы

Юлий Буркин (род. в 1960 г. в Томске). Школа, армия, отделение журналистики филфака университета. Известность среди любителей фантастики принесла повесть «Бабочка и Василиск» (1991 г.). По повести «Сегодня, мама!», написанной в соавторстве с С. Лукьяненко, поставлен художественный фильм «Азирис Нуна». Роман «Осколки неба, или Подлинная история Битлз» (в соавторстве с К. Фадеевым) инсценирован театром «Скоморох» (Томск). Роман «Цветы на нашем пепле» отмечен премиями «Странник» (С.-Петербург) и «Урания» (Томск). Известен также как автор и исполнитель популярных в фэндоме песен. Сайт в Интернете: burkin.rusf.ru. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Яна Дубинянская (род. в Крыму, г. Феодосия). Закончила Крымское художественное училище и Киевский институт журналистики. Автор семи романов, а также многочисленных рассказов и повестей, опубликованных в авторских сборниках, антологиях и периодике. Книги издаются на языке оригинала в России, а на родине — в украинских переводах. Лауреат жанровой премии «Портал» (Киев, 2005), мейнстримной «Русской премии» (Москва, 2008). Живет в Киеве, обозреватель общественно-политического еженедельника «Зеркало недели». В альманахе «Поддень, XXI век» произведения Я. Дубинянской печатались неоднократно.

Илья Каплан (род. в 1984 г. в Казани). Там же закончил школу и строительный университет. В настоящее время живет и работает в Москве по специальности, архитектором в строительном холдинге. Писать начал в конце 2006 года, почти все, что написал, публиковал в своем блоге на mail.ru.

Владимир Покровский (род. в Одессе в 1948 г.). Закончил МАИ, работал в Курчатовском институте, после чего стал журналистом. Публикуется с 1977 г. Большая часть произведений вывешена на сайте <http://www.lib.ru/RUFANT/POKROWSKIJ/>. Автор двух книг и множества публикаций в журналах и сборниках. Живет в Москве, работает научным обозревателем в «Независимой газете». В нашем альманахе печатался рассказ «Человек-саламандра» (июнь 2008 г.).

Борис Руденко (род. в 1950 г. в Москве). Окончил МАДИ, работал в милиции, затем ушел в журналистику. В настоящее время работает в журнале «Наука и жизнь». Автор тринадцати книг в жанре детектива, приключений и фантастики. Живет в Москве. В нашем альманахе печатался рассказ «Усы Сталина» (июль 2008 г.).

Владимир Цаплин (род. в 1941 г. в Москве). Окончил физический факультет МГУ. Работал в НИИ ядерной физики МГУ. С 1991 года живет в США. Был главным редактором и издателем газеты «Взгляд» в Нью-Йорке. Автор трех книг и множества статей в журналах. В альманахе «Поддень, XXI век» эссе В. Цаплина печатались неоднократно.

Содержание

КОЛОНКА ДЕЖУРНОГО ПО НОМЕРУ. Александр Житинский.

3

ИСТОРИИ, ОБРАЗЫ, ФАНТАЗИИ

Яна Дубинянская «ШАРАШКА». *Повесть*

7

Илья Каплан «СКАЗОЧНИК». *Сказка*

99

Владимир Юрченко «ФИМКА». *Рассказ*

109

Владимир Покровский «ПЕРЕД ВЗРЫВОМ». *Повесть*

119

Борис Руденко «ПОДВИГ КАПИТАНА ИВАНОВА». *Рассказ*

153

ЛИЧНОСТИ, ИДЕИ, МЫСЛИ

Юлий Буркин «ГИБЕЛЬ ВЫСОКОГО ИСКУССТВА». *Эссе*

159

Владимир Цаплин «ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕК?» *Эссе*

165

ИНФОРМАТОРИЙ

«Филигрань» - 2008

171

«Звездный мост» - 2008

172

Наши авторы

175

Борис Стругацкий
представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ
XXI ВЕК

Читайте в декабрьском номере:

Повесть
Дмитрия Смоленского
«Складка»

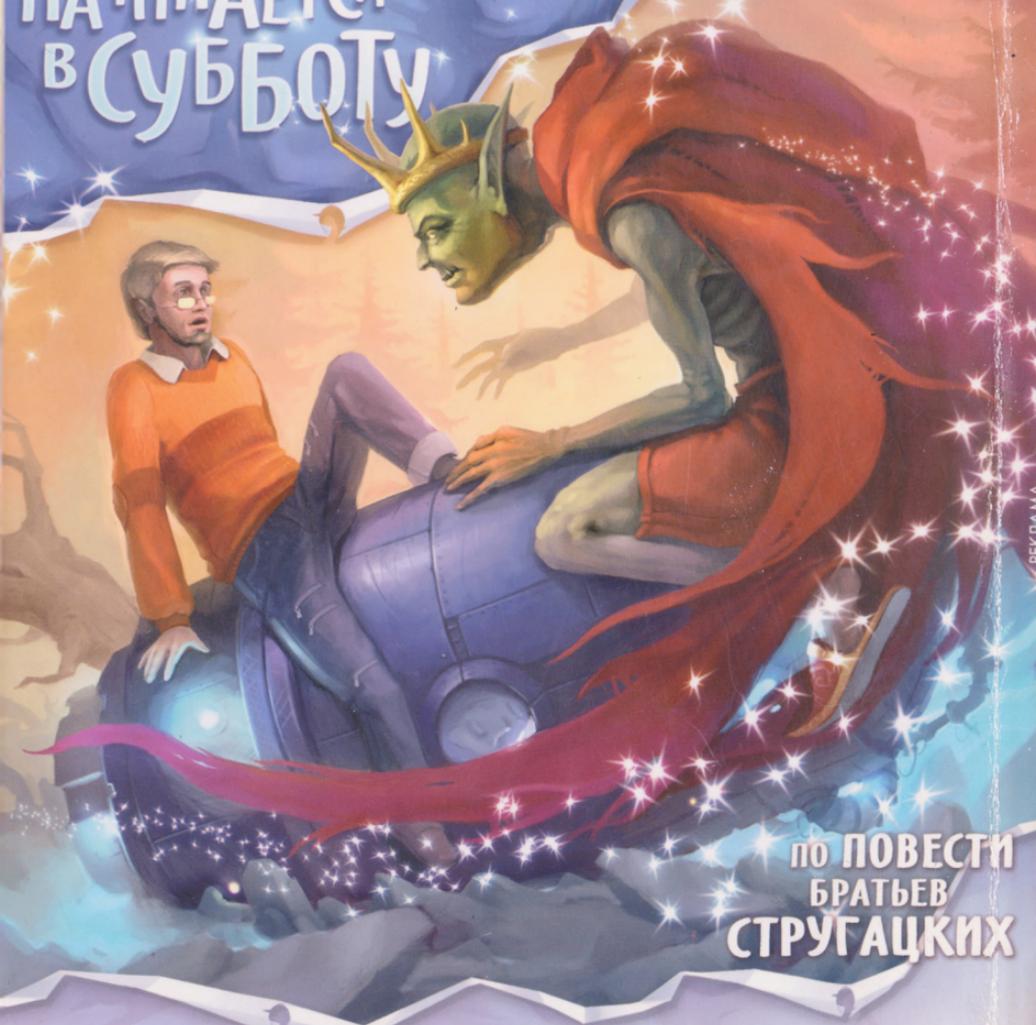
а также произведения
Сергея Карлика,
Майка Гелприна,
Сергея Бережного
и других авторов

1861

ВОКРУГ СВЕТА
www.vokrugsveta.ru

Акелла

ПОНЕДЕЛЬНИК
НАЧИНАЕТСЯ
В СУББОТУ

по ПОВЕСТИ
БРАТЬЕВ
СТРУГАЦКИХ

Что лучше - магия или наука?
Обращайтесь за ответом в НИИЧАВО

ROOTFIX
entertainment

XIT ZONA

Настройка!

М.видео

www.akella.com

© 2007-2008 ООО "Акелла". Все авторские и имущественные права на территории России, СНГ и стран Балтии. Нелегальное копирование преследуется.
Тех. поддержка: Москва, (495) 363-4612. E-mail: support@akella.com. Игры с доставкой: www.odgames.ru

Оптовая продажа: Москва, (495) 363-46-14, nataty@cdnavigator.ru; Санкт-Петербург, (812) 252-49-65, akella@mgbox.ru;

Ростов-на-Дону, (863) 290-75-42, akellarostov@aanet.ru; Новосибирск, (383) 227-74-64, akellamsk@akella.com;

Екатеринбург, (343) 297-34-42, akellabek@yandex.ru

Представитель на Украине - "МультиТрейд" - www.multitrade.com.ua.
Финанс ООО "Топик Навигатор" в Санкт-Петербурге (дистрибуторское подразделение компании "Акелла"), Санкт-Петербург, ул. Маршала Говорова, д.37, телефоны: (812) 262-48-65.

